

И·М·ШИШКИНА

ПРАВДА
ИСТОРИИ
и
ДОМЫСЛЫ
СОВЕТОЛОГОВ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБКОМА КПСС
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

И·М·ШИШКИНА

ПРАВДА
ИСТОРИИ
и
ДОМЫСЛЫ
СОВЕТОЛОГОВ

*Против искажения роли партии
в период перехода к мирному
социалистическому строительству*

Л Е Н И З Д А Т · 1 9 7 7

В книге критически анализируются основные концепции современной буржуазной историографии, фальсифицирующие роль Коммунистической партии в период перехода к мирному социалистическому строительству, показывается несостоятельность буржуазных теорий о месте и значении партии в политической системе советского общества.

Критику теорий западных советологов автор основывает на ленинских положениях, документах КПСС, анализирует фактический материал по этим проблемам, почерпнутый в советской исторической литературе.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

*Научный редактор доктор исторических наук,
профессор О. Н. Тагаров*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный этап мирового развития характеризуется серьезными изменениями соотношения сил в пользу социализма. Политика мира, которую неуклонно проводят Советское государство, другие социалистические страны, борьба за мир коммунистических партий и всех демократических прогрессивных сил способствуют оздоровлению международной обстановки, постепенному упрочению разрядки. Вместе с тем, как это отмечалось в постановлении Пленума ЦК КПСС «О международном положении и внешней политике Советского Союза» от 16 апреля 1975 года, «силы войны, реакции, агрессии не оставляют попыток подорвать позитивные процессы, происходящие в современном мире»¹.

Смягчение международной напряженности, продвижение по пути разрядки не означают ослабления идеологической борьбы, борьбы с проявлениями антисоциализма, с его попытками любой ценой ослабить позиции социализма, претендовать на буржуазную идеологию в странах социалистического содружества. «Разрядка,— говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии,— ни в коей мере не отменяет и не может отменить или изменить законы классовой борьбы»². «В борьбе двух мировоззрений,— указывал Л. И. Брежнев,— не может быть места нейтралитету и компромиссам. Здесь нужна высокая политическая бдительность, активная, оперативная и убедительная пропагандист-

¹ «Правда», 1975, 17 апреля.

² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 33.

ская работа, своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям»¹.

XXV съезд КПСС уделил большое внимание задаче развертывания наступательной идеологической борьбы против империализма. В Отчетном докладе Центрального Комитета партии съезду была подчеркнута необходимость повышения уровня идейно-воспитательной работы коммунистических партий социалистических стран для того, чтобы «успешнее выступать в идеологическом противоборстве двух социальных систем. Это в нынешних условиях очень важно, ибо проблемы идеологической борьбы все более выдвигаются на первый план. а правда о социализме — могучее оружие в этой борьбе»².

Особую актуальность задачи борьбы с антikоммунистическими и антисоветскими извращениями исторического опыта КПСС приобретают в связи с шестидесятилетием Великой Октябрьской социалистической революции. Эту знаменательную дату наша страна, все прогрессивное человечество встречают под знаком новых побед социализма, торжества учения марксизма-ленинизма, ярко демонстрирующих свою великую революционно-преобразующую силу. Шестидесятилетие Октября вновь привлекает самое пристальное внимание к историческому опыту Коммунистической партии, советского народа, внимание и наших друзей, и наших классовых, идеологических противников во всех странах мира. Поэтому в постановлении ЦК КПСС от 31 января 1977 года «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» в качестве одной из важных задач организационно-политической и идейно-воспитательной работы отмечается необходимость «вести аргументированную критику буржуазной идеологии, право- и леворевизионистских концепций, разоблачать различного рода фальсификаторов истории, пытающихся умалить международное значение Октябрьской революции, пути, пройденного нашей партией и народом, давать решительный отпор антikоммунизму и антисоветизму, оппортунизму всех мастей»³.

В целях усиления идеологического давления на страны социализма империалистическая пропаганда при-

¹ Материалы XXV съезда КПСС, с. 74.

² Там же, с. 10.

³ О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М., 1977, с. 29.

меняет самые разнообразные приемы и методы. Немалая роль среди них принадлежит различным попыткам использовать историческую науку для извращения событий прошлого.

Реакционная буржуазная историография занимает не последнее место в осуществлении идеологических диверсий империализма против социалистических стран, в распространении антикоммунизма и антисоветизма.

Для успешной борьбы против антикоммунизма, в какой бы форме он ни проявлялся, необходимо знать приемы и методы, используемые буржуазными советологами. Неоцененную помощь в этом оказывает изучение богатейшего опыта борьбы В. И. Ленина и его соратников против извращений теории и практики социалистического строительства в нашей стране.

Ответственным участком идеологического фронта является историко-партийная наука, которая ставит одной из своих непосредственных задач изучение опыта КПСС в осуществлении социалистической революции и последующей деятельности партии по руководству строительством социализма и коммунизма в нашей стране.

Именно руководящая и направляющая деятельность КПСС в нашем обществе на всех этапах послеоктябрьского развития подвергается наибольшим нападкам и искажениям со стороны реакционных буржуазных авторов, а учение о руководящей роли Коммунистической партии как одном из коренных вопросов революционного движения стало центром идеологической борьбы между марксистами-ленинцами и представителями буржуазной и реформистской идеологии.

Советские ученые уже немало сделали для вскрытия несостоятельности и опровержения целого ряда концепций буржуазной историографии истории КПСС, особенно относящихся к таким этапам истории партии, как подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции, осуществление индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, организация отпора врагу во время Отечественной войны¹.

¹ См. например: Зенушкина И. С. Советская национальная политика и буржуазные историки. Становление Советского многонационального государства (1917—1922 годы) в современной американской историографии. М., 1971; Игрицкий Ю. И., Романовский Н. В. Критика буржуазной историографии трех революций в России. М., 1975; Критика буржуазной историографии советского общества. Под ред. В. С. Васюкова. М., 1972; Критика

Гораздо меньше внимания до самого последнего времени уделялось критическому разбору буржуазных концепций и версий, касающихся деятельности партии в период перехода к мирному социалистическому строительству.

Между тем эти годы занимают особое место в истории Советского государства. Положивший начало переходу к мирному социалистическому строительству X съезд РКП(б) решил кардинальные проблемы, касающиеся перспектив дальнейшего развития советского общества, роли самой партии как руководящей и направляющей силы строительства социализма в стране и перспектив ее последующего внутреннего развития. Всемирно-историческое значение съезда состоит в том, что в его резолюциях было развито и конкретизировано марксистско-ленинское учение о путях создания социалистического общества. Съезд отметил необходимость переходного периода от капитализма к социализму, который в главном и существенном (вовлечение в социалистическое строительство непролетарских слоев трудящихся) обязателен для всех стран, вставших на путь построения социализма. Съезд внес большой вклад в марксистско-ленинское учение о Коммунистической партии,

буржуазных концепций истории и политики КПСС. Л., 1974; Критика новейшей буржуазной историографии. Сб. статей. М.—Л., 1961; Костиц А. Ф. Ленинская концепция истории создания РСДРП и ее буржуазные критики. М., 1973; Марушкин Б. И. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969; Он же. История в современной идеологической борьбе. Строительство социализма в СССР сквозь призму антикоммунистической историографии США. М., 1972; Он же. Историческая наука и современная идеологическая борьба. М., 1975; Он же. Советология: расчеты и просчеты. М., 1976; Маркуль Г. С. Торжение ленинской национальной политики и ее буржуазные фальсификаторы. Минск, 1975; Микешин Н. П. История против антиистории. Критика буржуазной фальсификации послевоенного периода истории КПСС. М., 1973; Олегина И. Н. Индустриализация СССР в английской и американской историографии. Л., 1971; Против буржуазной фальсификации истории советского общества. Сб. статей. Отв. ред. В. А. Овсянкин. Л., 1967; Против буржуазных фальсификаторов истории и политики КПСС. Сб. статей. Сост. В. М. Шапко. М., 1970; Против фальсификации истории КПСС. Сб. статей. М., 1964; Салов В. И. Германская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1960; Сорвина Г. Н. Критика современных буржуазных концепций экономики социализма. М., 1972; Хидоятов Г. А. Ленинская национальная программа и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1972; Шарапов Г. В. Критика антикоммунизма по аграрному вопросу. М., 1966; и др.

указав на возрастание ее роли в социалистическом строительстве и подчеркнув необходимость упрочения единства ее рядов, особенно в сложных социально-экономических условиях переходного периода¹.

Деятельность партии в начале 20-х годов, направленная на решение важнейших политических и социально-экономических вопросов, связанных с выработкой курса социалистического строительства, давно служит предметом особого интереса и пристального внимания буржуазной историографии.

В работах современных буржуазных авторов, посвященных истории КПСС, нет недостатка в признаниях большого значения этого этапа, и в особенности роли X съезда РКП(б), в жизни партии и страны. Нередко его характеризуют как «поворотный пункт русской истории», «кардинальный момент советской политики», «знаменательную веху в истории партии», «начало новой эры в истории партии» и т. д.².

Однако все эти оценки политики партии в период перехода к мирному социалистическому строительству отнюдь не связаны с признанием ее крупного вклада в борьбу за укрепление единства своих рядов или выработку плана строительства социализма. Как раз наоборот! Буржуазные советологи искажают роль и значение деятельности партии в эти годы и путем ее тенденциозной интерпретации пытаются дать «историческое обоснование» для фальсификации современной политики КПСС.

Превратное истолкование фактов и событий истории партии в период перехода к мирному социалистическому строительству ведется по трем основным направлениям.

Во-первых, этот период используется советологами для «обоснования» антисоветских концепций, касающихся роли партии в политической системе советского общества, для искажения учения о сущности Советского государства, для создания мифов о противоположности интересов партии и народа.

¹ См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. I. М., 1970, с. 68.

² См.: Deutscher I. Soviet trade unions. Their place in Soviet labour policy. London—New York, 1950, p. 42; Fainsod M. How Russia is ruled. Cambridge (Mass.), 1963, p. 98; Grey I. The first fifty years. Soviet Russia 1917—1967. London, 1967, p. 190; Kassof A. (ed.). Prospects for Soviet society. New York, 1968, p. 79; Schapiro L. The communist party of the Soviet Union. New ed. rev. and enl. New York, 1970, p. 231.

Во-вторых, политика партии, направленная на борьбу с фракционными группировками в целях обеспечения единства своих рядов, на осуществление демократического централизма, остающегося и по сей день основополагающим принципом построения и деятельности коммунистических партий, на повышение ее боеспособности, объявляется советологами началом «уничтожения внутрипартийной демократии» и интерпретируется как зародыш пресловутого «сталинизма».

В-третьих, переход к новой экономической политике, осуществленный РКП(б) в начале 20-х годов, искажается и произвольно трактуется таким образом, чтобы опровергнуть последующий курс партии на индустриализацию страны и колLECTIVИZациЮ сельского хозяйства и тем самым «подвести базу» под различные спекулятивные толкования современной экономической политики КПСС.

Автор данной книги ставит перед собой задачу критически проанализировать основные концепции, версии и схемы современной буржуазной историографии, относящиеся к освещению политики партии в начале 20-х годов. Такая работа представляется тем более актуальной, что интерпретация в современной буржуазной литературе всего комплекса этих вопросов еще не была предметом специального рассмотрения в советской исторической литературе. Лишь отдельные моменты этой темы получили освещение в статьях¹.

В книге рассмотрены главным образом наиболее крупные исследования американских и английских бур-

¹ См.: Ваксер А. З., Скляров Л. Ф. Против извращения в западногерманской историографии внутрипартийной борьбы в КПСС (1920—1921 гг.). — В кн.: Против буржуазной фальсификации истории советского общества. Л., 1967, с. 43—62; Пильгуй В. П. Критика буржуазных фальсификаторов по вопросам борьбы за единство Коммунистической партии (1921—1929 гг.). — В кн.: Ленинские принципы партийного строительства в условиях перехода к социализму. М., 1970, с. 111—146; Придворова Т. П. Новая экономическая политика в оценке буржуазных авторов. — В кн.: Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972, с. 102—135; Ромаин И. О. Критика буржуазных извращений сущности нэпа. — В кн.: Ленинское учение о нэпе и его международное значение. М., 1973; Шербак Н. В. Об эволюциях буржуазных оценок нэпа. — В кн.: Новая экономическая политика. Материалы всесоюзной научной сессии, ч. 1. М., 1971.

Другие работы советских авторов, так или иначе связанные с рассматриваемыми нами вопросами, указываются в соответствующих местах книги.

жуазных авторов 50—70-х годов. Они в значительной мере отражают общий подход всей западной историографии истории КПСС и Советского государства к изучению данных проблем. Критическому анализу в первую очередь подвергнуты работы широко известных на Западе советологов Р. Дэниелса, Л. Шапиро, И. Дейчера, Э. Карра, А. Улама, А. Мейера, Т. Андерсона, М. Файнсода, П. Авриха, В. Бандеры, А. Ноува, Р. Лэйрда, Я. Грея и др.

Методологической основой исследования явились произведения В. И. Ленина, который внес решающий вклад в разработку всех основных вопросов, вставших перед партией и государством в период перехода к мирному социалистическому строительству, дал блестящий анализ социально-экономических и политических процессов в стране и предопределил основное направление решений, принятых партией и Советским государством. Критический анализ современной буржуазной литературы по рассматриваемой проблеме потребовал тщательного изучения стенограмм съездов и конференций РКП(б), привлечения других документов и материалов по истории КПСС. В своей работе автор опирался на наиболее значительные труды советских историков и экономистов, посвященные рассматриваемым в книге проблемам¹. Широко использована и последняя фунда-

¹ См.: Баевский Д. А. Рабочий класс в первые годы Советской власти. 1917—1921 гг. М., 1974; Берхин И. Б. Ленинский план построения социализма. М., 1960; О и же. Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М., 1970; Геникин Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922). М., 1954; О и же. Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923. М., 1969; Гимпельсон Е. Г. Советский рабочий класс. 1918—1920 гг. Социально-политические изменения. М., 1974; Злобина В. М. Коммунистическая партия — руководитель политического, трудового и культурного подъема рабочего класса в восстановительный период (1921—1925 гг.). М., 1968; Иванов В. М. Из истории борьбы партии против «левого» оппортунизма. Л., 1965; Исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики. М., 1972; Каторгин И. И. Исторический опыт КПСС по осуществлению новой экономической политики (1921—1925 гг.). М., 1971; Ленинское учение о изле и его международное значение. М., 1973; Ляшенко П. И. История народного хозяйства СССР, т. 111. М., 1956; Матюгин А. А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925). М., 1962; Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974; Папков Ю. С. В. И. Ленин о сущности политики «военного коммунизма». М., 1975; Поляков Ю. А. Переход к излу и советское крестьянство. М., 1967; Семанов С. Н. Ликвидация антисоветского кронштадтского

ментальная публикация, посвященная исследуемому периоду,— 1-я и 2-я книги 4-го тома многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза», изданные в 1970 году.

Наконец, следует отметить, что предлагаемая читателю книга не претендует на охват всего содержания периода перехода к мирному социалистическому строительству, всех аспектов политики партии этого времени. Автор счел целесообразным критически рассмотреть положения современной буржуазной историографии прежде всего по тем вопросам, которые актуальны сегодня и подвергаются советологами тенденциозной интерпретации с особой настойчивостью и активностью. Такой подход позволил выявить и проанализировать комплексно все наиболее распространенные концепции западных авторов по главным проблемам периода, что, на наш взгляд, поможет читателю получить целостное представление об основных направлениях фальсификации этого сложного и значительного этапа истории нашей партии.

мятежа 1921 года. М., 1973; Степанов А. С. Десятый съезд РКП(б). Изд. 2-е. М., 1971; Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. 1—2. М., 1967; Трифонов И. Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. М., 1960; и др.

Глава I

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ОСВЕЩЕНИЯ ИСТОРИИ КПСС В СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТОЛОГИИ

История КПСС в современной буржуазной советологии не выделяется в самостоятельную отрасль исторической науки. Тем не менее при том размахе, который приобретает на Западе изучение различных проблем прошлого и настоящего Советского Союза, вопросы истории и политики нашей партии нередко оказываются в центре внимания буржуазных советологов. Поэтому анализ и критика буржуазных концепций, относящихся к определенному периоду истории КПСС, к той или иной историко-партийной проблеме, ни в коем случае не должны ограничиваться рассмотрением и оценкой специальных работ, посвященных собственно истории партии коммунистов. Такие специальные работы пока еще немногочисленны, хотя их количество на протяжении последних лет заметно возросло. Появились исследования по самым различным проблемам: учение В. И. Ленина о партии нового типа, его роль в руководстве Коммунистической партией, партийное строительство и принципы построения партии, оппозиционные группировки на отдельных этапах ее развития и т. д. Последняя тема особенно привлекает западных исследователей, которые не считают нужным скрывать, что именно в платформах антипартийных группировок они ищут альтернативу политике ленинского ЦК. «Для несоветских историков является вполне естественным, — пишет, например, американский историк А. Улам, —

смотреть с симпатией на многих оппозиционеров 1921—1922 гг.»¹.

Не меньшее значение для выявления основных концепций и схем истории КПСС в современной буржуазной историографии имеют работы по истории Советского государства, в которых в той или иной мере рассматриваются вопросы истории партии соответствующего периода.

Следует отметить, что широкое распространение советологии началось после окончания второй мировой войны, когда при поддержке различных монополий появились, особенно в США, комплексные центры по изучению истории, политики, экономики, идеологии, культуры Советского Союза и стран Восточной Европы. Несомненным импульсом для возникновения таких центров (Русского института при Колумбийском университете, организованного при поддержке фонда Рокфеллера, Русского исследовательского центра Гарвардского университета, учрежденного на средства корпорации Карнеги, Института славяноведения Калифорнийского университета и др.) было стремление идеологов империализма в условиях «холодной войны» лучше узнать противника для борьбы с ним².

К настоящему времени во всех капиталистических странах сложились многочисленные школы профессиональных советологов, объединяющие историков, экономистов, политологов, лингвистов и литературоведов. У истоков этих школ стояли русские эмигранты (в США — М. Карпович, М. Флоринский, Д. Вернадский), и советологи до сих пор испытывают влияние регулярно издаваемых в капиталистических странах книг и статей врагов Советской власти самой различной политической окраски, а также тенденциозных сочинений представителей второго и третьего поколений эмигрантов. Большое воздействие на современную советологию оказали некоторые историки-эмигранты и публицисты троцкистской ориентации, активно пропагандирующие деятельность Троцкого, издающие его сочинения и т. д.

Разработка на Западе различных проблем прошлого и настоящего Советского Союза, его политической си-

¹ *Ulam A. Lenin and the Bolsheviks*. London, 1966, p. 541.

² Подробнее см.: Марушкин Б. И. История в современной идеологической борьбе. Строительство социализма в СССР сквозь призму антикоммунистической историографии США. М., 1972, с. 17—39.

стемы, места и роли в ней Коммунистической партии приобретает столь широкий размах, количество авторов растет так быстро, а издаваемая литература по этим проблемам так многочислена и разнообразна, что применительно к некоторым странам уже вполне можно говорить о «советоведческой индустрии». Так, в США в настоящее время насчитывается около 170, в ФРГ — более 100 учреждений, занятых изучением Советского Союза или пропагандистской работой против нашей страны¹.

О количестве специалистов, изучающих различные аспекты истории и политики нашего государства в США, можно, в частности, судить по численности Американской ассоциации содействия развитию славяноведения. Если в 1962 г. в этой ассоциации состояло 1400 членов, то уже в 1968 г. — 2300, что свидетельствует о высоких темпах ее роста². Если за столетие с 1850 по 1950 год в американских университетах было защищено около 250 диссертаций о России и Советском Союзе, то только с 1961 года по 1972 год в США и Канаде их число превысило 1800 (в 7 раз больше, чем в предшествующие 75 лет)³. Особой «продуктивностью» западная советология характеризуется в последние годы. В этом убеждает ознакомление с многочисленными обзорами советологической литературы, десятками книг и сборников, вышедших на Западе к 50-летию Октябрьской революции и посвященных различным вопросам истории КПСС и Советского Союза⁴. В связи со 100-летием со дня рождения В. И. Ленина только в ФРГ было опубликовано 560 статей, за период с 1965 года по 1973 год вышли четыре биографические книги о нем общим объемом более 2700 страниц⁵.

¹ См.: Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972, с. 5, 358; Марушкин Б. И. Советология: расчеты и просчеты. М., 1976, с. 15.

² См.: Марушкин Б. И. История в современной идеологической борьбе, с. 36.

³ Там же, с. 19; см. также: Марушкин Б. И. Советология: расчеты и просчеты, с. 16.

⁴ См., например, следующие обзоры литературы: Adams A. E. New books on the revolutions. Old wine in new bottles. — «Russian Review», 1967, vol. 26, № 4; Chamberlin W. H. New books on fifty years of Soviet rule. — «Russian Review», 1968, vol. 27, № 2.

⁵ См.: Марушкин Б. И. Советология: расчеты и просчеты, с. 25.

При оценке нынешнего состояния изучения и освещения буржуазной советологией истории КПСС и Советского государства нельзя ограничиваться лишь специальными научными изданиями по этим проблемам и упускать из виду широкий поток советоведческих работ самого разнообразного характера, который наводняет книжные рынки капиталистических стран и в значительной мере формирует представление буржуазного общества о прошлом и настоящем нашей страны. Это прежде всего общие курсы и работы по крупным проблемам истории России и СССР. Кроме того, уже начинают появляться и специальные очерки по истории КПСС¹. В рамках данной книги не ставится задача дать оценку всей этой многочисленной учебной или учебно-пропагандистской литературы. Ограничимся лишь некоторыми общими замечаниями.

Необходимо отметить определенную последовательность и целенаправленность издания общих работ советоведческого характера. Фактически эти работы ориентированы на различные возрастные группы, начиная с шестилетнего возраста. Так, книга Д. Футмена «Русские революции» специально предназначена для детей 6—8 лет. Как же излагаются в ней события истории партии, связанные, например, с X съездом РКП (б), какое представление получают о них дети младшего школьного возраста? Решения съезда трактуются как проявление стремления руководства партии «поставить на колени» всех «инакомыслящих» и путем применения «нечестных» методов «принуждения» заставить делегатов голосовать против оппозиционных группировок².

Не менее примитивна и тенденциозна книга Дж. Гантера «В России сегодня», которая вышла в серии юношеской литературы, рассчитанной на детей 7—12 лет. Обращаясь к истории СССР 1921—1923 годов, автор проводит мысль, что большевики отреклись не только «от бога, царя, отечества», но и «от морали, законов»³.

¹ См.: Keer I. CPSU: then and now. — «Survey», 1970, № 76; Reshetar J. S., jr. A concise history of the communist party of the Soviet Union. New York, 1960; Schapiro L. (ed.). The USSR and the future. An analysis of new program of the CPSU. New York, 1963; D e m. The communist party of the Soviet Union. New ed., rev. and enl. New York, 1970.

² См.: Footman D. The Russian revolutions. London, 1962, p. 116.

³ Gunther J. Inside Russia today. New York, 1958, p. 165.

Подросткам старшего школьного возраста (15—17 лет) адресована книга английского автора Ф. Стейси «Ленин и русские революции». О направленности этого «учебного пособия» свидетельствует, например, вопрос, предложенный автором ученикам по разделу о событиях в России первых лет Советской власти: «Попытайтесь определить, сдержали ли впоследствии большевики свои обещания, данные народам России?»¹.

Превратные представления об истории нашей страны, полученные рядовым американцем или европейцем в детстве из работ, подобных тем, которые отмечены нами выше, закрепляются в его сознании в более зрелом возрасте.

Большинство общих курсов истории СССР или России, выходящих на Западе, предназначено для студентов колледжей, университетов или просто для читающей публики, интересующейся прошлым нашей страны. В этих работах у различных авторов в разной мере определены «пропорции» между историей советского общества и историей КПСС. Одни уделяют больше внимания первой, другие — второй. При этом объективистское изложение вопросов истории Советского государства иногда уживается с крайне тенденциозным, воинствующим подходом к оценке истории партии того же периода, с искаженным толкованием вопросов внутрипартийной жизни, с тезисом о «перерождении» партии. Такова, например, «История России» Б. Пэйрса, многократно издававшаяся в США и Англии, в которой наязчиво варьируется мысль, что хотя после 1921 года Россия и управлялась коммунистами, это управление не соответствовало принципам научного коммунизма².

Составители некоторых изданий предпочитают прибегать к завуалированным, «тонким» приемам искажения истории КПСС. Примером может служить выпущенная в Лондоне в 1975 году под редакцией Мак Гоули хрестоматия «Русская революция и Советское государство 1917—1921». Если ознакомиться с опубликованными в ней документами, относящимися к интересующему нас периоду, то можно обнаружить, что X съезд РКП(б) представлен лишь резолюциями «О единстве партии» и «Об анархо-синдикалистском

¹ Stacey F. Lenin and the Russian revolutions. London, 1968, p. 63.

² Pares B. A history of Russia. London, 1970, p. 563.

уклоне в партии¹. Совершенно очевидно, что такой отбор материалов акцентирует внимание лишь на вопросах внутрипартийной борьбы и в то же время затушевывает роль партии в решении кардинальных экономических, социальных и политических задач перехода к социалистическому строительству, выдвинутых в резолюциях съезда.

Гораздо откровеннее действует Стэнли Пэйдж, составитель хрестоматии «Россия в революции», посвященной истории нашей страны с 1855 по 1917 год и в послеоктябрьский период. Он снабжает каждый раздел своей книги довольно пространными комментариями. Что же узнают, например, американские студенты, которым адресовано это «пособие», о периоде 1921—1928 годов? Поверив на слово профессору С. Пэйджу и приводимым им тенденциозно подобранным свидетельствам антисоветски настроенных оппозиционеров, они получат извращенную картину истории КПСС этого периода. Из комментариев и материалов хрестоматии следует, что партия «сдавила тисками» все сферы жизни советского общества; внутри РКП(б) все ее члены «бесправны» и т. п.². В другой работе «Ленин и мировая революция» автор пытается опровергнуть творческий характер развития В. И. Лениным марксистской теории социалистической революции³.

В основу большинства общих курсов и книг, относящихся к периоду социализма, положена концепция так называемого «тоталитаризма», с помощью которой их авторы и пытаются толковать важнейшие события истории КПСС и Советского государства. Многим из этих книг свойственны компилиативность, отсутствие собственной позиции по излагаемым вопросам⁴. Зачастую дух такого общего курса зависит от характера исследования, лежащего в его основе. Одним авторам свойствен-

¹ The Russian revolution and the Soviet state 1917—1921. Documents. Select. and ed. by M. McGauley. London, 1975, p. 207—214.

² Page S. W. (ed.). Russia in revolution. Selected reading in Russian domestic history since 1855. New York, 1965, p. 165.

³ Page S. W. Lenin and world revolution. Gloucester (Mass.), 1968.

⁴ Компилятивность, плюрализм, двойственность в суждениях явно свойственны, например, работам Я. Грея, Д. Тридголда, Дж. Уэструда и др. (см.: Grey J. The first fifty years. Soviet Russia 1917—1967. London, 1967; Treadgold D. W. Twentieth century Russia. 2nd ed. Chicago, 1964; Westwood J. N. Russia 1917—1964. New York, 1966).

но стремление опереться на исследования, которые отличаются объективистским освещением истории нашей страны, умеренностью в оценке событий ее прошлого и настоящего, другие, напротив, питают пристрастие к работам, отчетливо обнаруживающим реакционный и консервативный подход. К первым можно отнести, например, «Историю России» Г. Эллисона¹, который, по-видимому, опирается на концепции крупного английского специалиста Э. Карра, известного представителя буржуазно-либерального направления в зарубежном советоведении; ко вторым — посвященные советскому периоду разделы «Истории России» Дж. Лоуренса², в трактовке которых ощущается влияние Л. Шапиро, И. Дейчера и других западных авторов, открыто фальсифицирующих историю КПСС.

Нельзя не отметить того, что в общих курсах и работах, посвященных истории нашей партии и государства, преобладающей является вторая тенденция, которая характеризуется предвзятым освещением событий.

Помимо упомянутых работ, известное представление о размахе буржуазного советоведения дают довольно многочисленные издания справочного характера, призванные удовлетворить интерес западного читателя к тем или иным аспектам прошлого и настоящего нашей Родины. Речь идет о разнообразных биографических справочниках, энциклопедиях, подборках документов, библиографических указателях, посвященных СССР, деятелям Коммунистической партии и Советского государства. Большинство этих изданий также отличаются ярко выраженной антисоветской направленностью, фальсифицируют историю КПСС.

Крайне тенденциозна также «научно-популярная» литература, касающаяся различных периодов истории СССР, советской политической системы, роли в ней КПСС, внешней политики, идеологии, культуры Советского государства. Как правило, круг авторов книг, предназначенных для массового читателя, ограничен наиболее консервативными и откровенно антисоветски настроенными историками и публицистами. Таковы, например, Ф. Баргхурн, книга которого «Политика в СССР» вышла в Нью-Йорке в 1966 году под рубрикой «Малая коричневая серия сравнительных полити-

¹ Ellison H. J. History of Russia. New York—London, 1964.

² Lawrence J. A history of Russia. New York, 1969.

ческих систем», и Р. Конквест, под чьей редакцией в США с 1967 года публикуется серия работ под общим заголовком «Современный Советский Союз: институты и политика».

Среди литературы для массового читателя встречаются самые низкопробные поделки, извращающие буквально все основные события прошлого и настоящего нашей партии и государства. К таким писаниям принадлежит, например, вышедшая в 1967 году, в год 50-летия Советской власти, книжонка Е. Лайонса, автор которой, стремясь внести свой вклад в «ниспровержение основных мифов большевизма», предлагает западному читателю самые примитивные схемы об Октябрьской революции, строительстве социализма в нашей стране и т. д.¹.

Своего рода «событием» в советоведении последних двух десятилетий было появление целой серии фальшивых мемуаров, принадлежащих якобы видным деятелям партии и Советского государства, того же сорта «дневников», книг, посвященных некоторым лицам. Изготовление этой «продукции» было наложено эмигрантами во главе с Б. Беседовским, а затем продолжено под руководством В. Александрова. Хотя в середине 60-х годов подложный характер «мемуаров» и всей «литературы» группы Беседовского был раскрыт, первоначально эти «книги для идиотов», по выражению американского историка П. Блэкстока², ввели в заблуждение даже такого видного автора, как Э. Карр, который написал предисловие к одной из них. Естественно, что широкое распространение подобных фальшивок не могло не отразиться на представлениях о нашей партии и стране тысяч менее искушенных читателей за рубежом.

Таким образом, налицо система формирования в сознании народов западных стран искаженного представления о нашей стране, ее прошлом и настоящем. Усилия советологов направлены на то, чтобы посредством клеветы и дезинформации очернить внутреннюю и внешнюю политику КПСС и Советского государства, посеять недоверие к социализму и на этом фоне продемонстрировать все «преимущества» буржуазной демократии.

¹ Lyons E. Fifty years of Soviet communism: a balance sheet. New York, 1967.

² Blackstock P. W. Books for idiots: false Soviet «memoirs». — «Russian Review», 1966, vol. 25, № 3.

И эта их «деятельность» приносит свои плоды. О фактах вопиющего невежества населения западных стран в вопросах, касающихся СССР, писалось неоднократно. Приведем лишь один пример — свидетельство корреспондентов газеты «Правда» Б. Стрельникова и И. Шатуновского, отмечающих, что 16% американских студентов не знают, на чьей стороне Советский Союз воевал во второй мировой войне, а 6% уверены, что он входил в блок Германии и Японии¹.

Советская историческая литература совершенно справедливо отмечает два основных направления в современной буржуазной историографии истории КПСС и Советского государства: реакционно-консервативное и буржуазно-либеральное, или объективистское. Первое, преобладающее, отличается явно тенденциозным, антисоветским подходом к анализу основных событий истории КПСС и СССР. Второе характеризуется относительной лояльностью при изложении событий и явлений прошлого нашей партии и государства, стремлением к известной независимости научного мышления и попыткой выйти за рамки некоторых стандартных схем и концепций, распространенных в буржуазной советологии. Представители этого направления нередко признают выдающиеся успехи, достигнутые партией и Советским государством после Октябрьской революции, и с этой точки зрения оценивают то или иное событие прошлого, не отказываются от изучения советской исторической литературы и документальных публикаций, изданных в нашей стране. К буржуазно-либеральному направлению можно отнести, например, таких историков, как Л. Кочэн, Г. Эллисон, М. Ферро, Ф. Шуман, Г. Уилбер. Наиболее видным и авторитетным представителем этого направления является английский профессор Э. Карр, крупнейший специалист по истории советского общества на Западе, автор многочисленных фундаментальных исследований в этой области². Сто-

¹ См.: Стрельников Б., Шатуновский И. Америка — справа и слева. М., 1971, с. 75.

² См.: Carr E. H. *The bolshevik revolution, 1917—1923*, 3 vols. London, 1950—1953, 1966; I dem. *The Interregnum*, 1923—1924. London, 1969; I dem. *Socialism in one country*, 1924—1926. 3 vols. London, 1958—1964; I dem. 1917: before and after. London, 1969; Carr E. H., Davies R. V. *Foundations of a planned economy*. 1926—1929, vol. I, London, 1969; Essays in honour of E. H. Carr. Ed. by C. Abramsky. London, 1974.

ройники реакционно-консервативного направления в современной советологии нередко упрекают Э. Карра в том, что он в своих работах дает «по меньшей мере квазимарксистский анализ» истории советского общества¹.

Выделение двух направлений в буржуазном советоведении носит, разумеется, сугубо условный характер. Несмотря на различия в оценке тех или иных событий истории КПСС представителями двух отмеченных направлений, их объединяет одна и та же цель — защита интересов своего класса и общее буржуазное мировоззрение. Поэтому между направлениями современной советологии трудно провести четкую разграничительную линию: неприятие социализма и защита капиталистического способа производства приводят к тому, что нередко схемы, концепции, взгляды, искающие характер политических событий в нашей стране и истории КПСС, одинаково присущи представителям обоих направлений. В частности, тот же Э. Карр, серьезно анализирующий социально-экономические процессы, происходившие в Советской России в начале 20-х годов, при характеристике многих политических моментов, особенно связанных с историей партии, зачастую разделяет открыто антисоветские взгляды и концепции И. Дейчера².

Если говорить об общеметодологических принципах трактовки истории КПСС и Советского государства современными советологами, то здесь заметно преобладание субъективно-идеалистических представлений о развитии исторического процесса в СССР, независимо от принадлежности автора к тому или иному направлению.

Идеалистическое понимание исторического процесса в современной буржуазной советологии находит многообразные проявления.

Во-первых, всячески умаляется роль народных масс и преувеличивается значение отдельных личностей; периодизация истории производится в соответствии с тенденциозной расстановкой деятелей партии и государства по «рангам» и роли в исторических событиях. При этом критерием такой периодизации служат собст-

¹ См., например: Walsh W. B. Russia and Soviet Union. A modern history. New ed. rev. and enl. Ann Arbor, 1968, p. 635.

² См., например: Сагг Е. Н. 1917: before and after.

венные домыслы и оценки авторов. Так, американский историк А. Мейер кладет в основу своей периодизации истории партии и государства первого пятилетия Советской власти выдуманный им самим «комплекс противоречивых идей Ленина», якобы определивших содержание трех основных фаз этого периода. Автор как бы переворачивает ход событий с ног на голову, выводя их не из объективных социально-экономических условий того или иного периода, которые побуждали партию взять определенный курс в политике, а из некой «общей идеи», объявляемой им основной движущей силой исторического процесса¹.

Во-вторых, игнорируются объективные социально-экономические процессы, вызвавшие те или иные изменения в политике. Их исследование подменяется рассуждениями по поводу мнимых политических комбинаций и беспочвенными аналогиями из политической истории разных времен и народов — «междусоюзие», «триумвират» и т. п. При этом политическая надстройка нередко трактуется как независимая от базиса и не связанная с ним сила.

В-третьих, главной пружиной развития истории КПСС и Советского государства нередко объявляются «русские исторические традиции» или «особенности русского национального характера». Развернутые концепции, построенные на этой основе, или их элементы можно встретить в работах многих буржуазных историков. В частности, теория «сдвигов и преемственности» Э. Карра лежит в основе его понимания развития исторического процесса послеоктябрьской Советской России как постепенного возвращения на традиционные рельсы русской национальной политики, сложившейся до революции².

До абсурда доводит вопрос о роли национальной традиции и ее влиянии на развитие истории партии и Советского государства американский профессор Т. Андерсон. Он «прослеживает» эволюцию русской политической мысли от Рюрика до наших дней, полагая, что

¹ См.: Meyer A. Leninism. Cambridge (Mass.), 1957, p. 187; I dem. The Soviet political system. — In: The USSR after 50 years: promise and reality. Ed. by S. Hendel and R. L. Braham. New York, 1967, p. 41—49.

² Критический анализ этой теории см.: Олегина И. Н. О труде Э. Х. Карра «Социализм в одной стране». — «История СССР», 1963, № 4, с. 188—205.

«нынешняя политика КПСС опирается на варяжско-ви-
зантийско-монголо-славянское наследство». Одним из
основных проявлений русского национального духа
Т. Андерсон считает стремление к централизации, к по-
стоянной борьбе с раздробленностью. Эту линию он ве-
дет от Владимира Киевского (IX в.) к победе «центра-
лизаторов-марксистов» над народниками, «централизо-
торов-большевиков» над меньшевиками и, наконец, «цен-
трализатора» В. И. Ленина и большинства ЦК над сто-
ронниками децентрализации — «рабочей оппозиции»
в РКП(б)¹. При этом автора несколько не смущает, что
он произвольно связывает воедино явления, которые
разделены веками, происходили в разных исторических
и экономических условиях, вызывались абсолютно раз-
ными причинами и преследовали различные цели.

Давая общую оценку современному развитию бур-
жуазной историографии истории КПСС, следует огово-
риться, что в последние годы у западных авторов наме-
тилась тенденция к более тщательному обоснованию
своих построений по отдельным проблемам, к более
глубокому изучению материала, к отказу от прямой и
откровенной его фальсификации, от примитивных кон-
цепций и схем. Усложнение системы доказательств,
использование атрибутов научного подхода при анализе
событий и явлений, связанных с тем или иным этапом
истории КПСС, отказ от голословного порицания и пе-
реход к скрытой, завуалированной дискредитации — та-
ковы новые приемы и методы, характерные для боль-
шинства современных советологов. Западного читателя
нередко стремятся убедить в беспристрастности, объек-
тивности авторского отношения к рассматриваемым про-
блемам истории КПСС, хотя многие из авторов, навяз-
чиво подчеркивающие свой «исключительно научный»
подход к анализу тех или иных событий, как раз и обна-
руживают наибольшую тенденциозность.

Использование современными советологами указан-
ных приемов интерпретации истории КПСС вызывает
необходимость тщательного анализа всей системы при-
водимых ими доказательств, фактов, так как нередко
среди многих достоверных сведений обнаруживается
искусно замаскированный тезис, искажающий подлин-

¹ Anderson T. Russian political thought: an introduction. New York, 1967, p. 361—373.

ный смысл события или явления в истории нашей партии.

Наконец, следует отметить еще одну характерную черту современной буржуазной историографии истории КПСС. Схемы, версии и концепции, предлагаемые советологами для истолкования политики нашей партии в период перехода к мирному социалистическому строительству, не являются новыми или оригинальными. Все основные идеи заимствованы буржуазными историками у троцкистов и идеологов других антирелинистических течений, потерпевших сокрушительное идеально-политическое поражение в борьбе с партией. Ныне их взгляды активно используются буржуазной историографией для извращения учения о руководящей роли Коммунистической партии в политической системе советского общества, искажения причин и характера борьбы с антипартийными фракционными группировками в 20-е годы, а также критики принципа демократического централизма, лежащего в основе построения и деятельности нашей партии.

Глава II

ПАРТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ В НАЧАЛЕ 20-Х ГОДОВ В ОЦЕНКЕ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1. ИСКАЖЕНИЕ УЧЕНИЯ О СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА, РОЛИ ПАРТИИ И РАБОЧЕГО КЛАССА В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Рассмотрение комплекса проблем, связанных с политикой партии в период перехода к мирному социалистическому строительству и оценкой значения этой политики для дальнейшего развития Советской страны, начинается современными советологами, как правило, с анализа вопросов сущности пролетарского государства, советской политической системы, места партии в этой системе, ее отношения к основным классам общества. При этом главное направление, основная тенденция в интерпретации современной буржуазной историографией указанных проблем сводится к попыткам поставить под сомнение правомерность руководящей роли партии в советской политической системе, исказить эту роль, подвергнуть критике ленинское учение о сущности Советского государства.

С помощью модификации и развития отвергнутых в свое время взглядов противников ленинской концепции Советской власти — от Каутского до оппозиционеров в рядах РКП(б), используя некоторые исторические штампы, представители современной западной советологии ведут свои атаки на нынешнюю политику партии и Советского государства. Появляются десятки книг о прошлом и настоящем советской политической системе, в которых «рассматриваются» сущность Советского государства на разных этапах его развития, особенности его социальной, экономической и политической жизни, место и роль КПСС.

Советские юристы, философы, экономисты сделали немало для выявления и разоблачения основных концепций буржуазных авторов, пытающихся объяснить с антикоммунистических позиций «сущность» Советского государства на современном этапе развития, характер его экономики, политики, идеологии, особенности советской политической системы¹. Достижения советской исторической науки в этой области скромнее. Труды, в которых дается критика работ буржуазных историков о социально-политических процессах развития Советского государства в период строительства социализма, пока еще немногочисленны².

Между тем буржуазная историография весьма активно проявляет себя в изучении указанных проблем, разрабатывает схемы и концепции, служащие для иска-
жения подлинной картины и сущности современной политической системы в СССР³.

Поэтому наряду с опровержением фальсификаторских построений советологов, касающихся политической системы развитого социалистического общества, необходимо вскрывать и разоблачать полную несостоятельность их попыток «опереться» на исторический материал, использовать его для «обоснования» различных вымыслов о природе нашей партии и государства.

Советское государство, возникшее в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, являлось государством диктатуры пролетариата. Свергнутые в ходе революции эксплуататорские классы использовали все силы и средства, чтобы отстоять свое

¹ См.: Цага В. Ф. Современные псевдонаучные теории социализма. М., 1966; Перфильев М. Н. Критика буржуазных теорий о советской политической системе. Л., 1968; О же. Народ и партия едины. (Против буржуазных «советологических» спекуляций). М., 1971; Ленинское учение о диктатуре пролетариата. М., 1970, с. 11—12, 17, 100, 114, 154; и др.

² См.: Харламова В. М. Разоблачение буржуазной фальсификации взаимоотношений КПСС с массовыми организациями трудящихся.—В кн.: Против фальсификации истории КПСС. М., 1964, с. 87—130; Щербак Н. В. Против буржуазных извращений роли Коммунистической партии в вовлечении рабочих в управление производством в восстановительный период.—В кн.: Страницы великого пути. Из истории борьбы партии за победу коммунизма, ч. II. М., 1969, с. 96—125.

³ Такова, например, концепция « тоталитаризма », подробная критика которой содержится в статье Е. Чехарина « Теоретические спекуляции идеологов антикоммунизма. О буржуазной критике политической организации социалистического общества » (« Коммунист », 1969, № 10, с. 101—112).

существование, оказывали новой власти отчаянное сопротивление. Диктатура пролетариата как государственная власть была вынуждена пресекать все эти попытки сопротивления и реставрации старого порядка, противодействия социалистическим преобразованиям. Функция подавления свергнутых эксплуататорских классов нашла отражение в политико-юридических формах и методах осуществления власти. Но государство диктатуры пролетариата не ограничивалось подавлением сил старого порядка, оно выступало организатором строительства нового общества и в этом смысле являлось государством переходного периода от одной общественно-экономической формации к другой.

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — писал К. Маркс в «Критике Готской программы», — лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*¹. Диктатура пролетариата есть прежде всего понятие государственное. Это — государство, в котором пролетариат организуется как господствующий класс. Учение о диктатуре пролетариата является продолжением и логическим завершением марксистско-ленинского учения о классах и классовой борьбе, о революционно-преобразующей роли пролетариата в истории, о его гегемонии в революции.

Пролетариат выступает в качестве гегемона революционной борьбы трудящихся еще в условиях капитализма, причем вовсе не обязательно, чтобы рабочий класс составлял большинство населения страны. Его сила, его способность стать во главе этой борьбы неизмеримо больше, чем его доля в общей массе населения. «Это — потому, — писал В. И. Ленин, — что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме². Кроме того, пролетариат как класс уже в условиях капитализма отличается революционностью, организованностью, дисциплинированностью, коллективизмом. Однако, будучи в условиях

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 27.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 23.

капитализма гегемоном революционной борьбы труда-
щихся, пролетариат не был политическим руководите-
лем общества. Исторический опыт показывает, что
руководство обществом принадлежит классу, являюще-
муся собственником основных средств производства,
а таким классом при капитализме выступает буржуазия.
Она господствует в экономике, она и руководит государ-
ством.

В результате победы Октябрьской революции и за-
воевания государственной власти господствующим клас-
сом становится пролетариат. Рабочий класс, сохранив
роль основной производительной силы общества, одновременно является и руководителем нового общества,
строящего социализм. В этом его принципиальное отли-
чие от всех предшествующих господствующих классов,
которые, будучи руководителями общества и государства,
не были производительными классами. Особенность
пролетариата как господствующего класса, как про-
изводительной силы и одновременно руководителя
государства в условиях перехода от капитализма к со-
циализму искажается современными буржуазными
историками, подходящими к его оценке с капиталисти-
ческими мерками.

Новая роль рабочего класса в государстве диктатуры пролетариата четко определена В. И. Лениным: «Пролетариат стал, свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, господствующим классом: он держит в руках государственную власть, он распоряжается обобществленными уже средствами производства, он руководит колеблющимися, промежуточными элементами и классами, он подавляет восросшую энергию сопротивления эксплуататоров»¹. Рассматривая диктатуру пролетариата как понятие прежде всего государственное, В. И. Ленин вместе с тем не сводил ее только к государственной власти, видел в диктатуре пролетариата целую «систему», «механизм» политической организации общества в условиях перехода от капитализма к социализму. Эта система объединяет все наличные силы и организации пролетариата в целях осуществления им политической власти в обществе. Естественно, для руководства обществом пролетариат сам нуждается в научном руководстве, его деятельность осуществляется не стихийно, она направляется его авангар-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 279.

дом — Коммунистической партией. «На нашу партию, как на организованный авангард пролетариата,— писал В. И. Ленин,— легла задача объединения борьбы рабочего класса и руководство его борьбой за победу рабоче-крестьянской Советской власти»¹.

Руководящее положение марксистской партии в системе диктатуры пролетариата по отношению ко всем другим организациям рабочего класса и трудящихся масс, по отношению к государственным органам, в том числе и представительным органам, В. И. Ленин объяснял рядом факторов. Партия — это передовой отряд рабочего класса, высшая форма его организации. Она состоит из наиболее сознательных и политически активных представителей рабочего класса, трудового крестьянства, интеллигенции. В ее рядах собраны самые деятельные, наиболее достойные люди из всех слоев трудящихся. Партия вооружена передовой, революционной, научной марксистско-ленинской теорией, которая позволяет правильно оценивать ход исторического развития, намечать цели и вырабатывать методы их достижения². В этом смысле В. И. Ленин и писал, что «диктатура пролетариата невозможна иначе, как через Коммунистическую партию»³.

Ленинское учение о диктатуре пролетариата базируется на диалектике взаимоотношений экономического базиса и политической надстройки общества. Признавая, что переход от капитализма к социализму является исторически закономерным процессом развития экономических отношений производства, основоположники марксизма-ленинизма никогда не считали, что экономика стихийно, сама по себе сможет решить основные задачи общественного развития. Ленинская формула «политика есть концентрированное выражение экономики»⁴ раскрывает диалектику отношений базиса и надстройки, показывает огромное значение субъективного фактора, организующего начала сознательной общественной деятельности в историческом процессе⁵.

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 39, с. 305.

² Подробнее см.: Снуриков П. М. В. И. Ленин о руководящей роли Коммунистической партии в системе диктатуры пролетариата. — В кн.: Вопросы стратегии и тактики в трудах В. И. Ленина послеоктябрьского периода. М., 1971, с. 5—50.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 43, с. 42.

⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 42, с. 278.

⁵ См.: Ленинское учение о диктатуре пролетариата, с. 150—155.

Поскольку политика, по словам В. И. Ленина, это «участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства»¹, то ясно, сколь велика роль государства диктатуры пролетариата в развитии экономики, в укреплении и становлении экономического базиса социалистического общества. Оно обладает такими возможностями воздействия на экономическую жизнь страны, которыми эксплуататорские государства не располагают. В ведении государства диктатуры пролетариата находится социалистическая собственность, командные высоты в области экономики.

Роль политической надстройки, и прежде всего государства диктатуры пролетариата, в развитии и укреплении экономического базиса определилась сразу после победы Октябрьской революции. Она активно проявлялась и в начале 20-х годов, несмотря на крайне тяжелое положение народного хозяйства и самого пролетариата. В. И. Ленин ставил тогда перед государством задачу активного воздействия на экономическую жизнь, считал необходимым для рабочего класса осуществлять свою диктатуру так, «чтобы он себя, как класс, чувствовал прочно, чтобы чувствовал почву под ногами»². Именно потому В. И. Ленин нацеливал партию и государство на восстановление крупной промышленности для укрепления экономической базы государства диктатуры пролетариата³.

Проблема соотношения экономики и политики в эпоху диктатуры пролетариата является камнем преткновения для одних буржуазных историков, объектом фальсификации — для других. Современная буржуазная историография не может противопоставить ленинским положениям о государстве диктатуры пролетариата, советской политической системе и роли в ней Коммунистической партии сколько-нибудь цельной собственной концепции. Разные авторы в своем толковании сущности социально-политического развития Советского государства в начале 20-х годов опираются на одно или несколько исходных положений, не пытаясь, как правило, рассмотреть проблему во всей ее полноте.

В основе распространенных в современной буржуазной историографии схем, призванных объяснить сущ-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 340.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 310.

³ См. там же, с. 81, 309—311.

ность советского государственного строя в рассматриваемый период, лежит версия о «диктатуре пролетариата без пролетариата». Она поконится на двух положениях, в той или иной вариации проявляющихся в работах зарубежных авторов, которые обращаются к вопросу о политическом строе Советской России в период перехода к мирному социалистическому строительству. Первое, характерное для наиболее реакционной части буржуазных историков, положение состоит в тенденциозной оценке взаимоотношений между большевистской партией и рабочим классом, в стремлении представить этот класс в качестве простой игрушки в руках «партийной элиты», не имеющей якобы ничего общего с его интересами и чаяниями, а политику партии в отношении пролетариата — как сумму тактических средств во имя утверждения собственного господства.

Второе положение, опирающееся на данные об относительной слабости российского пролетариата и его сравнительной малочисленности в первые годы Советской власти, частичном деклассировании и распылении вследствие гражданской войны, вводит эти процессы в абсолют, всячески преувеличивает и раздувает их, делая вывод об отсутствии социальной базы для диктатуры пролетариата, составляющей сущность советского государственного строя.

Как же конкретно современная реакционная буржуазная историография оценивает роль рабочего класса в Советской России того периода и отношение к нему партии? Наиболее типичной в этом плане является концепция американского советолога А. Улама.

Рассматривая вопрос о взаимоотношениях большевистской партии и пролетариата, А. Улам исходит из той уже отмечавшейся посылки, что партия-де не является частью или авангардом рабочего класса, а представляет собою некую кастовую, элитарную группу, которая лишь использует этот класс в своих тактических целях. После победы Октябрьской революции и в период гражданской войны, пишет А. Улам, партия ищет поддержки у рабочего класса с единственной целью удержаться у власти. Поэтому рабочих начинают убеждать в том, что они хозяева страны, что Советское государство — «это их государство». В частности, рабочий контроль был якобы введен только для того, чтобы дать понять рабочим их новое положение в обществе. Этому же способствовала и продразверстка, которая

будто бы заставила крестьян смотреть на рабочих, как на новое привилегированное сословие, как на «новый правящий класс»¹.

С окончанием гражданской войны, когда непосредственная потребность в поддержке большевистской партии со стороны рабочего класса, по мнению Улама, уменьшается, для партии якобы появляется возможность указать рабочим «их настоящее место» и даже «нанести фронтальную атаку на существующее положение дел». Поэтому, продолжает автор, большевиками выдвигается теория, что промышленностью должны руководить специалисты и государственные хозяйствственные органы, а дело рабочих и их профсоюзов — быть придатком государственной системы. С этого времени любая попытка вмешательства в управление производством «расценивалась как синдикализм и не была терпима». Сохранились лишь некоторые возможности для продвижения отдельных рабочих путем получения образования и перехода в ряды специалистов. Рабочий же класс в целом, утверждает А. Улам, оказался на старых, присущих капиталистическому строю, позициях, ибо из класса-гегемона он превратился в класс, эксплуатируемый государственным капитализмом².

Схемы взаимоотношений партии и рабочего класса в нашей стране, подобные данной, причем зачастую изложенные еще более циничным образом, можно найти и у других представителей реакционного направления современной буржуазной историографии³.

Полнейшая абсурдность и абсолютная беспочвенность подобного рода «схем» ясны, разумеется, каждому советскому читателю и в особых доказательствах, видимо, не нуждаются. Однако, чтобы избежать упрека в голословности, позволим себе несколько подробнее рассмотреть исходные положения Улама, которые представляют собой попытку прямого извращения политики партии и государства диктатуры пролетариата по отношению к рабочему классу, а затем остановиться на некоторых частных вопросах, затронутых американским советологом.

Попытка А. Улама наметить, вопреки историческим фактам, какие-то два этапа в политике партии по отно-

¹ Ulam A. Lenin and the Bolsheviks, London, 1966, p. 468.

² Ibid., p. 468, 479, 519.

³ См., например: Eastman M. Love and revolution. My journey through an epoch. New York, 1964, p. 228, 230.

шению к рабочему классу (в период гражданской войны и с момента ее окончания) совершенно несостоятельна. По существу единственный довод автора в поддержку своего тезиса явно надуман и состоит в том, что якобы на первом этапе партия из тактических соображений «терпела» вмешательство рабочего класса в управление производством, а на втором, уже меньше нуждаясь в прямой поддержке пролетариата, отобрала у него это право. Начало второго этапа Улам, видимо, связывает с разоблачением анархо-синдикалистских взглядов «рабочей оппозиции» и решениями XI съезда РКП(б) о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики.

Однако, как известно, политика партии в отношении анархо-синдикализма была принципиальной и единой как до, так и после окончания гражданской войны. Критика анархо-синдикалистских настроений в конце 1920 года не была связана с каким-то новым отношением партии к рабочему классу, как это пытается представить А. Улам. Она была проявлением последовательной позиции В. И. Ленина и большинства ЦК по этому вопросу. Достаточно напомнить, что еще в 1918 году В. И. Ленин писал: «Коммунизм требует и предполагает наибольшую централизацию крупного производства во всей стране. Поэтому общероссийскому центру безусловно надо дать право подчинять себе непосредственно все предприятия данной отрасли»¹.

Подход В. И. Ленина и партии к этому вопросу в 1918 году в принципе ничем не отличался от позиции, занимаемой ими в конце 1920 — начале 1921 года в связи с требованиями «рабочей оппозиции» передать управление отдельными отраслями народного хозяйства профсоюзам, а руководство всей экономикой — так называемому Всероссийскому съезду производителей.

А. Улам выдает свое понимание участия рабочих в управлении производством, являющееся апологией анархо-синдикализма, за действительный критерий оценки роли рабочего класса в управлении народным хозяйством. Все факты и обстоятельства, не укладывающиеся в его схему, отбрасываются автором как не заслуживающие внимания.

Явной попыткой ввести читателя в заблуждение является тезис Улама о том, что участие рабочих в уп-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 392.

равлений производством прекратилось в связи с окончанием гражданской войны, когда был взят курс на привлечение к руководству промышленностью специалистов.

Известно, что вопрос о единонаучалии в производстве, о необходимости его сочетания с развитием инициативы трудящихся при беспрекословном подчинении в условиях трудового процесса дисциплине и руководителям возник вовсе не после окончания гражданской войны, как полагает Улам. Этот главный принцип социалистического хозяйствования равным образом действовал в годы гражданской войны и в последующий период восстановления экономики страны и социалистического строительства. Можно сослаться на известную работу В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» (апрель 1918 г.), которая появилась еще в условиях широкого применения рабочего контроля. В ней ставилась задача овладеть методами социалистического хозяйствования: «Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с **железной дисциплиной** во время труда, с **беспрекословным повиновением** — воле одного лица, советского руководителя, во время труда¹.

Решения XI съезда РКП(б), в которых нашел отражение вопрос об участии профсоюзов (а следовательно, и рабочего класса) в управлении производством, также ни в коей мере не могут служить «доказательством» перехода Коммунистической партии к «новому отношению» к рабочему классу. В связи с введением новой системы управления промышленностью (хозяйственного или коммерческого расчета), которая могла дать эффект лишь при осуществлении на предприятиях единонаучалия, XI съезд высказался против непосредственного вмешательства профсоюзов в управление предприятиями, за самостоятельное решение заводоуправлениями вопросов определения размеров заработной платы, пайков и т. д. в рамках заключенных с профсоюзами коллективных договоров. Но это, говорилось в резолюции съезда, не означает отрицания прав профсоюзов на участие в социалистической организации промышленности и в управлении ею. В качестве конкретных форм такого участия съезд указал на привлечение

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 203.

профсоюзов к формированию всех хозяйственных и государственных органов, связанных с экономикой, к выдвижению и подготовке администраторов из рабочих, к осуществлению планирования¹.

Американский профессор пытается далее рассматривать рабочий контроль над производством как некий тактический маневр, предпринятый якобы в целях обмана рабочего класса для того, чтобы заручиться его поддержкой после победы Октября. Однако рабочий контроль не был плодом какой-то «хитроумной тактики», как это представляется А. Уламу. Он возник как результат творчества самих рабочих еще в марте 1917 года и был включен в качестве программного требования большевиков в основные документы партии — резолюции VII Апрельской конференции и VI съезда РСДРП(б), наметившие пути выхода из экономического кризиса.

Переход от рабочего контроля к национализации, по поводу которого сетует Улам и который, кстати, произошел в 1918 году, когда согласно его схеме рабочему классу еще «прививалось» представление, что он является «хозяином страны», также не имеет ничего общего с каким-то «изменением тактической линии» партии по отношению к пролетариату. Рабочий контроль уступил место высшей форме руководства промышленностью со стороны пролетарского государства, потребовавшей ее национализации. В результате рабочий класс остался хозяином страны, выступая уже не только в качестве субъекта контроля на том или ином предприятии, но и как коллективный хозяин промышленности в общегосударственном масштабе, как носитель общественной собственности на орудия и средства производства.

Касаясь других сторон этой проблемы, Улам старается доказать, что с начала 20-х годов рабочий класс Советской России лишается всякой возможности участия в управлении производством. В действительности же партия последовательно боролась за привлечение рабочих к организации труда, управлению производством. Этот вопрос специально обсуждался на Пленуме ЦК 9 августа 1921 года. В постановлении Пленума и принятом по его рекомендации Совнаркомом «Наказе

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 2. М., 1970, с. 321—325.

о проведении в жизнь начал новой экономической политики» внимание профсоюзов было нацелено как раз на решение этой проблемы¹.

В 1921 году появились первые производственные кружки, из которых впоследствии выросли производственные совещания рабочих. Как показывают исследования советских историков, уже тогда были сделаны новые шаги по вовлечению рабочих масс в управление производством и хозяйственное строительство. Было принято решение ВЦСПС об учреждении экономических комиссий и разработано Положение о них. При местко-мах предлагалось в целях рационализации производства и повышения производительности труда создать производственные ячейки из опытных рабочих и специалистов². Такие производственные ячейки в 1921 году были образованы на петроградских предприятиях — Сестрорецком оружейном заводе, «Севкабеле», а затем на заводах им. Макса Гельца и «Светлана». Члены производственных кружков (ячеек) активно вмешивались в работу предприятий, принимали участие в решении вопросов пополнения предприятий кадрами, изыскания и ремонта оборудования и т. д.³.

Одной из форм вовлечения рабочего класса в управление народным хозяйством явилось также создание технических советов, различных технических комиссий и секций. Например, после X съезда РКП(б) Петроградский Совет создал ряд секций и комиссий, в частности была образована производственная секция, которая в 1921 году насчитывала 150, а в 1924 году — уже 659 членов⁴. Это свидетельствует о том, что уже в пе-

¹ См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 1, М., 1970, с. 115.

² См.: Генккна Э. Б. Возникновение производственных совещаний в годы восстановительного периода (1921—1925 гг.). — «История СССР», 1958, № 3; Зеленецкая В. Н. Из истории производственных совещаний на предприятиях электротехнической промышленности Москвы и Ленинграда. — Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та, т. 14. М., 1960; Шкаратан О. И. К истории первых производственных совещаний на предприятиях Ленинграда (1921—1924). — «Вестник ЛГУ», 1961, № 8; Ваксер А. З. Авангард рабочего класса и управление промышленностью в 1921—1923 гг. (на материалах Ленинграда). — Ученые записки ЛГПИ им. Герцена, т. 360. Л., 1968.

³ См.: Восстановление промышленности Ленинграда (1921—1924 гг.). Документы и материалы, т. 1. Л., 1963, с. 226—227.

⁴ См.: Ваксер А. З. Указ. соч., с. 222—224.

риод, когда, если верить Уламу, происходило «устранение» рабочих от управления экономикой страны, начали возникать новые формы вовлечения масс в хозяйственное строительство, формы, соответствующие экономической обстановке, порожденной нэпом.

Что же касается командных кадров промышленности, то достаточно только напомнить, что в годы пятилеток решающую роль в промышленности играли инженерно-технические кадры, подготовленные за годы Советской власти, в большинстве своем выходцы из рабочих и крестьян.

В начале 1921 года каждое третье промышленное предприятие страны возглавлялось рабочим, а в органах управления металлообрабатывающей и текстильной промышленности рабочие составляли 45%. К началу 1924 года более 51% председателей правлений трестов вышли из рядов рабочего класса (в текстильных трестах этот показатель достиг 62%, в металлических — 77%)¹. Среди директоров предприятий рабочих было 35,7% (металлических предприятий — 73%, электротехнических — 75, текстильных — 54, химических — 25%). Самый передовой отряд рабочего класса — металллисты — дал наибольшее число командиров промышленности².

Отвечая в свое время «критикам» из II 1/2 Интернационала на их обвинения большевиков в неверии в силы рабочего класса, В. И. Ленин писал: «...лучшие представители пролетариата теперь управляет Россией, создали армию, вели ее, создали местное управление и т. д., руководят промышленностью и пр., ...рабочий класс создал и ведет государство советского типа...»³.

Игнорировать все эти общеизвестные факты весьма трудно. И не случайно отдельные представители буржуазной историографии иногда — хотя и со многими оговорками — все же бывают вынуждены признать участие пролетариата в решении вопросов организации и управления промышленностью нашей страны в тот период⁴. Однако ведущими в современной буржуазной

¹ См.: Комсостав крупной промышленности. М., 1924, с. 13—14.

² См.: Матюгин А. А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства. (1921—1925). М., 1962, с. 331.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 44, с. 106.

⁴ Kassof A. (ed.). Prospects for Soviet society. New York — London, 1968, p. 360.

историографии до сего времени остаются схемы, подобные той, что развивает в своей книге А. Улам¹.

Второе положение современной буржуазной историографии, которое также лежит в основе тенденциозной интерпретации вопроса о сущности советского государственного строя и роли партии в начале 20-х годов, нашло отражение в ряде книг и статей представителей реакционного направления, а также некоторых экономистов и историков либерального толка. Ему свойственно представление о России, как о стране, которая только что вступила в стадию капиталистического развития, вследствие чего в ней якобы не было и рабочего класса в подлинном смысле этого слова или, во всяком случае, как главной революционной силы общества.

Например, американский экономист Р. Кэмпбелл, повторяя оппортунистические доводы К. Каутского, утверждает, что «Россия действительно не была готова к социалистической революции», так как отсутствовали все условия этой революции: высокий уровень промышленного производства, многочисленный рабочий класс, преобладание городского населения, достаточный уровень образования и т. д. Поскольку промышленного рабочего класса, по мнению Р. Кэмпбелла, как такового, не было в Советской России, то, следовательно, не было и социальной основы для диктатуры пролетариата².

В связи с тем, что искажение в современной буржуазной историографии вопроса об уровне экономического развития России в период империализма, положения российского пролетариата и его роли в революционной борьбе до победы Октября уже было предметом обстоятельной критики советских историков³, мы остановимся лишь на некоторых моментах, связанных с этой проблемой. В данном отношении весьма примечательна позиция реакционного американского историка Б. Вольфа. В статье, опубликованной в сборнике к 50-летию Ок-

¹ Подробный критический разбор построений ряда других реакционных зарубежных историков по этому вопросу см.: Щербак Н. В. Указ. соч., с. 96—125.

² Campbell R. Soviet economic power. Its organization, growth and challenge. Cambridge (Mass.), 1960, p. 9—11.

³ См.: Крупина Т. Д., Колесниченко Д. А., Соловьева А. М. История рабочего класса и пролетарской борьбы в современной буржуазной историографии. — «Вопросы истории», 1965, № 3, с. 26—37; Ноткин Б. И. Некоторые вопросы истории классов советского общества в трудах Э. Карра, Н. Ясиого и Р. Конкеста. — «Вестник МГУ». История, 1971, № 4, с. 41—52.

тябрьской революции, касаясь положения в Советской России в начале 20-х годов, он пишет: «Ленин теперь был обескуражен фактом, что захватил власть в отсталой стране»¹. Далее автор пытается доказать, что В. И. Ленин к концу жизни признал ошибочным захват власти пролетариатом в условиях, когда он не составлял большинства населения, а его культурный уровень был невысок. Иными словами, Б. Вольф приписывает В. И. Ленину каутскианский подход к этому вопросу. На самом же деле именно для последних работ В. И. Ленина «О кооперации» и «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)» характерна резкая полемика с такого рода доводами².

В. И. Ленин подверг сокрушительной критике антимарксистские утверждения зарубежных оппортунистов, меньшевиков и троцкистов о том, что в России не было объективных предпосылок для социалистической революции, что она якобы не достигла такого уровня развития производительных сил и культуры, при котором возможно построение социализма. В России, стране со средним уровнем развития капитализма, имелись необходимые объективные условия, а также, что не менее важно, субъективные предпосылки для построения социализма³. В. И. Ленин глубоко обосновал программное положение о том, что советский народ может и должен построить социалистическое общество, что в России есть «все необходимое для построения полного социалистического общества»: диктатура пролетариата, союз рабочего класса и крестьянства, руководящая роль рабочего класса в этом союзе, общественная собственность на основные средства производства. «Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»⁴, — писал он. Такова истинная позиция В. И. Ленина по вопросу о готовности российского пролетариата к социалистической революции, об условиях ее осуществления в России. Как мы видим, она не имеет ничего общего с тем, что пытается приписать В. И. Ленину Б. Вольф.

Следует остановиться и на распространенном в буржуазной историографии тезисе об «исчезновении» в Со-

¹ Fifty years of communism in Russia. Ed. by M. Drachkovitch. London, 1968, p. 297—298.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 369—382.

³ См. там же, с. 370—382.

⁴ Там же, с. 370.

ветской России в 1920—1921 годах пролетариата как ведущей политической силы общества, как господствующего класса.

Положение рабочего класса Советской России действительно к концу войны было очень тяжелым. Наиболее сознательные индустриальные рабочие стойко переносили трудности и лишения, голод, разруху, перебои в работе промышленных предприятий, но некоторая часть рабочих стала уходить в деревню, заниматься кустарным промыслом, перебиваться случайными заработками. «Распыление и частичное деклассирование рабочего класса создавали урозу ослабления социальной базы диктатуры пролетариата, представляли опасность для судей советского строя»¹.

Буржуазная историография пытается еще больше сконструировать краски безрадостной картины положения рабочего класса настолько, что читателю нередко преподносится едва прикрытый тезис об «исчезновении» рабочего класса в Советской России и, следовательно, об отсутствии в период перехода к мирному социалистическому строительству у партии и государства прочной социальной базы.

Английский историк И. Дейчер во многих своих работах утверждал, что в 1920—1921 годах промышленный рабочий класс России стал наполовину деклассированным, наполовину деморализованным. Развивая свою версию «диктатуры пролетариата без пролетариата», автор писал: «Диктатура пролетариата была более или менее консолидирована, но в ходе ее упрочения исчез сам пролетариат как классово сознательный элемент и как организующий фактор»².

Американский социолог Т. Андерсон считает, что к концу гражданской войны российский пролетариат вообще перестал существовать как класс и «вернулся обратно к земле»³.

Хотя процесс деклассирования рабочего класса Советской России достиг значительных размеров, о чем В. И. Ленин говорил, например, в выступлениях на X съезде РКП(б) и на X Всероссийской конференции

¹ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. I, с. 10.

² Deutscher I. Russia in transition and other essays. New York, 1957, p. 8.

³ Anderson Th. Russian political thought: an introduction. New York, 1967, p. 323.

РКП(б) в мае 1921 года¹, утверждение буржуазных авторов о полном «исчезновении» в Советской России пролетариата является совершенно беспочвенным. Согласно статистическим данным и подсчетам советских историков и экономистов, в России количество рабочих цензовой промышленности² в 1920 году составляло 1222,8 тыс. человек, или 47,1% по отношению к 1917 году³.

Сохранилось прежде всего основное ядро фабрично-заводского пролетариата — квалифицированные рабочие — в ведущих отраслях промышленности, например в металлообрабатывающей, продолжало работать 43% (по сравнению с 1917 г.) квалифицированных рабочих-металлистов. В торфяной, полиграфической и швейной промышленности количество рабочих даже увеличилось. В связи с расширением военного производства несколько возросло число рабочих и в ряде губерний страны — Калужской, Брянской, Тульской⁴.

Таким образом, версия о полном «исчезновении» рабочего класса в Советской России в 1920—1921 годах полностью противоречит действительному положению вещей. Более того, начиная с этого времени, благодаря осуществлению новой экономической политики процесс деклассирования был приостановлен. Затем на базе постепенного восстановления промышленности численность рабочего класса стала медленно, но неуклонно повышаться, в том числе и за счет возвращения на предприятия кадровых рабочих. Уже в 1924/25 хозяйственном году в промышленности было занято 1714,9 тыс. рабочих⁵.

Еще «хуже» обстоит дело с другим «открытием» И. Дейчера — версией о деморализации рабочего класса. Пролетариат России, прошедший суровую школу трех

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 42, 311.

² Цензовая промышленность — промышленность фабричного типа, включающая предприятия определенного ценза, т. е. размера. К цензовой промышленности в СССР относились (до 1933 г.) промышленные предприятия с числом рабочих не менее 16 при наличии механического двигателя и не менее 30 рабочих без наличия двигателя. — БСЭ, изд. 2-е, т. 46, с. 518.

³ См.: Струмилин С. Г. Производительность труда в СССР. — В кн.: Советская социалистическая экономика. 1917—1957. М., 1957, с. 122; Матюгин А. А. Указ. соч., с. 68; Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968, с. 387.

⁴ См.: Черноморский Н. Советская промышленность в первые годы нэпа. — «Вопросы истории», 1965, № 2, с. 46.

⁵ См.: Матюгин А. А. Указ. соч., с. 67—72.

революций, превратившись в господствующий класс, не утратил своей роли авангарда всех трудящихся. Наоборот, именно в тяжелейших условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции раскрылись неисчерпаемые резервы трудовой и политической активности рабочего класса, сплотившего все слои населения в борьбе против внутренней и внешней контрреволюции. По окончании гражданской войны он стал главной социальной силой, которая сыграла решающую роль в восстановлении народного хозяйства страны и строительстве социалистического общества.

Приводившиеся нами данные об участии рабочих в управлении производством говорят о высокой общественно-политической и трудовой активности рабочего класса в эти годы. Велика была роль рабочего класса и в хозяйственном строительстве. В 1921 году ВЦСПС было учреждено звание «Герой труда». Это почетное звание присваивалось губпрофсоветами по представлению рабочих созывов лицам, совершившим трудовые подвиги. К 1 мая 1921 года сотням рабочих Петрограда было присвоено это высокое звание¹.

В начале 20-х годов рабочий класс активно участвовал и в управлении государством через Советы и их органы. Значительное число рабочих было представлено в центральном и местном государственном аппарате. Из 414 депутатов ЦИК СССР второго созыва 169 были рабочими (40,8%). 44% депутатов горсоветов РСФСР в 1922 году составляли рабочие².

Многие представители рабочего класса принимали активное участие в работе Высшего Совета Народного Хозяйства РСФСР, который был главным государственным органом руководства промышленностью. В. И. Ленин, основываясь на отчете ВСНХ VIII Всероссийскому съезду Советов, привел данные об участии рабочих в органах управления промышленностью. Только в аппарате Президиума ВСНХ и губсовнархозов, в коллегиях главных управлений, отделов, центров и главков, в коллегиальных и единоначальных фабрично-заводских управлениях на 19 декабря 1920 года из 1470 сотрудников 905, т. е. 61,6%, являлись рабочими. «Итак, уже теперь, — писал В. И. Ленин, — участие рабочих, в сред-

¹ См.: Лебедева Н. Б., Шкаратан О. И. Очерки истории социалистического соревнования. Л., 1966, с. 38—39.

² См.: Матюгин А. А. Указ. соч., с. 329.

нем, составляет 61,6%, т. е. ближе к $\frac{2}{3}$, чем к половине!»¹.

Оценивая роль рабочего класса в начале 20-х годов, В. И. Ленин ни на минуту не сомневался в возможности сохранения и упрочения диктатуры пролетариата. В речи на X Всероссийской конференции РКП(б) 26 мая 1921 года он говорил: «... даже тогда, когда пролетариату приходится переживать период деклассированности, переживать эти минусы, он, несмотря на эти минусы, свою задачу завоевания и удержания власти осуществить может»².

Характеризуя этот сложнейший этап социалистического строительства, постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» указывает, что важнейшие социально-экономические задачи советскому народу пришлось решать в неимоверно трудной обстановке, находясь во враждебном капиталистическом окружении. Отмечая такие отрицательные условия, в которых началось строительство нового общества в нашей стране, как низкий уровень развития производительных сил и культуры, унаследованный от царской России, разорительные последствия мировой и гражданской войн, а также иностранной интервенции, постановление ЦК КПСС со всей силой подчеркнуло, что под руководством Коммунистической партии трудящиеся Советской страны успешно справились с самой главной задачей социалистической революции — созидательной. «На опыте нашей страны,— говорится в постановлении ЦК КПСС от 31 января 1977 года,— была убедительно продемонстрирована истинность фундаментального ленинского положения о том, что только рабочий класс, ведомый Коммунистической партией, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе... за удержание и укрепление победы, в деле создания нового общественного строя»³. Такова была на деле истинная роль рабочего класса в годы перехода к мирному социалистическому строительству. Как видим, оценка этой роли, даваемая буржуазными авторами, не имеет ничего общего с исторической действительностью.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 284.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 311.

³ О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М., 1977, с. 5.

Рассмотренные нами положения современных буржуазных советологов лежат в основе их измышлений о существе государственного строя Советской России этого периода, диктатуре пролетариата.

Наибольшему искажению при этом подвергается вопрос о соотношении партии и класса, точнее — Коммунистической партии и рабочего класса. Суть концепции «диктатуры пролетариата без пролетариата», несмотря на различные оттенки ее трактовки в современной буржуазной историографии, состоит в утверждении, что основой государственного строя России 20-х годов и советской политической системы в целом является диктатура партии. Эти домыслы приводят уже известный нам А. Улам, они содержатся и в работах таких советологов, как А. Мейер, С. Хэркейв, И. Дейчер и др. Разница состоит лишь в том, что одни называют это «политической диктатурой» (И. Дейчер), другие — «диктатурой партии», причем речь идет то о партии в целом, то об ее секретariate, а то и об отдельных руководителях¹.

Авторы всех этих измышлений рассматривают партию как замкнутую элиту, озабоченную лишь удержанием власти и не имеющую никакого отношения к рабочему классу. Тезис этот не новый и поконится целиком на извращении понятий «класс» и «партия», марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата, которое предусматривает овладение рабочим классом политической властью в целях подавления свергнутых эксплуататорских классов и построения социализма.

Марксизм-ленинизм понимает под классами большие группы людей, различающиеся по их месту в системе общественного производства, по отношению к средствам производства и роли в общественной организации труда. Коммунистическая партия, согласно марксистско-ленинскому учению, есть передовой организованный отряд рабочего класса, его авангард, выражающий интересы класса в целом.

В. И. Ленин еще в 1920 году показал, что «одна уже постановка вопроса: „диктатура партии или диктатура класса? диктатура (партия) вождей или диктатура (партия) масс?“ — свидетельствует о самой невероятной

¹ См.: Nagrave S. Russia. A history. 4th ed. Chicago, 1959, p. 523—525; Ulam A. Op. cit., p. 464—465; Meyer A. Leninism. Cambridge (Mass.), 1957, p. 210.

и безысходной путанице мысли... Всем известно, что массы делятся на классы; — что противополагать массы и классы можно, лишь противополагая громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства; — что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии; — что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями»¹.

Реакционные буржуазные авторы пытаются убедить читателя в возможности внеклассового или надклассового подхода к понятию «Коммунистическая партия», стремятся выхолостить его основной признак — роль авангарда рабочего класса, рассматривая партию как элитарную группу, не связанную с интересами класса.

Они не дают себе труда (да, видимо, и не хотят) установить смысл действительной связи между РКП(б) и рабочим классом.

Чтобы судить, интересы какого класса представляла партия большевиков, обратимся к анализу ее социального состава, в том числе и контингента новых членов, привлеченных в ее ряды в рассматриваемый период. К началу 1921 года РКП(б) насчитывала свыше 730 тыс. коммунистов, объединенных в 20 тыс. партийных ячеек. Рабочих в партии было 44%, крестьян вместе с кустарями и ремесленниками — около 24%, служащих и представителей других социальных групп — почти 30%. По отчетам о результатах выборов в партийные органы в конце 1920 — начале 1921 года в состав 42 губернских партийных организаций были избраны 536 человек, из них 194 рабочих, в том числе 97 рабочих-металлистов². Среди заполнивших анкеты 690 делегатов X съезда РКП(б) с правом решающего голоса и 248 делегатов с правом совещательного голоса рабочих было соответственно 257 человек (37,2%) и 73 человека (29,4%)³. В социальном составе делегатов

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 24.

² См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 1, с. 16—18.

³ См.: Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963, с. 760.

Х съезда РКП(б) рабочие занимали первое место. В начале 20-х годов наметилась четкая тенденция пополнения РКП(б) за счет увеличения приема в партию рабочих. Если среди вступивших в партию в 1921 году рабочих было 29,7%, а крестьян — 41,0%, то уже среди принятых в РКП(б) в последующие годы доля рабочих резко возросла и составила в 1922 году 42,4%, в 1923 году — 52,7%. Доля же крестьян уменьшилась до 29,7% в 1922 году и до 20,4% в 1923 году¹.

Домыслы представителей реакционного направления современной буржуазной историографии о «диктатуре партии», составлявшей якобы сущность государственного строя Советской России в начале 20-х годов, подмена понятия «диктатура пролетариата» термином «диктатура партии» обосновываются ими путем различных измышлений относительно руководящей роли партии в системе диктатуры пролетариата.

Руководящая роль партии в системе диктатуры пролетариата состоит в том, что она формирует политику Советского государства, вырабатывает руководящие директивы, определяющие основные направления деятельности государственных учреждений, общественных организаций. Партия в состоянии осуществлять руководство лишь потому, что она выражает интересы рабочего класса и трудящихся масс в целом, опираясь в своей деятельности на единственную правильную революционную теорию. «В народной массе, — писал В. И. Ленин, — мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится»².

Диктатура пролетариата представляет собой сложный механизм, который включает целый ряд звеньев, но не сводится ни к одному из них в отдельности. Будучи руководящей силой диктатуры пролетариата, Коммунистическая партия является одним из ее звеньев. В статье «Великий почин» В. И. Ленин писал, что «машина» государства диктатуры пролетариата «возглавляется сотней-другой тысяч коммунистического пролетарского авангарда и состоит из миллионов организованных пролетариев»³. Весь этот механизм в целом, по словам

¹ См.: РКП(б) в цифрах, вып. 1. М., 1924, с. 7.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 112.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 29.

В. И. Ленина, представляет собой «формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с *классом* и с *массой* и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется *диктатура класса*»¹.

В. И. Ленин отмечал, что диктатура рабочего класса невозможна «без нескольких „приводов“ от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся»². Такими «приводами» В. И. Ленин считал как государственные, так и общественные организации — Советы, профсоюзы и т. д.³. Руководящая роль в «механизме» диктатуры пролетариата принадлежит Коммунистической партии. Это — авангард рабочего класса, ядро власти, без которого диктатура пролетариата не может существовать.

Профсоюзы, поголовно охватывающие рабочий класс, связывают партию с классом. В 1921 году почти 8,5 млн. трудящихся были объединены в профессиональные союзы. Наиболее многочисленными были профсоюзы работников железнодорожного и водного транспорта, металлистов, текстильщиков и горнорабочих⁴. Советы, входившие в систему диктатуры пролетариата, были ее государственной формой. Это органы государственной власти и государственного управления. Систему советского общества составляли также коопeraçãoция, союз молодежи и другие массовые организации трудящихся. Таков был «механизм», при помощи которого пролетариат осуществлял свою диктатуру.

Касаясь вопроса о «диктатуре партии», В. И. Ленин отмечал, что о ней можно говорить лишь в смысле руководства «сознательного меньшинства» широкими рабочими массами и его способности вести их за собою⁵. Непонимание этого положения или сознательная его фальсификация и лежат в основе домыслов о «диктатуре партии» как надклассовой силе, осуществляющей подавление не только свергнутых эксплуататорских классов, но и трудящихся масс, включая и рабочий класс.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 31.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 205.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 31—32; т. 42, с. 203.

⁴ См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 1, с. 113.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 236—237.

Проблемы сущности Советского государства рассматриваются и в работах историков буржуазно-либерального направления столь же тенденциозно. Историки этого направления, хотя они в отличие от явных антикоммунистов и не считают партию элитарной группой, не связанный с рабочим классом, нередко преувеличивают фактор наличия в руководстве партии значительного числа профессиональных революционеров, выходцев из интеллигенции, полагая, что это обстоятельство ставит под сомнение пролетарский характер партии.

Между тем участие в руководстве партией выходцев из интеллигенции, научно-теоретическую и идеально-политическую основу мировоззрения которых составлял марксизм-ленинизм, было одним из важных факторов соединения научного социализма с рабочим движением, без чего немыслимо существование пролетарской партии нового типа. Вообще состав руководящих органов партии и даже партии в целом не является единственным признаком, определяющим характер и направление ее деятельности. Критериями оценки любой партии в неменьшей степени служат ее программа, стратегия и тактика. РКП(б) с этой точки зрения и в своих программных положениях, и в практической работе основывалась на марксистско-ленинской идеологии, главным в которой является обоснование всемирно-исторической роли рабочего класса как созидателя коммунистического общества. Программа партии отражала жизненные интересы рабочего класса, а ее практическая революционная деятельность заключалась в активной борьбе за их осуществление.

Наиболее широко вопросы о сущности советского государственного строя в начале 20-х годов и роли партии трактуются в ряде работ виднейшего представителя либерального направления, крупного английского буржуазного историка Э. Карра. Его взгляды по этим вопросам по существу совпадают с точкой зрения реакционных историков. Вместе с тем Карр пытается в отличие от них привести какие-то соображения и доводы для «обоснования» своих малоубедительных и не соответствующих исторической правде выводов. Он также считает, что в действительности «диктатура пролетариата была заменена диктатурой партии»¹. В подтвержде-

¹ Сагг Е. Н. 1917: before and after London, 1969, p. 90—91.

ние своей точки зрения Э. Карр приводит два основных аргумента.

Он исходит из положения о том, что диктатура пролетариата может стать реальностью лишь при наличии сильного и многочисленного пролетариата, составляющего большинство населения в стране и опирающегося на достаточно высокий уровень развития промышленности. Без этого, полагает Э. Карр, «диктатура пролетариата была политическим, а не экономическим или социальным феноменом: это было руководство не класса, но партии или группы»¹.

Отказывая диктатуре пролетариата в экономической и социальной базе, считая ее лишь «политическим феноменом», Э. Карр тем самым вольно или невольно сбрасывает со счетов вопрос о характере собственности и социалистическом укладе в экономике Советской России начала 20-х годов. После Октябрьской революции в руках Советского государства оказались вся крупная и частично средняя промышленность, земля, транспорт, внешняя торговля — так называемые командные высоты экономики. Несмотря на временное допущение элементов капитализма в связи с переходом к новой экономической политике, общественная собственность на орудия и средства производства в целом определяла сущность экономической базы государства диктатуры пролетариата, имела решающее значение для укрепления и развития этой диктатуры.

«Господство пролетариата; — говорил В. И. Ленин в 1920 году, — выражается в том, что отнята помещичья и капиталистическая собственность... Победивший пролетариат отменил и разрушил до конца собственность, вот в чем господство класса. Прежде всего в вопросе о собственности. Когда практически решили вопрос о собственности, этим было обеспечено господство класса»².

Экономической основой Советского государства, государства диктатуры пролетариата, социалистического по своим целям и задачам, являлся социалистический уклад народного хозяйства. Разработанное В. И. Лениным учение о диалектике взаимоотношения политической надстройки и экономического базиса в условиях

¹ Carr E. H. Socialism in one country. 1924—1926, vol. I. London, 1958, p. 134.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 251.

перехода от капитализма к социализму, взаимодействия государственной власти и ее экономической основы — социалистического уклада, хотя и недостаточно мощного, но благодаря наличию государственной власти в руках пролетариата имевшего перспективы стать главным укладом в экономике страны — способствовало выбору верного пути, сохранению и укреплению социально-экономической базы диктатуры пролетариата.

Получив в результате социалистической революции и первых преобразований народного хозяйства экономическую основу в виде социалистического уклада, государство диктатуры пролетариата само стало орудием ее расширения и укрепления, создало необходимые условия для восстановления экономики и роста численности рабочего класса. Развитие этого процесса и обеспечило ликвидацию известного разрыва между политической надстройкой и экономическим базисом.

Абсолютизация роли политической надстройки, вычленение из цельной системы диктатуры пролетариата одного из ее звеньев — партии, игнорирование экономической основы Советского государства — вот основные моменты искажения Э. Карром сущности советского государственного строя в начале 20-х годов.

Э. Карр пытается найти подтверждение своей точки зрения у В. И. Ленина и в документах партии послевоенного периода. Но отбор и интерпретация источников свидетельствуют об односторонности и тенденциозности автора. Так, Э. Карр пишет, что уже в 1919 году В. И. Ленин провозгласил «диктатуру партии» как действующую рабочую форму «диктатуры пролетариата»¹. В подтверждение этого Карр ссылается на высказывание В. И. Ленина на VIII съезде РКП(б). На самом же деле В. И. Ленин говорил там, что пролетарская революция устранила помехи на пути участия трудящихся в управлении государством. Однако низкий культурный уровень масс «делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы». Далее В. И. Ленин указывал на труднейшую воспитательную и образовательную задачу, которая стояла перед партией, и делал следующий

¹ Сагг Е. Н. Socialism in one country. 1924—1926, vol. I, p. 104.

вывод: «Громадная жажда знаний и громаднейший успех образования, достигаемый чаще всего внешкольным путем, — гигантский успех образования трудящихся масс не подлежит ни малейшему сомнению... Все признаки говорят за то, что в близком будущем мы получим громадный резерв, который займет места слишком надорвавшихся на работе представителей тонкого слоя пролетариата»¹.

В этом высказывании В. И. Ленина речь идет не о сущности советского государственного строя как диктатуры пролетариата, а конкретно об участии трудящихся в работе Советов. При этом В. И. Ленин констатировал, что низкий культурный и образовательный уровень масс приводит к тому, что участие в работе Советов пока принимает «тонкий слой пролетариата». Если бы В. И. Ленин имел в виду только партию, то он сказал бы об «авангарде пролетариата», как он обычно характеризовал партию. Слова же «тонкий слой пролетариата» показывают, что речь идет об активном участии в работе Советов наиболее передовых и сознательных рабочих, а не партии, как таковой.

Истолковывая высказывание В. И. Ленина на VIII съезде РКП(б) в угодном ему духе, Э. Карр словно бы и не замечает решений этого съезда, принятых на основе ленинской точки зрения. Резолюция VIII съезда РКП(б) по вопросу о взаимоотношениях между партией и Советами не оставляет никаких сомнений в том, что оценка партией диктатуры пролетариата, роли Советов и РКП(б) в системе этой диктатуры была прямо противоположна той, которую автор приписывает В. И. Ленину. В резолюции VIII съезда партии «По организационному вопросу» говорится следующее:

«Советы являются государственными организациями рабочего класса и беднейшего крестьянства, проводящими диктатуру пролетариата в течение того времени, пока отомрет какое бы то ни было государство. Советы объединяют в своих рядах десятки миллионов трудящихся и должны стремиться к тому, чтобы объединить в своих рядах весь рабочий класс и все беднейшее и среднее крестьянство.

Коммунистическая партия является организацией, объединяющей в своих рядах только авангард пролетариата и беднейшего крестьянства — ту часть этих клас-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 170—171.

сов, которая сознательно стремится к проведению в жизнь коммунистической программы.

Коммунистическая партия ставит себе задачей за-воевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся: в профессиональных союзах, кооперативах, сельских коммунах и т. д. Коммунистическая партия особенно добивается проведения своей программы и своего полного господства в современных государственных организациях, какими являются Советы...

Смешивать функции партийных коллективов с функциями государственных органов, каковыми являются Советы, ни в коем случае не следует. Такое смешение дало бы гибельные результаты, особенно в военном деле. Свои решения партия должна проводить через советские органы, *в рамках Советской конституции*. Партия старается руководить деятельностью Советов, но не заменять их»¹.

Таковы, в самых общих чертах, главные тенденции современной буржуазной историографии, которая выдвигает свое особое «толкование» сущности Советского государства в рассматриваемый период, роли в нем Коммунистической партии и ее взаимоотношений с рабочим классом. Все построения буржуазных авторов представляют собой не что иное, как несостоятельную попытку исказить марксистско-ленинскую теорию и политику партии. Они в значительной мере основаны на взглядах, заимствованных советологами из арсенала «децистов», троцкистов и других антиленинских течений, выступавших против руководящей роли партии в социалистическом строительстве.

2. ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К КРЕСТЬЯНСТВУ

Для реакционной западной историографии характерно стремление трактовать вопрос о взаимоотношениях партии и крестьянства в послеоктябрьский период, и особенно в 1920—1921 годы (до перехода к нэпу), основываясь на широко распространяемой буржуазными идеологами легенде о враждебности марксистов к крестьянству. Советологи утверждают, что Октябрь-

¹ КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 76—77.

ская революция будто бы почти ничего не дала крестьянам России. Искажая характер аграрной революции в деревне, буржуазные историки стремятся всячески преуменьшить результаты преобразований, осуществленных в стране после победы социалистической революции, говорят лишь об измельчении крестьянских хозяйств, падении товарного производства, регрессе сельского хозяйства.

Подобные утверждения не выдерживают никакой критики и находятся в вопиющем противоречии с реальными фактами, свидетельствующими о громадном выигрыше крестьянства от ликвидации помещичьей кабалы и решения земельного вопроса в результате осуществления аграрного законодательства Советской власти. Достаточно напомнить, что именно большевики своим Декретом о земле передали крестьянам свыше 150 млн. десятин земли¹ и что именно Советская власть отобрала эту землю у помещиков. Кроме того, крестьянство было освобождено от ежегодных платежей на сумму свыше 700 млн. рублей золотом, от огромных расходов на покупку земли. Крестьянство избавилось также от задолженности Крестьянскому земельному банку на сумму 1 млрд. 300 млн. рублей золотом, полученных в виде ссуд на покупку земли².

В. И. Ленин отмечал, что «в крестьянской стране первыми выиграли, больше всего выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще... Впервые при диктатуре пролетариата крестьянин работал на себя и питался лучше горожанина. Впервые крестьянин увидел свободу на деле: свободу есть свой хлеб, свободу от голода»³.

Рассматриваемая версия современной буржуазной историографии уже подвергалась исчерпывающему критическому анализу советскими историками, которые на основе огромного фактического материала показали ее полную несостоятельность⁴. Поэтому, учитывая харак-

¹ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.). Т. 1. 1917—1928 годы. М., 1967, с. 15—17; Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. М., 1957, с. 24.

² См.: Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917—1970). Под ред. В. П. Данилова и др. Изд. 2-е, доп. М., 1973, с. 43.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 39, с. 276.

⁴ Подробный критический разбор работ современных буржуазных авторов по этому вопросу см.: Шарапов Г. В. Критика антикоммунизма по аграрному вопросу. М., 1966, с. 61—78; Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967.

тер настоящей работы, мы обратимся к другим положениям современных буржуазных авторов, искажающих аграрную политику партии в период перехода к мирному социалистическому строительству.

В западной литературе видное место занимает версия, смысл которой сводится к тому, что в период гражданской войны партия, введя политику «военного коммунизма» и продразверстку как ее составную часть, разорила экономику страны, в особенности сельское хозяйство. Такая «антикрестьянская» политика партии якобы привела к тому, что в 1918—1920 годах РКП(б) утратила всякую поддержку со стороны крестьянства, а Советская власть стала враждебной ему силой.

Сам по себе тезис о тяжелом положении народного хозяйства страны, включая и сельское, ко времени окончания гражданской войны не является новым, он достаточно полно раскрыт в исследованиях советских историков. Однако в работах ряда западных авторов вина за разрушу в промышленности и сельском хозяйстве возлагается почти исключительно на большевиков, которые, осуществляя свои планы «военного коммунизма», привели страну на грань катастрофы. Сама политика «военного коммунизма» связывается ими не столько с необходимостью мобилизовать все силы и средства страны для борьбы с интервентами и белогвардейцами, сколько с приверженностью Коммунистической партии «социалистическим догмам». Иными словами, война, по их мнению, не оказала сколько-нибудь серьезного влияния на формирование экономической политики 1918—1920 годов.

Например, американский советолог, профессор Г. У. Наттер даже «упрекает» западных историков в том, что они «продолжают вторить мифу», будто «военный коммунизм» был порождением гражданской войны. Сам Наттер считает, что «военный коммунизм» являлся «более продуктом идеологии, чем необходимости», представляя собой «логический результат коммунистической идеологии»¹. Примерно такая же точка зрения содержится и в работе другого американского сове-

с. 37—38; Барсов А. А. Проблемы развития советского аграрного строя в освещении буржуазной историографии. — В кн.: Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972, с. 208—228; и др.

¹ Fifty years of communism in Russia, p. 81.

толога Д. Шаба, утверждавшего, что в результате политики «военного коммунизма» Россия в марте 1921 года была на грани экономического краха¹. Сторонники этой версии игнорируют обстоятельство, на которое неоднократно указывал В. И. Ленин, утверждавший, что «„военный коммунизм“ был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой»².

После победы Октября, в первые месяцы существования Советского государства, отмечал впоследствии В. И. Ленин, существовали две тенденции в политике партии и государства относительно методов и темпов социалистических преобразований народного хозяйства. Одна тенденция предусматривала использование различных переходных форм, более медленное продвижение к социалистическому строительству в экономике. Другая имела в виду введение мер, способствующих ускорению перевода экономики на социалистические начала. Первую тенденцию В. И. Ленин хорошо проиллюстрировал примером декрета о введении государственной монополии на объявления, изданного в ноябре 1917 года. Этот декрет, писал В. И. Ленин, «означал, что завоевавший государственную власть пролетариат предполагает переход к новым общественно-экономическим отношениям возможно более постепенным..., что остается экономическая политика, требующая частных объявлений, остается и порядок частной собственности — остается целый ряд частных заведений, нуждающихся в рекламах, в объявлениях»³. В апреле 1918 года В. И. Ленин высказался за приостановление «красногвардейской атаки на капитал» и сосредоточение всей работы партии и государства на наиболее целесообразном управлении промышленностью, введении всестороннего учета и контроля, привлечении буржуазных специалистов и других мерах, изложенных в работе «Очередные задачи Советской власти»⁴. И только начавшаяся гражданская война, бешеное сопротивление эксплуататорских классов заставили Советское государство обратиться к другой тенденции и предпринять шаги, которые означали смену курса внутренней экономической политики в сторону ускорения темпов социалистических преобразований,

¹ См.: Shub D. Lenin: a biography. New York, 1966, p. 405.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 220.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 200.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 165—208.

осуществления национализации форсированными методами и т. д.

Столь же показательна и политика Советской власти в области сельского хозяйства. Вплоть до осени 1918 года она отражала тенденцию весьма осторожного и постепенного подхода к каким-либо переменам в сфере товарооборота между городом и деревней. Продовольственные декреты 1918 года, хотя и исходили из государственной монополии на хлеб, учитывали наличие рыночной торговли другими сельскохозяйственными продуктами. Так, в декрете ВЦИК и СНК о реорганизации Народного комисариата продовольствия и местных продовольственных органов от 27 мая 1918 года говорилось, что «частная торговля предметами первой необходимости может быть допущена» под контролем и в соответствии с распоряжением центральных продорганов, торговля же хлебом запрещалась¹. На совещании Мосгубисполкома 11 сентября 1918 года обсуждался вопрос об установлении закупочных цен на картофель, который, согласно распоряжению Наркомпрада, продавался по вольным ценам².

Даже в обстановке уже начавшейся гражданской войны и интервенции ВЦИК и СНК приняли декрет от 30 октября 1918 года «Об обложении сельских хозяев натуральным налогом в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов»³. Этот декрет исходил из права крестьян распоряжаться ненормированными продовольственными излишками по своему усмотрению, а за сдаваемый хлеб крестьянам-беднякам и середнякам выдавались промышленные товары по твердым ценам. Следовательно, заготовка сельскохозяйственных продуктов осуществлялась частично экономическими мерами, в порядке товарообмена. Лишь дальнейшее развертывание гражданской войны вынудило уже в 1919 году перейти к продразверстке сначала только хлеба и фуража⁴, а затем и других видов продоволь-

¹ СУ РСФСР, 1918, № 38, ст. 498; текст декрета см. также: Декреты Советской власти, т. II. М., 1959, с. 307—312.

² См.: Советы в эпоху «военного коммунизма». Сб. документов, ч. II. М., 1929, с. 287—288.

³ СУ РСФСР, 1918, № 82, ст. 864; Декреты Советской власти, т. III. М., 1964, с. 469—473.

⁴ Декрет СНК о разверстке зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства, между производящими губерниями от 11 января 1919 года.—СУ РСФСР, 1919, № 1, ст. 10; Декреты Советской власти, т. IV. М., 1968, с. 292—294.

ствия и резкому сокращению свободной торговли, хотя добиться ее полной ликвидации так и не удалось. Введение продразверстки, исходя из текста декрета, мыслилось как временная мера «в целях срочной поставки хлеба для нужд Красной Армии и бесхлебных районов». Сроки ее первоначально ограничивались только 1919 годом. О временном характере этой меры свидетельствуют и другие факты, приводимые советскими историками. В их работах обстоятельно прослежено, что система «военного коммунизма» в сельском хозяйстве складывалась постепенно, по мере ухудшения продовольственного положения, в обстановке ожесточенной классовой борьбы¹.

Все изложенное доказывает вынужденный, обусловленный чрезвычайными обстоятельствами характер мер политики «военного коммунизма» в области как промышленности, так и сельского хозяйства. Совершенно очевидно, что выявившаяся первоначально тенденция постепенного преобразования внутренней экономической жизни не получила развития исключительно вследствие ожесточенного сопротивления буржуазии всем мерам приятиям Советской власти в сфере экономики, сопротивления, которое в конце концов вылилось в острейшую форму гражданской войны в России. Естественно, что гражданская война и интервенция были той объективной обстановкой, при которой возобладала другая тенденция руководства экономикой — тенденция к строжайшей централизации управления всем хозяйством страны. Кроме того, тяжелое положение страны потребовало быстрейшего проведения самых радикальных преобразований и мер, в том числе и введения продразверстки, чтобы обеспечить народ и армию продовольствием, военным снаряжением и т. д.².

Политика «военного коммунизма», таким образом, представляла собой вынужденную реакцию на сопротивление свергнутых эксплуататорских классов в условиях гражданской войны и иностранной интервенции. Что же касается разрухи в промышленности и сельском хозяйстве страны, то к ней привели не какие-то особые

¹ См.: Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973, с. 56—65.

² Подробнее см.: Берхин И. Б. Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М., 1970, с. 72—73.

методы руководства экономикой, а в первую очередь и главным образом войны — сначала империалистическая, а затем гражданская война и интервенция, вина за которые целиком ложится на царизм, русскую буржуазию, контрреволюционные силы и иностранный капитал. Уже к 1917 году падение производства сельскохозяйственной продукции вследствие первой мировой войны, которая оторвала от работы в деревне миллионы рук, привело к острому продовольственному кризису в стране. Министр Временного правительства А. И. Шингарев уже весной 1917 года отмечал, что в распоряжении правительства не осталось никаких хлебных запасов. Накануне Октябрьской революции почти прекратилось поступление хлеба во все крупные промышленные центры¹. В период первой мировой войны полностью прекратился экспорт хлеба, традиционного для России предмета вывоза за границу². Условия гражданской войны и интервенции усугубили и без того тяжелое положение, сложившееся к 1917 году в сельском хозяйстве. Производство продукции земледелия ко времени окончания гражданской войны сократилось на одну треть по сравнению с довоенным периодом. И главные причины этого отнюдь не в политике «военного коммунизма» и не в проразверстке.

Достаточно ознакомиться с материалами об ущербе, который понесла экономика России в результате гражданской войны и интервенции, чтобы стало ясно, что причиной разрухи были не «большевистские методы» политики «военного коммунизма», а сама война, развязанная русской контрреволюцией и поддержанная иностранным капиталом. Согласно подготовленному к Генуэзской конференции 1922 года официальному документу, ущерб, нанесенный народному хозяйству Советской России интервентами и белогвардейцами, составил за годы гражданской войны и блокады 39 млрд. рублей золотом³. Весьма примечательно, что такого рода данные, как правило, совершенно отсутствуют в работах тех авторов, которые сваливают всю вину за разрушу-

¹ См.: Шарапов Г. В. Указ. соч., с. 81.

² См.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. II. М., 1956, с. 136—137, 637.

³ См.: Документы внешней политики СССР, т. V. М., 1961, с. 295; Любимов Н. Н. Баланс взаимных требований СССР и держав Согласия. М.—Л., 1924, с. 13—17.

в промышленности и сельском хозяйстве страны на политику «военного коммунизма»¹.

На основе версии о том, что политика «военного коммунизма» и продразверстка якобы привели к разрухе в сельском хозяйстве, буржуазные советологи выдвигают тезис, согласно которому в ходе гражданской войны полностью разошлись интересы рабочего класса и крестьянства, партия потеряла всякую поддержку этого самого многочисленного слоя населения Советской России. Такие взгляды развивали в своих работах буржуазные историки Ю. Тоустер, Д. Митрани, Н. Ясный² и др. Образчиком таких измышлений является и статья американского советолога С. Синглтона, который фальсифицирует политику партии по отношению к крестьянству, уверяя, что она не только не отвечала интересам его трудовой части, но и противостояла им. В его изображении политика партии и позиция крестьянства были двумя параллельно развивающимися «революциями» с диаметрально противоположными целями и задачами. «Революция крестьянства», по мнению автора, отражала «жажду земли и сносных условий существования», а «революция партии» имела целью «захват и удержание власти в стране»³. Автор старается подвести читателя к выводу о том, что партия и Советское государство не имели никакой опоры среди крестьянства — наиболее многочисленного класса в стране того времени.

Вопреки этим домыслам советологов интересы рабочего класса, партии большевиков и трудового крестьянства не только не разошлись в период гражданской войны, но еще более сблизились. Введение в январе 1919 года декрета о продразверстке, будучи вынужденной мерой, отражало тем не менее военно-политический союз рабочих и крестьян. Вынужденность этой меры подчеркивал позднее В. И. Ленин, который указывал, что «мы... в осажденной крепости, не могли продержаться иначе, как применением разверстки, т. е. взять все из-

¹ Подробное документальное подтверждение того, что истинной причиной разрухи сельского хозяйства была война, а не аграрная или продовольственная политика Советской власти, содержится в фундаментальной монографии Ю. А. Полякова «Переход к нэпу и советское крестьянство» (см. особенно с. 82—96).

² Подробнее об этом см.: Шарапов Г. В. Указ. соч., с. 88—89.

³ Singleton S. The Tambov revolt (1920—1921). — «Slavic Review», 1966, vol. 25, N 3 (September), p. 511.

лишки у крестьян, какие только имеются, взять иногда даже не только излишки, а и кое-что необходимое крестьянину, лишь бы сохранить способной к борьбе армию и не дать промышленности развалиться совсем»¹. Основой военно-политического союза, отражавшего интересы и крестьянства, и рабочего класса, по словам В. И. Ленина, было то, что «крестьянин получал от рабочего государства всю землю и защиту от помещика, от кулака; рабочие получали от крестьян продовольствие в ссуду до восстановления крупной промышленности»². При этом и сам принцип взимания продовольствия по проразверстке отражал стремление партии и рабочего класса максимально учесть интересы трудового крестьянства: «с бедных крестьян ничего, с середняка умеренно, с богатого много»³.

В годы гражданской войны Советское правительство приняло целый ряд мер по оказанию помощи крестьянскому хозяйству. Они вытекали из политики партии, направленной на укрепление союза рабочего класса и крестьянства. Согласно декрету ВЦИК от 9 апреля 1919 года «О льготах крестьянам-середнякам в отношении взыскания единовременного чрезвычайного революционного налога» вся тяжесть налога была переложена на кулацкие хозяйства, а трудящиеся крестьяне или совсем от него освобождались или облагались небольшими суммами⁴. Ту же цель преследовал и декрет ВЦИК от 25 апреля 1919 года «О льготах по взысканию натурального налога»⁵.

Советское правительство, несмотря на крайне ограниченные возможности, оказывало крестьянину материально-техническую помощь. За 1918—1920 годы трудовое крестьянство получило в порядке централизованного снабжения около 293 тыс. плугов, 39 тыс. борон, 3,5 тыс. сеялок, 2 млн. 280 тыс. кос, 38 тыс. хлебоуборочных машин, 28 тыс. сеноуборочных машин, 1 млн. 800 тыс. серпов. Создавались прокатные пункты сельскохозяйственного инвентаря. В 1920 году Советское правительство

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 150.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 7.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 522.

⁴ СУ РСФСР, 1919, № 12, ст. 121; Декреты Советской власти, т. V, М., 1971, с. 51—54.

⁵ СУ РСФСР, 1919, № 14, ст. 142; Декреты Советской власти, т. V, с. 105—106.

приняло еще ряд декретов в целях оказания помощи крестьянским хозяйствам¹.

Лучшим подтверждением того, что рабочий класс и партия большевиков пользовались самой активной и действенной поддержкой широких слоев крестьянства на протяжении 1918—1920 годов, является тот неоспоримый факт, что именно благодаря военно-политическому союзу рабочего класса, руководимого партией, и крестьянства была одержана победа в гражданской войне, ибо и армия в своем большинстве состояла из крестьян. К 1921 году Красная Армия насчитывала свыше 5,5 млн. человек, более 4 млн. из них (около 80%) составляли крестьяне. В 1923 году 52,7% комсостава Красной Армии были выходцами из крестьян². К началу 1921 года из 730 тыс. коммунистов около 200 тыс. трудились в сельской местности. Из 694 делегатов X съезда РКП(б) с решающим голосом 7,4% являлись крестьянами-землепашцами и ремесленниками³.

✓ Вопрос о политике партии по отношению к крестьянству в этот период рассматривается и в работах представителей буржуазно-либерального направления современной буржуазной историографии. Э. Карр, например, излагая обстановку в стране к концу гражданской войны, уделяет много места проблеме взаимоотношений между Советской властью и крестьянством и пытается дать свое объяснение политике партии в крестьянском вопросе. В отличие от грубо прямолинейной трактовки этого вопроса в работах реакционных авторов, где интересы партии и крестьянства изображаются как диаметрально противоположные, Э. Карр вынужден признать, конечно со свойственными буржуазному историку оговорками, действенность военно-политического союза рабочего класса и крестьянства в период гражданской войны, когда их сближала общая цель. Он отмечает, что «решающим фактором» победоносного окончания гражданской войны «была позиция крестьянства, чья лояльность к большевистскому режиму и реквизициям была вызвана, главным образом, страхом «белой» реставрации и потери земли»⁴.

¹ См.: Гимпельсон Е. Г. Указ. соч., с. 79—80.

² См.: Советское крестьянство. Краткий очерк истории, с. 109.

³ См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. I, с. 16, 50, 52.

⁴ Сагг Е. Н. The Bolshevik revolution. 1917—1923. Vol. II. London, 1966, p. 271.

Буржуазная ограниченность сказывается, однако, и на этой трактовке, ибо она подразумевает временный союз («лояльность»), который якобы вызывался почти исключительно страхом крестьян потерять землю. Но разве помимо этого фактора не действовали другие? Разве беднейшее крестьянство не выступило союзником рабочего класса в Октябрьской революции, разве трудовое крестьянство не убедилось, что Советская власть, которая выполнила свои лозунги и обещания на деле (декреты о мире и о земле), является подлинной властью народа? Доверие крестьян к Советскому правительству, отношение к нему как к своей народной власти, которая отражает и их интересы, играли несомненно не меньшую роль, чем боязнь потерять землю. На укреплении союза рабочего класса и крестьянства в годы гражданской войны сказывался, наконец, и такой фактор, как чувство патриотизма, особенно сплотившее оба трудящихся класса в условиях иностранной интервенции. Между тем Э. Кэрр все это игнорирует.

Стремление во что бы то ни стало установить пропасть между интересами рабочего класса и крестьянства, представить политику партии как враждебную крестьянам, а их позицию как антисоветскую, направленную против политики РКП(б), привело к повышенному интересу советологов к волнениям в ряде районов страны, которые имели место в 1920—1921 годах. При этом вместо объективного изучения событий большинство буржуазных авторов обнаруживает тенденцию к явному преувеличению размаха контрреволюционных выступлений в этот период, которые нередко живописуются чуть ли не как общекрестьянское вооруженное восстание, охватившее всю страну, к фальсификации их сущности. Такой подход характерен для многих представителей современной буржуазной историографии¹.

Наиболее типичными для самой реакционной части американской историографии этого вопроса являются рассуждения, которые содержатся в статье американского историка Сета Синглтона «Тамбовское восстание».

¹ См.: Schuman F. L. Russia since 1917. Four decades of Soviet politics. New York, 1957, p. 6; Wren M. The course of Russian history. New York, 1963, p. 597; Walsh W. B. Russia and the Soviet Union. A modern history. New ed. rev. and enl. Ann Arbor, 1968, p. 423; Conquest R. Agricultural workers in the USSR. London, 1968, p. 11; Vakar N. The taproot of Soviet society. New York, 1962, p. 3.

Автор всячески преувеличивает масштаб этого антисоветского выступления 1920 года, возводя его в ранг всеобщего вооруженного восстания. Советская власть карикатурно изображается им как оккупационный режим, а сами крестьяне как «партизаны». Автор утверждает даже, что слова «крестьянин» и «партизан» в то время являлись синонимами¹.

Подобного рода фальсификация событий Синглтоном и прочими советологами ведется по двум основным направлениям. Во-первых, типичной чертой описания контрреволюционных выступлений в ряде сельскохозяйственных районов страны является полное игнорирование классового расслоения деревни, ведущей роли зажиточного крестьянства, и прежде всего кулачества, в организации антисоветских мятежей. Во-вторых, наблюдается стремление представить эти выступления, как лишенные какого-либо руководства со стороны мелкобуржуазных партий — эсеров, анархистов и т. д. События излагаются таким образом, что у читателя создается впечатление о стихийном движении, которое охватило поголовно всех крестьян и распространилось по всей стране.

Исследования советских историков показывают полную несостоятельность попыток советологов извратить вопрос о кулацких мятежах 1920—1921 годов. Факты, приводимые в работах советских авторов, показывают фальсификаторскую сущность рассуждений о широком движении «крестьянства», о «стихийности», «неорганизованности» этих антисоветских выступлений. Чтобы читатель мог наглядно представить себе, насколько беспочвенны домыслы буржуазных «исследователей» относительно этой столь популярной теперь на Западе «проблематики», остановимся несколько подробнее на существе вопроса.

В 1920 — начале 1921 года антисоветские выступления имели место в Тамбовской и нескольких уездах Воронежской губернии; в некоторых районах Украины, где движение различных банд возглавлялось анархистами типа «батьки» Махно и националистами-петлюровцами; и, наконец, в Тюменской губернии, где мятеж был организован эсерами и бывшими царскими офицерами.

Попытки представить эти спорадические мятежи как

¹ Singleton S. The Tambov revolt, p. 497—512.

массовое народное восстание лишены всяких оснований и призваны лишь скрыть их социальные корни и контрреволюционный характер. Как известно, к концу 1920 года крестьянство было расколото на несколько отчетливо выраженных социальных групп: бедняцко-батрацкую (35—40%), середняцкую (55—60%), кулацкую (свыше 3% хозяйств)¹. Движущей силой таких выступлений были именно кулаки, к которым присоединялась часть зажиточного среднего крестьянства. По своему классовому содержанию контрреволюционные выступления в деревне были прежде всего кулацкими мятежами и являлись продолжением той вооруженной борьбы, которую кулачество вело против Советской власти с весны 1918 года. Эти мятежи охватили лишь ничтожную часть более чем стомиллионного крестьянского населения страны. Количество мятежников в отрядах Антонова не доходило до 50 тыс., в западносибирских контрреволюционных частях было менее 60 тыс., примерно такой же была численность бандитской армии Махно. Таким образом, «общероссийская крестьянская революция» западных советологов на поверку свелась всего лишь к нескольким кулацким мятежам.

В работах советских историков уже давно и основательно проанализирован и вопрос о руководстве кулацкими мятежами со стороны мелкобуржуазных партий, который намеренно обходится буржуазными авторами.

Установлено, что мятежники-antonовцы действовали по прямому указанию и под руководством представителей партии эсеров. Еще летом 1920 года ЦК эсеров предложил приступить на местах к созданию якобы беспартийных, а фактически эсеро-кулацких «союзов трудового крестьянства», главной целью которых была подготовка и разжигание кулацких мятежей. При этом ЦК эсеров в одной из своих директив предостерегал от разрозненных выступлений и предлагал повернуть их в русло широкой антисоветской борьбы. «Крестьянскую войну» широкого масштаба эсерам организовать не удалось, но подготовка локальных кулацких выступлений дала свои результаты. Одним из них и был контрреволюционный кулацкий мятеж в Тамбовской губернии, организованный членом партии эсеров с 1906 года Антоновым. Ядром повстанцев стала банда, сколоченная

¹ См.: Поляков Ю. А. Указ. соч., с. 133, 139, 141.

Антоновым из уголовников, дезертиров, кулаков. Банда совершила налеты на продовольственные склады, создавала подпольные комитеты «союза трудового крестьянства», распространяла эсеровскую литературу и листовки, собирала оружие. Вся деятельность антоновцев направлялась ЦК эсеров через Тамбовский губком этой партии и специального уполномоченного ЦК¹. «Программа» мятежников отражала положения эсеровской платформы (ликвидация диктатуры пролетариата и Коммунистической партии, установление временной власти из представителей партий и союзов, борющихся с большевиками, учреждение «Советов без коммунистов», отмена продразверстки и свобода торговли, упразднение совхозов и колхозов и т. д.). Практическая же деятельность мятежников носила открыто контрреволюционный, антисоветский характер — ликвидация местных Советов, убийство коммунистов и советских работников, разгром хлебных складов, железнодорожных составов, уничтожение скота и т. п. Такими же чертами характеризовался и эсера-кулацкий мятеж в Сибири в начале 1921 года².

Таким образом, рассмотрение обстоятельств и движущих сил кулацких мятежей и антисоветских выступлений 1920—1921 годов со всей очевидностью показывает фальсификаторский характер освещения этих событий в современной реакционной буржуазной историографии.

В своем стремлении извратить сущность аграрной политики партии советологи пытаются изобразить дело таким образом, будто РКП(б) отмахивалась от удовлетворения нужд и запросов крестьянства, хотя в этот период троцкисты, по мнению одних авторов, и меньшевики, по утверждению других, выдвигали меры, подобные тем, которые были введены в 1921 году в качестве новой экономической политики, и в частности предложение о замене разверстки натуральным налогом.

¹ См.: Муравьев Е. Полтора месяца в стане антоновцев. — В кн.: Особое задание. М., 1968, с. 212—254; Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925 гг.). М., 1975, с. 457—461; Донков И. П. Антоновщина: замыслы и действительность. М., 1977.

² Подробнее см.: Гусев К. В. Партия эсеров от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975, с. 338—344; Поляков Ю. А. Указ. соч., с. 202—213; Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа, ч. I. Л., 1964.

Весьма распространенной является версия И. Дейчера, который приписывает все заслуги инициатора и первооткрывателя новой экономической политики Троцкому, ссылаясь при этом на заявление последнего на X съезде РКП(б) о том, что он выдвигал идею замены продразверстки продналогом еще в феврале 1920 г., но она была отвергнута большинством ЦК во главе с В. И. Лениным¹.

Версия Дейчера разделяется и Э. Карром, который в рецензии на «труды» И. Дейчера по существу соглашается с его положением по этому вопросу². Ту же точку зрения можно обнаружить и в работах американского историка Л. Фишера, который утверждает, что «еще в феврале 1920 года Троцкий выступил в ЦК с предложением о замене продразверстки налогом и восстановлении свободной рыночной торговли. Ленин подверг критике эти предложения, и они были отклонены 11-ю голосами против 4-х»³.

Как же согласуются эти «доказательства» с историческими фактами?

Во-первых, и свободная торговля, и натуральный налог не отвергались экономической политикой Советского правительства в 1917—1918 годах до начала гражданской войны, пока классовая борьба и интервенция не побудили перейти к иным методам в области народного хозяйства. Так что любые попытки утверждать приоритет Троцкого в этих вопросах совершенно безосновательны.

Во-вторых, призывы Троцкого в феврале 1920 года к свободе торговли, встретившие возражения со стороны членов ЦК, были для того времени явно преждевременными, так как еще продолжалась гражданская война и политика «военного коммунизма» была еще необходима.

Наконец, в-третьих, тезисы Троцкого, представленные им в ЦК РКП(б) в феврале 1920 года под названием «Основные вопросы продовольственной и денежной политики» и отвергнутые большинством ЦК РКП(б) во главе с В. И. Лениным, коренным образом отличались от резолюции «О замене разверстки натуральным

¹ См.: Deutscher I. The prophet armed. London, 1954, p. 496—497.

² См.: Cagg E. H. 1917: before and after, p. 163.

³ Fischer L. Russia's road from peace to war. New York, 1969, p. 53.

налогом», внесенной В. И. Лениным на рассмотрение X съезда РКП(б). Если резолюция предусматривала соглашение с середняком, борьбу с кулачеством и прочный союз с беднотой, то тезисы Троцкого предлагали «некоторое ослабление нажима на кулака», более осторожное отношение «к крестьянским верхам», принудительную разверстку «по запашке и вообще обработке земли»¹. Следовательно, все рассуждения буржуазных авторов о Троцком как прародителе нэпа не выдерживают никакой критики при сопоставлении с историческими фактами.

Столь же неосновательна и версия об инициативе меньшевиков. Апологетами и распространителями меньшевистской версии «истинных» первооткрывателей курса новой экономической политики и «друзей» крестьянства являются эмигранты из лагеря самих меньшевиков. Так, небезызвестный бундовец, а затем один из лидеров меньшевизма, Р. Абрамович в книге «Советская революция 1917—1939» довольно подробно останавливается на этом вопросе. Наставая на приоритете меньшевиков в выдвижении идеи отмены продразверстки еще до того, как это было предложено В. И. Лениным на X съезде РКП(б), Абрамович ссылается, в частности, на опубликованную меньшевиками платформу, озаглавленную «Что делать?»².

Меньшевистская версия происхождения нэпа получила решительную поддержку со стороны одного из крупнейших «специалистов» по истории КПСС на Западе Л. Шапиро. Он писал, в частности, что «меньшевики провозгласили серию мер, почти не отличающихся от нэпа, к которым Ленин обратился весной 1921 года»³. В статье, опубликованной в сборнике «50 лет коммунизма в России», Л. Шапиро вновь отстаивает «приоритет» меньшевиков в выдвижении нэпа⁴.

Что же в самом деле предлагали меньшевики изменить в экономической системе Советской России, когда были выдвинуты их предложения, какую цель они преследовали и как они «соотносятся» с нэпом?

¹ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет, с. 349—350, 883.

² Abramovich R. The Soviet revolution 1917—1939. New York, 1962, p. 219.

³ Schapiro L. The origin of the communist autocracy. London, 1965, p. 199.

⁴ Fifty years of communism in Russia, p. 54.

Положения платформы меньшевиков «Что делать?» (1919 г.) не имели ничего общего с новой экономической политикой, провозглашенной на X съезде РКП(б). Прежде всего меньшевики предлагали «в корне изменить экономическую политику» — оставить в руках пролетарского государства только часть важнейших средств производства, а все остальные — «постепенно передаются по общему правилу в частные руки путем либо сдачи в аренду кооперативам, либо новым предпринимателям, или возвращения старым владельцам». Те же меры рекомендовалось осуществить и в области торговли. Иными словами, предложения меньшевиков предусматривали денационализацию промышленности, коренные изменения аграрной и продовольственной политики Советской власти¹.

Если учесть, что агитация меньшевиков за свободную торговлю, отмену монополии на продовольствие, право крестьян распоряжаться продуктами своего труда, ликвидацию заготовительного продовольственного аппарата проводилась в разгар гражданской войны, то эту экономическую политику нельзя расценить иначе, как одно из средств борьбы против Советской власти в рассматриваемый период. Пойти на реализацию этих мер тогда значило подорвать позиции диктатуры пролетариата в самый критический момент классовой борьбы. Да и после провозглашения нэпа на X съезде РКП(б) меньшевики приветствовали его постольку, поскольку ожидали, что некоторое допущение капитализма приведет к осуществлению их политических требований, к постепенной трансформации Советской республики в буржуазную.

Естественно, преувеличивая роль Троцкого и меньшевиков как «инициаторов» нэпа, буржуазная историография искажает и фальсифицирует роль В. И. Ленина и большевистской партии.

Советологи хотят представить дело так, что политика партии по отношению к крестьянству всегда была отрицательной и лишь обстоятельства вынудили ее сменить курс. Именно с такой крайне реакционной и фальсификаторской трактовкой политики партии по отношению к крестьянству на рубеже 1920—1921 годов выступает Р. Лэйрд — автор ряда работ по истории аграрной

¹ Подробнее см.: Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968, с. 307—308.

политики партии и Советского государства. В своих писаниях он трактует переход к нэпу не как стремление наладить взаимоотношения с крестьянством на экономической основе, а как вынужденную уступку крестьянству, которое, дескать, «прижало большевиков к стене». Автор называет политику партии по отношению к крестьянству «крестьянским Брест-Литовском». Такой предвзятый подход Р. Лэйрда полностью извращает политику партии в отношении крестьянства, изображая ее как чисто «эмпирическую», прагматическую, лишенную какой-либо ясной и целостной линии¹.

На самом деле, как известно, все обстояло иначе. После окончания гражданской войны создались условия для установления отношений с крестьянством на новой, экономической основе, и партия, отлично сознававшая тяжелое хозяйственное положение крестьянских масс и чутко улавливавшая нужды и потребности этого самого крупного класса страны, начала поиски путей облегчения его тяжелого положения, укрепления союза с ним.

В. И. Ленин всегда находил время встречаться с крестьянами, выслушивать их и давать практические советы. В связи с многочисленными обращениями крестьянских ходоков в Совнарком В. И. Ленин написал «Ответ на запросы крестьян»². В конце 1920 и начале 1921 года В. И. Ленин много раз беседовал с крестьянами из самых различных районов страны. Он встречался с И. А. Чекуновым и Н. А. Ганявиним из Владимирской губернии, с О. И. Черновым из Сибири, с крестьянами Подмосковья, Тамбовской, Тверской губерний. В. И. Ленин принял участие в совещании крестьян — беспартийных делегатов VIII съезда Советов; внимательно следил за письмами крестьян, приходившими в газету «Беднота»³.

Постепенно, по мере того как военно-политический союз пролетариата со средним крестьянством, основанный на продразверстке, изживал себя, партия начинает вырабатывать новый курс в отношении к крестьянству.

Уже 4 января 1921 года Пленум ЦК РКП(б) отметил необходимость соединить подготовку к посевной кампании «с правильным определением отношения

¹ Laird R. D. Collective farming in Russia. A political study of the Soviet kolkhozy. Kansas, 1958, p. 24, 40, 42, 44.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 68—69.

³ См.: Советское крестьянство. Краткий очерк истории, с. 36, 44—45, 116—117.

к крестьянству»¹. Вопрос о «настроении среди крестьян» обсуждался на Пленуме ЦК РКП(б) 12 января 1921 года, где была создана комиссия, которая имела целью «обсудить возможные меры быстрого облегчения положения крестьян в некоторых из наиболее потерпевших от неурожая и т. п. губерниях»². Политбюро ЦК 2 февраля дало указание Наркомпроду уменьшить продразверстку и выработать другие меры для облегчения продовольственного положения крестьян. В соответствии с этим в 13 центральных губерниях продразверстка была полностью приостановлена, о чем В. И. Ленин сообщил в речи на Московской конференции металлистов 4 февраля 1921 года³. Тогда же он подчеркнул необходимость наладить отношения между рабочим классом и крестьянством, оказать крестьянам помощь в проведении посевной кампании⁴. В резолюции этой конференции отмечалось, что продразверстка «не только не отвечает интересам крестьянских масс, но также и губительным образом отражается на положении рабочих масс», и высказывалось пожелание «заменить разверстку определенным натуральным налогом»⁵.

Итогом подготовительной работы партии, направленной на урегулирование взаимоотношений с крестьянством в условиях перехода к мирному социалистическому строительству, явился «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян», написанный В. И. Лениным 8 февраля 1921 года и предлагавший «удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом»⁶. Этот документ стал основой для соответствующего решения X съезда РКП(б), которое еще раз продемонстрировало, что между интересами крестьянства и политикой партии не было никакой «пропасти», что РКП(б) в максимально короткий срок, как только для этого появились объективные условия и возможности, разработала новую форму союза рабочего класса и крестьянства на экономической основе. Крестьянство, осо-

¹ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 1, с. 46.

² Там же, с. 47.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 308.

⁴ См. там же, с. 307—308.

⁵ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 1, с. 47.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 333.

бенно бедняки и середняки, с энтузиазмом восприняли решение партии о замене продразверстки продналогом. После осуществления этой меры в законодательном порядке широкие крестьянские массы были удовлетворены и активно поддержали аграрную политику Советской власти. Это обстоятельство вынуждены признать почти все буржуазные историки, отмечающие благоприятное воздействие, которое оказала новая экономическая политика на положение крестьянства и восстановление производительных сил в сельском хозяйстве. Однако при оценке этого явления некоторые западные авторы умудряются фальсифицировать события вопреки не только историческим фактам, но и просто здравому смыслу.

К их числу относится Л. Шапиро, неизменно оказывающийся на крайне правом фланге реакционной западной советологии. В его рассуждениях совершенно затушевывается экономическое значение поворота к нэпу, роль этой политики в укреплении союза рабочего класса и крестьянства на экономической основе для восстановления народного хозяйства, игнорируется сущность нэпа как системы мер периода переходного от капитализма к социализму, как плана строительства социализма¹. Даже признаваемый по существу всей буржуазной историографией факт, что введение нэпа благотворно сказалось на социально-экономическом положении советского крестьянства, приобретает у Л. Шапиро совершенно извращенное толкование. Недовольство крестьян, вызванное продразверсткой, по мнению Л. Шапиро, было преодолено не только и не столько переходом к продналогу и к нэпу в целом, сколько тем, что «в течение 1922 года вся мощь Красной Армии была брошена на подавление крестьянских восстаний»².

Не рассматривая по существу всех фальсификаторских упражнений Л. Шапиро, остановимся лишь на этом последнем вопросе. Следует отметить, что в 1922 году никаких крестьянских волнений в стране практически не было; исключение составляло лишь бандитское движение так называемых «зеленых» в западных областях, в значительной мере организованное русской контррево-

¹ Schapiro L. The communist party of the Soviet Union. New York, 1970, p. 209; Idem. The origin of the communist autocracy, p. 204—205.

² Schapiro L. The communist party of the Soviet Union, p. 216.

люционной эмиграцией, переправлявшей эти банды с территории Польши.

Таким образом, попытки Л. Шапиро изобразить переход к нэпу как политический маневр, сопровождавшийся экономическими уступками, дополненными системой репрессий, являются грубой фальсификацией истории.

Наконец, остановимся еще на одной версии советологов, касающейся политики партии по отношению к крестьянству на рубеже 1920—1921 годов и причин замены продразверстки продналогом. Она сводится к утверждению, что этот шаг был тактическим отступлением, вызванным международными условиями, и прежде всего поражением мировой революции. И представители реакционной буржуазной историографии — М. Файнсод, Л. Фишер, и автор либерального направления — Э. Кэрр полагают, что Советское правительство и большевистская партия сосредоточились на внутренних экономических задачах (соглашении с крестьянством как главном элементе перехода к нэпу) только после того, как выявились бесперспективность расчетов на международную революцию¹.

Утверждения советологов выглядят по меньшей мере нелепыми, поскольку их версии не в состоянии дать ответа на вопрос, каким образом даже победа европейской революции способна была помочь партии избежать решения вопроса об экономическом соглашении с крестьянством на основе замены разверстки налогом. Ведь революции в других странах никоим образом не могли изменить того обстоятельства, что строительство социализма в России все равно пришлось бы осуществить в условиях преобладания мелкобуржуазных слоев населения, и прежде всего крестьянства. А раз так, то поиски путей правильных взаимоотношений рабочего класса с крестьянством были обязательным условием вовлечения этого класса в социалистическое строительство, вне зависимости от характера развития революционного процесса в других странах.

Рассматриваемая версия находится в противоречии с неоднократными высказываниями В. И. Ленина о

¹ См.: Carr E. H. The Bolshevik revolution, vol II, p. 277—278; Fainsod M. How Russia is ruled. Cambridge (Mass.), 1963, p. 98. Fischer L. Russia's road from peace to war. New York, 1969, p. 42—43.

необходимости достаточно длительного переходного периода для строительства социализма в такой отсталой крестьянской стране, какой была Россия. Более того, в тезисах и выступлениях на III конгрессе Коминтерна В. И. Ленин подчеркивал то обстоятельство, что даже развитым капиталистическим странам после победы социалистической революции предстоит пройти переходный период, связанный с наличием значительной прослойки мелкобуржуазных элементов города и деревни. «Эта задача,— писал В. И. Ленин,— принадлежит к числу труднейших задач социалистического строительства, которые встанут перед всеми капиталистическими странами,— может быть, за исключением одной только Англии»¹.

История полностью подтвердила предвидение В. И. Ленина о необходимости переходного периода от капитализма к социализму, во время которого пролетариату в числе прочих задач пришлось решать проблему установления правильных взаимоотношений с мелкобуржуазными слоями.

В странах Центральной и Юго-Восточной Европы, в ряде государств Азии при гораздо более благоприятных международных условиях (наличие и поддержка Советского Союза, гарантия его помощи в случае интервенции со стороны капиталистических держав, рост и укрепление социалистического лагеря) коммунистическим партиям пришлось применять в принципе те же переходные меры и формы, связанные главным образом с задачей создания прочного союза рабочего класса и крестьянства на экономической основе. Следовательно, версия советологов об изменении политики партии по отношению к крестьянству, выразившемся в замене продразверстки продналогом вследствие воздействия неблагоприятных условий развития мирового революционного процесса, также является несостоятельной. Попытка извратить позицию РКП(б) в аграрном вопросе, представить ее как вынужденную, а не исходящую из принципиальной линии на установление прочного союза рабочего класса и крестьянства, являющегося главным условием осуществления диктатуры пролетариата и успешного социалистического строительства, не имеет ничего общего с исторической действительностью.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 6.

**3. „НЕИЗВЕСТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“
(кронштадтский мятеж 1921 года
в изложении буржуазных авторов)**

Кронштадтский мятеж — одно из тех событий в истории Советского государства, которое привлекает все больший интерес зарубежных исследователей. Критический анализ оценок советологами этого контрреволюционного мятежа тем более необходим, что обычно они даются в неразрывной связи с решениями X съезда РКП(б), причем некоторые буржуазные авторы характеризуют мятеж как одно из обстоятельств или даже как главную причину принятия съездом резолюции о замене продразверстки продналогом и, следовательно, как импульс для поворота к нэпу¹.

Обращение к этому контрреволюционному выступлению служит для ряда представителей реакционной буржуазной историографии поводом для того, чтобы попытаться «гальванизировать» лозунги кронштадтских мятежников и использовать их как инструмент борьбы против социализма в современных условиях².

Конечно, не все работы, посвященные кронштадтским событиям, представляют собой неприкрытою и вульгарную апологию мятежа. Однако тенденция трактовать его крайне предвзято, а иногда и с откровенно антисоветских позиций присуща подавляющему их большинству.

К настоящему времени в Англии, Франции, Италии и США опубликовано значительное количество книг и монографических статей, специально посвященных истории кронштадтского мятежа. Этому событию удалено серьезное внимание и в общих работах по истории СССР и КПСС.

Подавляющее большинство авторов пытаются представить кронштадтский мятеж либо как народную революцию, либо, по крайней мере, как широкое восстание

¹ См. подробнее: Шишкина И. М. X съезд РКП(б) в освещении современной буржуазной историографии. — В кн.: Некоторые вопросы социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Л., 1971. (Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. История КПСС. Вып. XI).

² См., например: Newell P. E. The Kronstadt rebellion. Fifty years ago this week. — «Socialist Leader» (London), 1971, February 27, vol. 63, № 9, p. 3.

масс против Советской власти. Книга В. М. Волина прямо так и называется — «Неизвестная революция». В ней мятеж охарактеризован как «стихийное, народное, аполитичное, социальное и истинно революционное движение масс»¹. Книга Е. Поллака, имеющая подзаголовок «Первое вооруженное восстание против Советов», изображает действия мятежников в качестве «организованной попытки русского народа сопротивляться деспотическому правлению»².

Исключением в этом отношении является, пожалуй, только Э. Карр, который считает кронштадтский мятеж выражением недовольства мелкобуржуазных слоев, и прежде всего крестьянства³. Однако такая оценка вызвала резкое возражение со стороны английского историка Дж. Каткова. Последний утверждает, что это событие было не чем иным, как «конфликтом между коммунистическим правительством и революционными массами»⁴.

Современная буржуазная историография всячески стремится представить кронштадтский мятеж как массовое, народное движение, при этом его классовая сущность либо не рассматривается вообще, либо тщательно затушевывается. Как известно, всякая революция или революционное выступление выражает интересы тех или иных классов или слоев общества, которые являются ее движущей силой. Большинство буржуазных авторов даже не пытаются проанализировать социальный состав кронштадтских мятежников. «Общенародный» и «революционный» характер мятежа многие из них стараются доказать путем совершенно несостоятельного отождествления кронштадтских моряков февраля — марта 1921 года с революционными балтийскими матросами периода Октябрьской революции. Работы по истории КПСС и СССР, выходящие на Западе, пестрят высказываниями о том, что в Кронштадте против Советской власти восстали «именем самой Октябрьской революции» «моряки Красного Флота», «краса и гордость ре-

¹ Voline V. M. *The unknown revolution*. London, 1970, p. 2, 45.

² Pollack E. *The Kronstadt rebellion*. New York, 1959, p. 32, 81.

³ Carr E. H. *The bolshevik revolution*, vol. II, p. 271.

⁴ Katkov G. *The Kronstadt rising*. — «Soviet affairs», 1959, № 2, p. 12.

волюции», «красные герои Октябрьского восстания», «элита революции» и т. д.¹.

В. И. Ленин подчеркивал, что в кронштадтских событиях наиболее характерным было проявление колебаний мелкобуржуазной стихии². Советские историки детально проанализировали социальный состав населения, флота и гарнизона Кронштадта к началу мятежа.

Многие наиболее активные и закаленные участники революции находились на фронтах гражданской войны, были выдвинуты на партийную и советскую работу. За период 1918—1920 годов с кораблей флота ушло более 40 тыс. человек, в том числе лучшие политработники и командиры³. Почти 80% моряков Балтийского флота к началу 1921 года были крестьянами по происхождению⁴. До 10 тыс. военнослужащих кронштадтского гарнизона прибыли из мест, где активно действовали врангелевские и деникинские части⁵.

Характерно, что в 1918 году новое пополнение моряков Балтфлота набиралось специальной организацией — бюро по найму, которое принимало всех желающих служить на флоте, достаточно было только подать заявление и подписать договор о службе⁶.

Это привело к тому, что в Балтийском флоте, в частности в Кронштадте, за 1918—1921 годы значительно увеличилось число мелкобуржуазных элементов. На флот пришли бывшие гимназисты, реалисты, деклассированные элементы, привлеченные сравнительно высоким продовольственным пайком и другими материальными льготами, которыми пользовались моряки военного флота. Кроме того, за годы фактического бездействия флота произошли качественные изменения и в психологии

¹ Daniels R. V. *The conscience of the revolution*. Cambridge (Mass.), 1965, p. 143; Schuman F. Op. cit., p. 130; Deutscher I. *The prophet armed*, p. 510, 512; Lawrence J. A history of Russia, New York, 1969, p. 268; Pollack E. Op. cit., p. 11.

² См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 43, с. 237.

³ См.: Трифонов И., Сувениров О. Разгром кронштадтского контрреволюционного мятежа 1921 года. — «Военно-исторический журнал», 1971, № 3, с. 89.

⁴ Другие авторы называют еще более высокий процент (до 90%) состава флотских и других частей кронштадтского гарнизона из крестьян-середняков (см.: Очерки истории Ленинградской организации КПСС, ч. II. Ноябрь 1917—1945. Л., 1968, с. 164).

⁵ См.: Очерки истории Ленинградской организации КПСС, ч. II, с. 164—165.

⁶ См.: Пухов А. С. Кронштадт и Балтийский флот перед мятежом. — «Красная летопись», 1930, № 6/39, с. 155.

матросов. К 1920 году на первый план во флотской массе выдвигается фигура «клешника» — крикун, лодыря, демагога, не имевшего ничего общего с героями Октября 1917 года¹.

Примечательно, что глава «ревкома» кронштадтских мятежников старший писарь линкора «Петропавловск» С. Петриченко также происходил из зажиточной крестьянской семьи с Украины. Накануне мятежа, с апреля по ноябрь 1920 года, он был на родине, что не могло не сказалось на его настроениях и политических взглядах.

Таким образом, кронштадтские моряки 1921 года были главным образом выходцами из мелкобуржуазных слоев населения, преимущественно из крестьянской среды. «Революционный народ» и «красные моряки» Кронштадта в 1921 году представляли собой аморфную массу, настроения которой в громадной степени формировались той мелкобуржуазной средой, из которой они вышли и с которой были тесно связаны.

Справедливости ради следует отметить, что не все буржуазные историки проходят мимо данных об изменениях, произошедших к 1921 году в социальном составе моряков и гарнизона Кронштадта. Однако те из них, кто признает эти факты, считают их «значительно преувеличеными» или «неубедительными статистически», а потому-де, утверждают они, нет оснований для вывода о том, что кронштадтские моряки перестали быть «красной и гордостью революции». Подобные упреки в адрес советской историографии ничем серьезно не обоснованы и базируются лишь на голословных предположениях².

Игнорирование западными историками мелкобуржуазной подоплеки кронштадтского мятежа или ее недоценка логически приводят к искажению вопроса о руководстве этим движением. Для многих буржуазных авторов характерно стремление либо вообще отрицать какое-либо влияние мелкобуржуазных партий на формирование взглядов кронштадтских мятежников, либо ставить его под сомнение, используя первые попавшиеся «аргументы».

¹ См. подробнее: Семаинов С. Н. Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа 1921 года. М., 1973, с. 67—68.

² См.: Daniels R. V. The Kronstadt revolt of 1921. — «The American Slavic and East European Review», 1951, vol. X, № 4 (December), p. 242; Katkov G. Op. cit., p. 21.

Так, английский историк Дж. Катков оценивает политические идеи мятежников как совершенно самобытные, независимые от внешнего влияния, от партийных доктрин. Согласно его версии программа и тактика кронштадтцев были свободны от «руководства со стороны профессиональных политиков и интеллектуалов»¹. Его «аргументация» в пользу этого тезиса, по существу, сводится лишь к тому, что среди восставших не было ни видных идеологов анархизма, ни лидеров меньшевистской или эсеровской партий, хотя для любого добросовестного исследователя должно быть очевидно, что для идейного оформления платформы мятежников все не обязательно, чтобы лидеры политических партий принимали непосредственное участие в событиях.

Приблизительно такой же точки зрения придерживается американский историк Е. Поллак. Он приходит к выводу о «внепартийном» содержании политических взглядов мятежников на том основании, что трудно подтвердить или опровергнуть физическое присутствие в Кронштадте эсеров и меньшевиков, но полагает, что, «если бы восстание было успешным, они (руководители мятежа.—И. Ш.) могли бы обратиться к партии эсеров за политическим руководством»². Таким образом, и этот автор фактически оценивает лозунги и политические требования мятежников, выдвинутые в феврале—марте 1921 года, как внепартийные, не отражающие программных положений мелкобуржуазных партий.

Несколько отличается от этих построений позиция П. Авриха, известного западного историка русского анархизма, который в 1970 году опубликовал специальную работу о мятеже—«Кронштадт, 1921». Эта книга, не свободная от ряда штампов, присущих буржуазной историографии мятежа, отличается более серьезным подходом автора к изучению вопроса, использованием советских источников и литературы. П. Аврих, хотя и утверждает, что представители мелкобуржуазных партий, в частности анархисты, не имели отношения к мятежу и не принимали участия в его подготовке, вынужден все же признать несомненное сходство взглядов мятежников с некоторыми программными положениями меньшевиков и эсеров³.

¹ Katkov G. Op. cit., p. 42, 70.

² Pollack E. Op. cit., p. 72, 74.

³ Avrich P. Kronstadt 1921. Princeton—New York, 1970, p. 167, 229.

В целом же, за этим единственным исключением, для современной буржуазной историографии характерно стремление изобразить дело так, будто кронштадтский мятеж — это самобытное внепартийное движение, свободное от какого бы то ни было политического влияния мелкобуржуазных идеологов.

Разумеется, эти «откровения» советологов не имеют ничего общего с исторической действительностью. В. И. Ленин еще в апреле 1921 года в брошюре «О продовольственном налоге» специально останавливался на вопросе о внешне беспартийном характере выступления мятежников. За ним он разглядел знакомые лозунги эсеров и меньшевиков. «Весенние события 1921 года показали еще раз роль эсеров и меньшевиков: они помогают колеблющейся мелкобуржуазной стихии отшатнуться от большевиков, совершив „передвижку власти“ в пользу капиталистов и помещиков. Меньшевики и эсеры научились теперь перекрашиваться в „беспартийных“. Это доказано вполне¹», — писал В. И. Ленин. Этот вывод В. И. Ленина опирался на неоспоримые исторические факты.

В феврале 1920 года ЦК правых эсеров принял решение, которое было направлено на завоевание Советов путем выдвижения своих кандидатов под видом беспартийных. «В выборах участие принимать,— говорилось в связи с перевыборами в Моссовет.— Там, где возможно выставление партийного списка, выставлять демонстративно список находящихся в тюрьме. В остальных местах проводить своих кандидатов как беспартийных². В мае того же года эсеровский ЦК в циркулярном письме указывал, что важнейшей задачей членов партии является создание формально беспартийных «союзов трудового крестьянства»³, которые на деле служили бы партии эсеров средством для организации кулацких мятежей против Советской власти. О том, что маскировка под «беспартийных» стала одним из тактических приемов эсеров в борьбе против Советской власти, свидетельствует и конференция правых эсеров в сентябре 1920 года. Ее делегаты сообщали, что они ведут работу среди трудящихся как беспартийные, создавая разного рода подпольные организации. Левые

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 241.

² Гусев К. В. Указ. соч., с. 347.

³ См.: Спирин Л. М. Указ. соч., с. 389.

эсеры действовали таким же образом, стремясь сохранить свои кадры и организации «до лучших дней»¹. Хотя сейчас трудно определить партийную принадлежность всех членов кронштадтского «ревкома», установлено, что один из руководителей мятежа — В. Вальк — являлся меньшевиком². Платформа «ревкомовцев» также наглядно показывает ее далеко не «самобытный» и отнюдь не «беспартийный» характер. Достаточно ознакомиться с программными документами мятежников (резолюцией собрания 1-й и 2-й бригад линкоров Балтфлота, принятой митингом на Якорной площади 1 марта 1921 года; «обращением к железнодорожникам»; различными обращениями к трудящимся Кронштадта и Петрограда; редакционными статьями «Известий временного революционного комитета»; документами практической деятельности «ревкома»), чтобы убедиться, что политические требования, в них содержащиеся, представляют собой электническую мешанину воззрений мелкобуржуазных политических партий. Некоторые основные политические пункты «программы» мятежников вполне соответствовали меньшевистским и эсеровским программным установкам периода гражданской войны.

Если сравнить документы мятежников с опубликованной меньшевиками еще в 1919 году платформой «Что делать?», то нетрудно заметить разительное сходство. В меньшевистской программе были те же самые требования. Как известно, особенно резко меньшевики выступали против руководящей роли большевистской партии в советском обществе, что по сути дела соответствовало лозунгу кронштадцев «Власть Советам, а не партиям»³. Ту же линию на перевыборы Советов с целью устранения влияния в них коммунистов проводили и эсеры. В декабре 1919 года эсеровский ЦК дал директиву членам партии, предлагавшую «принять самое значительное участие в перевыборах Советов»⁴.

Программные документы меньшевиков и эсеров, принятые в 1920 году, развивали, конкретизировали отмеченные политические установки⁵. Так, левоэсеровские лозунги накануне кронштадтского мятежа, изложенные

¹ См.: Гусев К. В. Указ. соч., с. 347.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 480.

³ См.: Спирин Л. М. Указ. соч., с. 307—308.

⁴ Там же, с. 388.

⁵ См. там же, с. 392.

в декларации на VIII съезде Советов и IV съезде профсоюзов (декабрь 1920 года), требовали «отказа от диктатуры лиц и партий», «восстановления действительного народовластия через свободно избранные Советы» и т. д.¹.

Требования кронштадтских мятежников, заимствованные из партийных платформ контрреволюционных мелкобуржуазных партий, были направлены против диктатуры пролетариата, против Советской власти. Пресловутый лозунг «Власть Советам, а не партиям» был выдвинут мелкобуржуазной контрреволюцией после того, как выяснилось, что бороться против Советской власти и диктатуры пролетариата можно лишь на почве ее формального признания. Откровенно антисоветские лозунги вроде белогвардейского «За единую и неделимую Россию» или меньшевистско-эсеровского «Вся власть Учредительному собранию» давно утратили доверие трудящихся масс, в том числе и крестьянства. Не случайно попытка В. Чернова предложить кронштадтским мятежникам лозунг «Учредительного собрания» была ими отвергнута. В новой политической ситуации меньшевикам и эсерам, так же как и их кронштадтским последователям, казалось более подходящим для обмана масс идти под флагом борьбы «За Советскую власть, но без коммунистов». Именно эту идею и отражал лозунг «Власть Советам, а не партиям».

Анализируя смысл этого лозунга, партия и В. И. Ленин отмечали, что для буржуазной контрреволюции стало совершенно ясным, что только линия меньшевиков и эсеров на постепенную «передвижку» власти от мелкобуржуазной демократии к белогвардейской диктатуре, т. е. на свержение диктатуры пролетариата и захват власти с последующей ее передачей буржуазии, пусть даже на почве временного признания советского строя, может еще иметь какие-то шансы на успех. Все другие лозунги вообще невозможно было выдвигать, ибо они заранее были обречены на полный провал².

Основной цели — свержению диктатуры пролетариата при помощи лозунга «Власть Советам, а не партиям» — были подчинены и те политические пункты программных документов меньшевиков и эсеров, которые перекоче-

¹ Гусев К. В. Указ. соч., с. 352.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 24—25, 239, 318; КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 219.

вали в «беспартийную» платформу кронштадтцев: равные и тайные выборы, свобода пропаганды и агитации для мелкобуржуазных контрреволюционных партий и т. п. Формально-демократические свободы в условиях остройшей классовой борьбы были призваны облегчить задачу свержения Советской власти. Этому служило и требование уравнения в избирательных правах пролетариата и крестьянства («равные выборы»), направленное на ослабление пролетарского государства и означавшее отказ от Конституции 1918 года, которая закрепила преимущественное представительство рабочего класса в интересах укрепления диктатуры пролетариата.

В обстановке политического кризиса 1920—1921 года требование свободы печати, собраний, союзов, пропаганды и агитации для контрреволюционных мелкобуржуазных партий — меньшевиков, эсеров, анархистов — также имело целью создать благоприятные условия для борьбы против Советской власти, против диктатуры пролетариата.

Как отмечал В. И. Ленин, все выступления мелкобуржуазных партий начинались под флагом свободы, равенства и т. д., но всякий раз они оказывались «мостиком для перехода к белогвардейской власти»¹.

Некоторые экономические лозунги мятежников (дегосударственная национализация, свобода непосредственного товарооборота между городом и деревней, устранение государственных органов от его осуществления, ликвидация монополии внешней торговли, предоставление крестьянам возможности вести хозяйство по их усмотрению с правом свободной торговли сельскохозяйственной продукцией и т. п.) также по существу ничем не отличались от эсеровских и меньшевистских требований этого периода². Их осуществление в условиях остройшей классовой борьбы и гражданской войны привело бы лишь к гибели диктатуры пролетариата. На X съезде РКП(б) В. И. Ленин вскрыл смысл подобных предложений: «Мы должны внимательно присмотреться к этой мелкобуржуазной контрреволюции, которая выдвигает лозунги свободы торговли. Свобода торговли, даже если она вначале не так связана с белогвардейцами, как был связан Кронштадт, все-таки неминуемо приведет к этой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 25.

² См.: Трифонов И. Я. Указ. соч., с. 96—98; Спирин Л. М. Указ. соч., с. 307—308.

белогвардейщине, к победе капитала, к полной его реставрации. И, повторяю, эту политическую опасность мы должны сознавать ясно»¹.

Лиши новые условия, сложившиеся в стране после окончания гражданской войны, позволили Советскому правительству произвести некоторые изменения во внутренней экономической политике, в частности отменить продразверстку. Однако все эти меры не затрагивали основных, ключевых позиций пролетарского государства в области экономики, не вели к реставрации капитализма, как это с неизбежностью произошло бы в случае реализации экономической платформы меньшевиков, эсеров и их кронштадтских адептов.

Таким образом, нет никаких оснований для того, чтобы, как это делают некоторые буржуазные авторы, говорить о какой-либо самобытности, внепартийности программных установок лидеров контрреволюционного антисоветского мятежа в Кронштадте.

Для буржуазной историографии характерно также почти полное отрицание какой-либо роли белогвардейских элементов в руководстве этим мятежом. Многие из западных историков, по существу, оспаривают активное участие белогвардейцев в кронштадтском мятеже. Так, И. Дейчер, выступая против констатации в официальных заявлениях Советского правительства и в работах советских историков факта участия в кронштадтском мятеже генерала А. Н. Козловского и других бывших офицеров, пишет, что «привыкшие к белогвардейским генералам во время гражданской войны, большевики и тут объявили, что кронштадтский мятеж — дело рук белогвардейских генералов»².

Другие авторы (Р. Дэниелс, Дж. Катков, Волин), также отрицающие всякую роль белогвардейских элементов в руководстве мятежом, не останавливаются перед откровенной клеветой, заявляя, что «белогвардейская версия» понадобилась Советскому правительству для того, чтобы обмануть массы, без чего якобы правительственные войска отказались бы стрелять в мятежных «революционеров»³. Наиболее пространно этот тезис развивает Е. Поллак. На страницах своей книги «Кронштадтское восстание» он неоднократно под-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 25.

² Deutscher I. The prophet armed, p. 511.

³ См.: Katkov G. Op. cit., p. 36—37; Voline V. M. Op. cit., p. 44; Daniels R. V. The Kronstadt revolt of 1921, p. 248.

черкивает, что генерал Козловский, перешедший на сторону мятежников, был «старым, хилым, больным человеком, без последователей и влияния»¹. Какова же на самом деле роль белогвардейских элементов в кронштадтском мятеже? Следует сразу отметить, что ни В. И. Ленин, ни советские историки — исследователи кронштадтского мятежа не утверждали, что белогвардейские элементы были главными его руководителями.

На X съезде РКП(б) В. И. Ленин лишь указывал, что восстание выявило нам «знакомую фигуру белогвардейских генералов»². Позднее В. И. Ленин характеризовал кронштадтские события как колебания мелкобуржуазной стихии³. Однако это, по его мнению, не означало, что белогвардейские элементы вовсе не принимали никакого участия в мятеже. В апреле 1921 года В. И. Ленин писал, что «белогвардейские военспецы в Кронштадте, ряд спечов, а не один Козловский, разрабатывают план десанта в Ораниенбаум» для активизации вооруженной борьбы против Советской власти, «план, испугавший колеблющуюся меньшевистско-эсеровски-беспартийную массу»⁴.

Советскими авторами давно установлено, что бывшие офицеры А. Н. Козловский, А. С. Бурксер, В. Ширмановский, П. Красняков и другие принимали самое активное участие в подготовке к перевыборам Кронштадтского Совета с целью устранения из него коммунистов. Они вошли в возглавлявшийся генералом А. Н. Козловским, капитаном Е. Н. Соловьевым и подполковником Б. А. Арканниковым штаб внешней и внутренней обороны, который разрабатывал планы обороны города и крепости и принимал меры по их реализации. Офицеры настаивали, в частности, на активных наступательных действиях против советских войск в направлении Ораниенбаума. Почти все заседания «ревкома» проходили при участии белогвардейских военспецов, которые по тактическим соображениям формально не входили в состав «временного революционного комитета», дабы показать, что этот орган является истинно народным⁵.

¹ Rollack E. Op. cit., p. 18, 27, 67.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 23.

³ См. там же, с. 237.

⁴ Там же, с. 238.

⁵ См. подробнее: Пухов А. С. Кронштадт во власти врагов революции. — «Красная летопись», 1931, № 1 (40), с. 23—26, 36—38, 41; Семанов С. Н. Указ. соч., с. 105—106.

Не соглашаясь с анализом кронштадтских событий, содержащимся в работах советских авторов, которые характеризуют мятеж как проявление недовольства мелкобуржуазных слоев населения, в первую очередь крестьянства, и по существу отрицая участие в них белогвардейских элементов, некоторые буржуазные историки выдвинули новую, на этот раз «пролетарскую» и даже «коммунистическую» версию движущих сил мятежа.

Еще в 1950 году реакционный английский историк И. Дейчер писал, что в кронштадтском мятеже приняли участие «разочарованные большевики и небольшевики»¹. С тех пор этот тезис в различных вариантах регулярно повторяется в «сочинениях» буржуазных авторов. По мнению Дж. Лоуренса, «кронштадтское восстание было последним эффективным требованием пролетарской демократии»². Е. Поллак считает даже, что «восставшие были местными коммунистами»³. Еще дальше идет Е. Лайонс, утверждающий, что инициаторами мятежа выступили не больше и не меньше, как сам Кронштадтский Совет и кронштадтская организация РКП(б)⁴.

Однако наибольшее развитие данная версия получила в работах Р. Дэниела, который, в частности, пишет: «Кронштадт был движением разочарованных революционеров, охваченных тем же самым недовольством, что и ультралевые коммунисты, которые внешне должны были соблюдать партийную лояльность и дисциплину»⁵. Под ультралевыми коммунистами Р. Дэниелс понимает прежде всего представителей так называемой «рабочей оппозиции»⁶. В поддержку своего тезиса Р. Дэниелс, как и некоторые другие буржуазные авторы⁷, приводит достаточно известный факт выступления на стороне мятежников отщепенцев — Я. Ильина, Ф. Первушкина и А. Кабанова, организовавших «временное бюро Кронштадтской организации РКП». Кроме того, некоторые

¹ Deutscher I. Soviet trade unions. Their place in Soviet labour policy. London — New York, 1950, p. 53.

² Lawrence J. Op. cit., p. 268.

³ Pollack E. Op. cit., p. V.

⁴ См.: Lyons E. Fifty years of Soviet communism: a balance sheet. New York, 1967, p. 42.

⁵ Daniels R. V. The conscience of the revolution, p. 143.

⁶ Ibid, p. 138.

⁷ См.: Pollack E. Op. cit., p. 30—31.

буржуазные историки пытаются возвести и самих мятежников в ранг внутрипартийной оппозиции в рядах РКП(б) ¹.

Утверждения, что антисоветское выступление в Кронштадте опиралось на серьезную или массовую поддержку коммунистов либо даже было разновидностью внутрипартийной оппозиции в РКП(б), представляют собой явное искажение исторических событий. Стоящие на такой точке зрения буржуазные ученые игнорируют факт, что те немногочисленные «разочарованные революционеры», которые проявили колебания в период кронштадтских событий, были в основном молодыми членами партии, принятymi в ее ряды буквально на кануне мятежа. К началу мятежа от 80 до 90% членов партии города и флота составляли лица, вступившие в нее в течение партийной недели осенью 1919 года ².

В работах западных авторов нередко обходится молчанием и серьезное ослабление политической работы среди членов партии, вызванное тем, что руководство политического управления Балтийского флота и командование Балтфлота поддерживали платформу Троцкого во время дискуссии о профсоюзах и распространяли троцкистские взгляды. Это обстоятельство оказалось отрицательное влияние на партийные организации города и воинских частей, снизило их политическую активность во время кронштадтских событий.

Лицо так называемого «временного бюро Кронштадтской организации РКП», создание которого используется как довод в пользу «коммунистической» версии движения, определяли прежде всего недавние выходцы из среды буржуазной или мещанской интеллигенции. Появление этого органа стало возможным только после ареста всех видных руководителей кронштадтской организации РКП(б) и ухода наиболее активной части коммунистов из города. Этот орган был использован контрреволюционным «ревкомом» для дезориентации беспартийной массы и части молодых коммунистов,

¹ Так, например, американский автор Р. Макнейл видит отличие между кронштадтскими мятежниками, «рабочей оппозицией» и «децистами» только в тактике (мириые или вооруженные способы борьбы против партии), «поднимая» тем самым первых до уровня оппозиционной группы в РКП(б) (McNeal R. The Bolshevik tradition. New York, 1963, p. 61).

² См.: Семанов С. Н. Указ. соч., с. 66, 72.

оставшихся в Кронштадте. Степень его влияния была невелика¹.

Число членов РКП(б), в той или иной форме оказавших поддержку мятежникам, никак не дает оснований для вывода о массовом разочаровании коммунистов в политике партии и о переходе на платформу, выработанную руководителями мятежа. Данные о перерегистрации членов Кронштадтской организации РКП(б), проведенной непосредственно после событий, свидетельствуют о том, что большинство членов организации остались верными делу партии и не поддержали контрреволюционеров. Из 1116 членов Кронштадтской организации РКП(б) были вновь утверждены в рядах партии 734 человека, а исключено из партии за участие в мятеже в той или иной степени, за пассивность, неисполнение обязанностей всего 211 человек², то есть менее 19% состава организации.

Значительная часть коммунистов Кронштадта (из состава ВЧК, Ревтрибунала, партийной школы и ряда других организаций) в ночь на 3 марта с оружием в руках ушла по льду в Ораниенбаум и затем приняла участие в борьбе с мятежниками³. Многие наиболее активные коммунисты Кронштадта (около 150 человек) были арестованы в ночь со 2 на 3 марта и заключены в трюмы «Петропавловска», превращенного в плавучую тюрьму. Более 300 арестованных партийцев были брошены в кронштадтскую следственную тюрьму. Коммунисты, оставшиеся на свободе, включились в подпольную работу. Согласно материалам перерегистрации Кронштадтской организации РКП(б) 135 коммунистов в течение всего периода мятежа вели подпольную работу среди рядовых моряков, устанавливали связь с действующими против мятежников частями Красной Армии, подавали световые сигналы, сообщали в Петроград ряд

¹ См.: Кузьмин М. Кронштадтский мятеж. М., 1941, с. 47—48, 62; Пухов А. С. Кронштадт во власти врагов революции, с. 73—74.

² См.: Сборник материалов Петроградского комитета РКП, вып. 3. Пг., 1921, с. 32.

³ См.: Громов В. Во время мятежа. (Из воспоминаний участника кронштадтских событий 1921 года).—В кн.: 1917—1922 годы в Кронштадте. Кронштадт, 1922, с. 48—52; Кронштадтский мятеж. Сб. статей, воспоминаний и документов. Под ред. Н. Коринтова. Л., 1931, с. 31; Семаинов С. Н. Указ. соч., с. 86.

ценных сведений о положении в лагере мятежников¹.

Подпольная работа коммунистов встревожила даже «ревком», который 13 марта издал специальный приказ о расправе без суда и следствия при обнаружении попыток давать световые сигналы частям Красной Армии. 16 марта «ревком» вынес постановление расстрелять 23 человека из числа наиболее активных и ответственных членов партии, находящихся под стражей².

Советологи замалчивают и скрывают главное, что характеризовало отношение РКП(б) в целом к этому контрреволюционному выступлению. Партия и рабочий класс решительно выступили с осуждением мятежа. В сочинениях буржуазных историков ни слова не говорится о том, что, опираясь на поддержку петроградских рабочих, трудящихся всей страны, партия организовала решительный и быстрый отпор мятежникам. Созданный в Петрограде постановлением Совета Труда и Обороны комитет обороны города не испытывал недостатка в желающих отправиться на Кронштадтский фронт. Рабочие Петрограда быстро поняли сущность кронштадтских событий и с гневом отвернулись от крикунов, демагогов и провокаторов из партий меньшевиков и эсеров, агитировавших в пользу мятежников.

Петроградская партийная организация действовала быстро и инициативно. В течение нескольких дней город был превращен в вооруженный лагерь. К 4 марта 1921 года в части Всевобуча было призвано 1376 коммунистов и 572 комсомольца, в отряд профсоюзов вступило 400 человек. Петроградский губком партии провел специальную мобилизацию на Кронштадтский фронт 554 коммунистов, владеющих оружием. Из коммунистов, комсомольцев и профсоюзных активистов были сформированы боевые отряды, которые находились на казарменном положении. Они охраняли военные и промышленные объекты, патрулировали улицы, участвовали в подавлении контрреволюционных элементов³.

Собравшийся вскоре X съезд РКП(б) выразил уверенность, что пролетариат Петрограда будет «образцом

¹ См.: Жаковщиков К. Разгром кронштадтского контрреволюционного мятежа в 1921 г. Л., 1941, с. 48—49; Пухов А. С. Кронштадт во власти врагов революции, с. 75—77.

² См.: Пухов А. С. Кронштадт во власти врагов революции, с. 76, 79.

³ См.: Очерки истории Ленинградской организации КПСС, ч. II, с. 167—168; Трифонов И., Сувениров О. Указ. соч., с. 90.

революционной выдержки, трудовой дисциплины, величайшей преданности делу пролетарской революции и незыблемой опорой власти Советов¹. Так же реагировала на кронштадтский мятеж и вся партия, весь рабочий класс страны. В Петроград для участия в подавлении мятежа добровольно и по мобилизации прибывали коммунисты, посланные Новгородским, Московским, Тверским, Петрозаводским, Псковским, Череповецким, Иваново-Вознесенским, Владимирским, Смоленским, Вологодским, Нижегородским, Рязанским, Тульским, Калужским, Ярославским и другими губернскими комитетами партии². Так выразили свое отношение к мятежу все коммунисты и пролетариат Советской России. Эти факты убедительно показывают истинную цену фальсификаторских измышлений советологов, их «коммунистической» или «пролетарской» версии происхождения и движущих сил кронштадтского мятежа.

Большинство буржуазных историков пытаются представить кронштадтский мятеж как чисто стихийное движение, лишенное какой-либо организационной подготовки. По мнению некоторых из них, в частности Р. Дэниелса, даже после ареста 2 марта 1921 года нескольких видных коммунистов на собрании делегатов частей и кораблей еще отнюдь не было ясно, что движение было восстанием против Советской власти³. Это подчеркивает и Е. Поллак, утверждающий, что «конференция 2 марта не имела помыслов о восстании» и конфликт возник только вследствие того, что «делегаты не могли больше надеяться достигнуть понимания с коммунистическими представителями»⁴. Буржуазные авторы по существу отрицают и всякую подготовку мятежа до 2 марта со стороны его будущих «вождей». Однако, как показывают исследования советских историков, еще 28 февраля на «Петропавловске» состоялось собрание команд линейных кораблей, фактически ставшее сходкой всех мятежных элементов из различных частей крепости. Собрание вели руководители мятежа С. Петриченко и П. Перепеликин. На нем обсуждалась резолюция, которая легла в основу принятого утром

¹ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет, с. 618.

² См.: Трифонов И., Сувениров О. Указ. соч., с. 92; Семанов С. Н. Указ. соч., с. 162.

³ См.: Daniels R. V. The Kronstadt revolt of 1921, p. 246.

⁴ Pollack E. Op. cit., p. 24—25.

1 марта 1921 года на новом собрании на «Петропавловске» программного документа мятежников. В 2 часа дня 1 марта на Якорной площади состоялся общий митинг моряков и гарнизона крепости, которому была предложена выработанная заранее «программа» мятежа. Этот митинг был организован руководителями мятежа, разославшими телефонограммы по частям и кораблям Петроградской морской базы с предложением принять в нем участие¹.

Следовательно, началом мятежа вполне обоснованно нужно считать 28 февраля 1921 года. Он отнюдь не был стихийной реакцией на выступления председателя Кронштадтского Совета П. Д. Васильева и комиссара Балтфлота Н. Н. Кузьмина в Доме просвещения 2 марта, когда власть захватил «ревком» во главе с С. Петриченко. Мятеж был заранее подготовлен и, по существу, находился к этому времени уже в самом разгаре.

Попытки ряда зарубежных историков обосновать тезис о «стихийности» и отсутствии всякой подготовки мятежа совершенно неубедительны, а методы, какими они при этом пользуются, выглядят более чем сомнительными. Так, Дж. Катков отвергает подлинность телефонограммы за подписью одного из руководителей мятежа — Яковенко, направленной вечером 1 марта 1921 года во все части Балтийского флота и крепости, в которой говорилось, что в Кронштадте «партия коммунистов удалена от власти и управляет Временный революционный комитет». Эта телефонограмма была обнаружена в архиве советским историком А. С. Пуховым, который не только приводит ее полностью, но и указывает, в какое время она была получена в фортах, частях и на кораблях². Подлинность телефонограммы ставится Катковым под сомнение лишь на том основании, что она не приведена в каких-либо документах, опубликованных на Западе, и не упомянута каким-либо «автором из числа восставших»³. Похоже, что такие факты, как создание временного революционного коми-

¹ См.: Пухов А. С. Кронштадт во власти врагов революции, с. 9—10, 32; Жаковщиков К. Указ. соч., с. 42; Семанов С. Н. Указ. соч., с. 80—82.

² См.: Пухов А. С. Кронштадт во власти врагов революции, с. 16—17, 32.

³ Катков Г. Op. cit., p. 28—29.

тета на «Петропавловске» в его первоначальном составе уже 1 марта и рассылка упомянутой телефонограммы игнорируются Дж. Катковым только потому, что они начисто опровергают «концепцию» об отсутствии всякой организационной подготовки мятежа и его чисто «стихийном» характере.

Новые данные по вопросу о характере кронштадтского мятежа, не укладывающиеся в принятую советологами схему, приводит в своей работе «Кронштадт 1921» П. Аврих. Выявленные им документы фактически вынуждают автора признать заблаговременную подготовку этого антисоветского выступления. В частности, в его книге использован документ из русского архива Колумбийского университета, относящийся к январю — началу февраля 1921 года, то есть к тому времени, когда мятеж еще не начался. Это — «Докладная записка по вопросу об организации восстания в Кронштадте» под грифом «совершенно секретно». В ней намечается детальный план на случай замышляемого восстания в Кронштадте и указывается, что оно должно начаться весной 1921 года. По мнению П. Авриха, автором документа является профессор Г. Ф. Цейдлер, бывший директор Петроградского Красного Креста, находившийся на положении эмигранта в Выборге и тесно связанный с антисоветским эмигрантским Национальным центром со штаб-квартирой в Париже, которому он, между прочим, посыпал донесения о продовольственном положении Кронштадта и Петрограда.

Приведя ряд других сведений о внимательном наблюдении Национального центра за событиями в Кронштадте в первые недели 1921 года, автор, хотя и не может со всей уверенностью утверждать, что мятежники в начале марта осуществляли именно этот план и отмечает отсутствие данных о связи Национального центра с мятежниками в это время, тем не менее вынужден признать вероятность предварительной подготовки мятежа еще до начала самих событий в Кронштадте¹.

Если даже отвлечься от этого документа, который толкуется самим П. Аврихом в значительной мере предположительно, собранных советскими историками материалов о действиях мятежников 28 февраля — 1 марта 1921 года достаточно для того, чтобы констатировать наличие целенаправленной подготовки выступле-

¹ См.: Avrich P. Op. cit., p. 105—112.

ния. Поспешность же в организации мятежа объяснялась, по всей вероятности, стремлением использовать благоприятную обстановку, возникшую в связи с «волынками» на предприятиях Петрограда в феврале 1921 года, вызванными продовольственными трудностями и эсера-меньшевистской агитацией.

Большинство буржуазных историков явно тенденциозно рассматривают и вопрос о подавлении кронштадтского мятежа. Опираясь на свою оценку кронштадтского мятежа как выступления «разочарованных революционеров», Р. Дэннелс бездоказательно утверждает, что Советское правительство не могло рассчитывать на рядовых коммунистов вследствие их ненадежности. Поэтому, по его словам, оно вынуждено было использовать при ликвидации мятежа главным образом чекистов, курсантов и делегатов X съезда РКП(б)¹. Е. Поллак также считает, что мятеж подавляли «толпа чекистов, курсанты, соединения слушателей военных академий и специально организованные подразделения коммунистов»². Им вторит Волин, который пишет, что мятеж подавляла «элита коммунистических войск» и даже... отряды «китайцев и башкир»³.

В работах названных авторов, как и в одной из статей П. Е. Нэвелла⁴ об этих событиях, нет даже упоминания о том, что моряки и красноармейцы кронштадтских фортов «Краснофлотский» и «Передовой» не только не поддержали мятежников, но и выступили против них. В резолюции, единодушно принятой частями гарнизона форта «Краснофлотский», говорилось, что гарнизон по пути, «по которому пошли кронштадтские матросы, не пойдет»⁵. Столь же безрезультатными были попытки мятежников склонить на свою сторону гарнизон Оранienбаума и некоторые другие военные части, расположенные вблизи Кронштадта⁶.

Как же в действительности происходило подавление кронштадтского мятежа? Прежде всего следует отметить, что главную роль в ликвидации кронштадтского мятежа сыграли не «чекисты» и «курсанты», а регуляр-

¹ Daniels R. V. The Kronstadt revolt of 1921, p. 248; I dem. The conscience of the revolution, p. 145.

² Pollack E. Op. cit., p. 37—39.

³ Voline V. M. Op. cit., p. 62, 64.

⁴ Newell P. E. Op. cit.

⁵ См.: Арсеньев М. Форт Краснофлотский. Л., 1926, с. 74.

⁶ См.: Семанов С. Н. Указ. соч., с. 88—89, 95—100.

ные части Красной Армии, в частности южная группа войск, наступавших на Кронштадт, которая, по существу, решила исход сражения. Эта группа состояла из реорганизованной 7-й армии Западного фронта под командованием М. Н. Тухачевского в составе 32-й, 167-й, 187-й бригад; 27-й Омской дивизии в составе 79-й, 80-й бригад и кавалерийского полка¹. Именно эти части первыми ворвались в город и обеспечили быструю ликвидацию мятежа².

Что же касается утверждений советологов о «ненадежности» рядовых коммунистов, которых якобы нельзя было использовать в боях с мятежниками, то они также противоречат подлинным историческим фактам. Накануне решающего штурма Кронштадта в части 7-й армии влилось 2758 коммунистов, прибывших по партийной мобилизации, и добровольцев³. Кроме того, массовую мобилизацию провел ЦК комсомола, направивший своих членов на фронт. Участие сотен коммунистов сцементировало части Красной Армии, повысило их политико-моральное состояние. Ряды атакующих усилились и за счет членов профсоюзов — рядовых рабочих Петрограда. Перед решающей схваткой за Кронштадт партийно-комсомольская прослойка в частях 7-й армии составляла в среднем 15—30%, а в отдельных подразделениях даже 60—70%. Это был едва ли не самый высокий показатель численности рядовых коммунистов и комсомольцев в личном составе боевых частей Красной Армии за весь период гражданской войны. Если учесть, что общее количество бойцов 7-й армии составляло, по подсчетам А. С. Пухова, 24 тыс. человек⁴, а количество делегатов X съезда, посланных на фронт, — всего 279, то станет очевидным, что именно рядовые, «ненадежные», по мнению советологов, коммунисты и составляли костяк вооруженных сил, участвовавших в ликвидации контрреволюционного кронштадтского мятежа.

¹ См.: Ворошилов К. Е. Из истории подавления кронштадтского мятежа. — «Военно-исторический журнал», 1961, № 3, с. 23.

² Подробнее о ликвидации кронштадтского мятежа см.: Трифонов И., Сувениров О. Указ. соч., с. 88—94; см. также: Воспоминания бывшего комиссара 27-й Омской дивизии В. А. Петрова. — ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 3093, л. 10, 12.

³ См.: Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Л., 1968, с. 89.

⁴ См.: Пухов А. С. Кронштадтский мятеж 1921 г. Л., 1931, с. 150.

Для современной буржуазной историографии кронштадтского мятежа является весьма характерным стремление либо совершенно обходить вопрос об отношении правительства империалистических государств к этим событиям, либо толковать его весьма односторонне. Например, Л. Шапиро ограничивается утверждением, что из-за границы никакого инспирирования восстания не было. Е. Поллак спешит сообщить читателю, что мятежники отказались от услуг, предложенных заграничными эсерами во главе с В. Черновым. Волин даже упрекает Советское правительство за... «дружбу с империалистами» (имеются в виду договоры РСФСР с Англией, Польшей и другими государствами, заключенные в 1921 году) и ставит ему в пример кронштадцев, которые, дескать, «не изменяли пролетарским принципам»¹.

На самом деле позицию правящих кругов империалистических государств и русской контрреволюционной эмиграции в связи с событиями в Кронштадте никоим образом нельзя трактовать как нейтральную или не имеющую никакого отношения к мятежу.

Хотя великие державы Запада в этот период не оказывали прямой помощи кронштадтским мятежникам, это отнюдь не означает, что события в Советской России не играли никакой роли в их политических расчётах. Достаточно, например, отметить, что из-за кронштадтского мятежа было отложено с февраля до мая 1921 года подписание торгово-политического соглашения между Советской Россией и Германией. Правительство Германии пошло на заключение договора, только убедившись в бесплодности делать ставку на эту «третью революцию»².

Не менее примечательна и позиция английского правительства в связи с кронштадтским мятежом. В телеграмме британскому посланнику в Гельсингфорсе, направленной министром иностранных дел лордом Керзоном в марте 1921 года, сообщалось, что «правительство его величества не намерено само оказывать любым способом помощи революционерам». Это не означает, добавлял Керзон, что следует рекомендовать придержи-

¹ Schapiro L. The origin of the communist autocracy, p. 296; Pollack E. Op. cit., p. 35, 72, 74; Voline V. M. Op. cit., p. 55, 70—71.

² Hilger G., Meyer A. The incompatible allies. A memoir history of German-Soviet relations 1918—1941. New York, 1953, p. 66.

ваться той же политики и правительству Финляндии или предостерегать его от оказания помощи кронштадтцам через частные общества и частных лиц¹. Намек достаточно ясен.

В результате правительство Финляндии предоставило на своей территории полную возможность эсеровской заграничной эмиграции начать сосредоточение средств и продовольствия для помощи кронштадтским мятежникам.

При посредничестве чехословацкого министерства иностранных дел и посольств Чехословакии в Вашингтоне и Париже была развернута бурная деятельность по сбору денежных средств, подготовке крупной партии продовольствия для переброски его в Кронштадт, а также по получению необходимых виз для отправки эсеровских агентов в пограничные с Советской Россией страны². Мятеж вызвал ликование эмигрантских организаций всех политических направлений, развернувших активную пропагандистскую кампанию в западной печати и сбор средств в поддержку этого антисоветского выступления³.

Помощь эсеровских и других эмигрантских заграничных организаций при любезном содействии правящих кругов ряда капиталистических государств не достигла адресата не вследствие «принципиальности» кронштадтских мятежников или строгого соблюдения нейтралитета западными державами, а только потому, что мятеж был ликвидирован в предельно короткий срок.

Таким образом, и для многих общих работ буржуазных авторов, сколько-нибудь подробно затрагивающих историю кронштадтского мятежа 1921 года, и для большинства специальных исследований, прямо посвященных этой теме, характерно крайне тенденциозное, а зачастую и попросту искаженное толкование этих событий.

¹ Documents of British foreign policy 1919—1939. First series. Vol. XI, London, 1961, p. 742.

² См.: Работа эсеров за границей. По материалам Парижского архива эсеров. М., 1922, с. 14, 22—23, 62—63.

³ Подробнее см.: Семанов С. Н. Указ. соч., с. 130—132.

Глава III

БОРЬБА ПАРТИИ С ОППОЗИЦИЕЙ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К МИРНОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ В ТРАКТОВКЕ СОВЕТОЛОГОВ

1. СОВЕТОЛОГИ О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АНТИПАРТИЙНЫХ ФРАКЦИОННЫХ ГРУППИРОВОК

В последнее время заметно возрос интерес зарубежных буржуазных авторов к истории борьбы партии с различными оппозиционными течениями. Если в прошлом эти вопросы затрагивались лишь в общих работах по истории КПСС, то с начала 60-х годов на Западе стали появляться специальные «исследования» по данной теме¹. При этом многие советологи всячески восхваляют оппозиционные группировки в РКП(б), пытаясь представить их истинными выразителями идей Октября и характеризуя их борьбу против генеральной линии партии как «самокритику коммунизма».

Эта тенденция современной советологии имеет отчетливо выраженную антикоммунистическую направленность. Идеологи буржуазии хорошо понимают, что все успехи нашей страны в строительстве социализма связаны с руководящей и направляющей ролью КПСС, единство и сплоченность которой обеспечивает неуклонное экономическое и социально-политическое развитие советского общества по пути к коммунизму. Именно поэтому деятельность партии, направленная на обеспечение единства своих рядов в целях повышения ее руководящей роли, подвергается ими планомерному и преднамеренному искажению. Вопрос о руководящей роли сильной и сплоченной партии рабочего класса в революционной борьбе трудящихся против буржуазии, а затем и в создании нового общественного строя является

¹ См.: Daniels R. V. The conscience of the revolution. Cambridge (Mass.), 1965; Gaucher R. Opposition in the USSR, 1917—1967. New York, 1969.

главным в марксистско-ленинском учении о партии нового типа.

Необходимость руководства со стороны партии пролетариата революционным преобразованием капиталистического общества в социалистическое обосновали К. Маркс и Ф. Энгельс. Дальнейшая всесторонняя разработка этой проблемы принадлежит В. И. Ленину, который определил место и роль партии в системе диктатуры пролетариата, ее задачи в строительстве социализма. Повышение руководящей роли марксистско-ленинской партии — это закономерный, единый процесс, развивающийся в ходе ее исторической революционно-преобразующей деятельности. После завоевания пролетариатом государственной власти Коммунистическая партия превратилась в правящую партию. Ее руководство распостранилось на все сферы общественной жизни — экономическую, политическую, идеологическую. Возрастание руководящей роли партии в период строительства социализма обусловлено рядом объективных факторов: сложностью задач созидания нового общества, новизной и размахом революционных преобразований, необходимостью мобилизовать на их осуществление всех трудящихся, обеспечить руководство ими со стороны рабочего класса. Все это может успешно претворить в жизнь только марксистско-ленинская партия.

Следует также иметь в виду, что в условиях диктатуры пролетариата классовая борьба не прекращается, а продолжается в новых формах. Поэтому только укрепление руководящей роли партии в обществе способно обеспечить победу как над контрреволюционными силами, которые открыто стремятся к реставрации капитализма, так и над оппортунистическими элементами, которые, маскируя свои истинные цели демагогическими лозунгами «демократизации партии», выступают против партийной дисциплины, за свободу действий фракционных группировок. Касаясь вопроса о борьбе за построение социализма в период диктатуры пролетариата, в условиях преобладания мелкобуржуазных слоев населения, В. И. Ленин писал: «Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 27.

Опираясь на опыт революционного движения, обобщая деятельность партии в новых исторических условиях, В. И. Ленин сформулировал важнейшие выводы о руководящей роли партии в строительстве социализма и коммунизма. Он неоднократно подчеркивал, что РКП(б) «должна была взять на себя и непосредственное осуществление задач диктатуры пролетариата со времени Октябрьской революции»¹.

История со всей убедительностью подтвердила несостоятельность и вредность попыток различных фракционных оппозиционных группировок навязать партии точку зрения, согласно которой после завоевания пролетариатом государственной власти его партия должна стать лишь одной из «социалистических сил» наряду с профсоюзами и культурно-просветительными организациями и не может претендовать на руководящую роль².

Борясь с такими оппортунистическими взглядами, В. И. Ленин еще и еще раз подчеркивал: «Весь наш опыт показывает, что это дело слишком серьезное, и потому признание главенствующей роли партии должно быть у нас в виду, и мы не можем упускать этого при обсуждении вопроса о деятельности, об организационном строительстве»³.

В период строительства социализма в нашей стране со всей силой подтвердились правильность ленинского учения о руководящей роли партии в созидании нового общественного строя, принципиальная важность укрепления ее единства и сплоченности.

«Вся героическая история советского народа, — говорится в постановлении ЦК КПСС „О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции“, — его боевые и трудовые победы, его выдающиеся свершения неразрывно связаны с деятельностью Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы нашего общества». Одним из главных условий того, что «партия оказалась на высоте великих задач эпохи», отмечается далее в постановлении, является то, что «она отстояла свой генеральный курс и последовательно провела его в жизнь в принципиальной борьбе с троцкизмом,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 140.

² См.: Ленинские организационные принципы и вопросы партийного строительства на современном этапе. М., 1971, с. 47.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 402.

правым и „левым“ оппортунизмом, национал-уклонистами, обеспечила ленинское единство партийных рядов»¹.

Весь пройденный КПСС исторический путь показывает, что именно главенствующая роль партии обеспечила претворение в жизнь ее планов построения социализма в СССР. Под руководством КПСС наша страна за два десятилетия после Октябрьской революции превратилась в могучую индустриально-аграрную державу, добилась выдающихся успехов в развитии экономики, образования, науки и культуры. Осуществлению руководящей роли партии в строительстве социализма способствовали постоянная деятельность ленинского ЦК, направленная на обеспечение сплоченности ее рядов, решительные выступления против оппортунистов и фракционеров различного толка, пытавшихся подорвать монолитность и единство партии, ослабить ее позиции в сложнейших условиях созидания нового общества. Именно поэтому борьба партии с антиленинскими фракционными группировками стала объектом особого «внимания» советологов, использующих в целях апологии оппозиции любые средства для извращения причин и обстоятельств этой борьбы.

Большинство буржуазных историков в соответствии с присущими им идеалистическими взглядами на развитие общества объявляют главной причиной внутрипартийной борьбы личные расхождения между отдельными лидерами партии, ведущими борьбу за власть².

Правда, в работах некоторых авторов эта в значительной степени общая для буржуазной историографии «концепция» соседствует с попытками выявить также и «общественные» факторы внутрипартийной борьбы.

В качестве примера можно указать на крайне примитивную версию, предложенную американским советологом С. Плоссом. В книге «Конфликт и принятие решения в Советской России» он приписывает большевистской партии в качестве ее главной черты некие неизбежные внутренние противоречия³. Конкретизируя выдви-

¹ О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М., 1977, с. 13—14.

² См., например: Fainsod M. How Russia is ruled. Cambridge (Mass.), 1963, p. 134—135.

³ Ploss S. Conflict and decision-making in Soviet Russia. Princeton, 1965, p. 283.

нутый им «тезис», С. Плосс одним из противоречий, порождающих оппозиции, считает «политическую дифференциацию членов Коммунистической партии по профессиональным признакам». Поэтому, полагает автор, в партии и выделяются различные группы — военных, советских, профсоюзных, партийных деятелей, а следовательно, возникают все разногласия и фракционные группировки¹.

Подобная точка зрения легко опровергается хотя бы тем фактом, что партийные, хозяйственные, профсоюзные, военные работники имелись среди сторонников всех платформ, обсуждавшихся в ходе дискуссии о профсоюзах.

Другие советологи выдвигают хотя и не столь примитивные, но не менее надуманные версии. Например, Дэниелс сложную диалектику развития коммунистического движения в России подменяет упрощенной схемой, сводя всю историю РКП(б), особенно 20-х годов, к борьбе двух течений: ленинского и антиленинского, представленного так называемыми «левыми». При этом Дэниелс именно «левых» считает «чистыми» выразителями программы и идеалов революции, а ленинцев изображает носителями «революционного pragmatism», озабоченными якобы прежде всего практическими нуждами завоевания и осуществления власти.

Согласно этой схеме ленинцы оказались... «правым» крылом в партии и их победа над «левыми» означала «триумф реализма над программными идеалами»². Причины победы ленинской линии объясняются Дэниелсом чисто субъективными факторами. Следуя логике придуманной им схемы, он делает вывод, будто после Октябрьской революции в России сложилась ситуация, не соответствующая учению К. Маркса, и осуществление программных идеалов оказалось невозможным, в силу чего у носителей этих идеалов — «левых» — возникли разногласия с «правыми». Последние же, отказавшись ввиду pragmatism от социалистических идеалов, одолели «левых», которые продолжали исповедовать эти идеалы и на рубеже 1920—1921 годов перешли на положение оппозиции. Чтобы его схема не показалась слишком грубой, Дэниелс вносит в предлагаемое им деление

¹ Ploss S. Interest groups. — In: Prospects for Soviet society. New York, 1968, p. 79.

² См.: Daniels R. V. Op. cit., p. 4—5.

основных течений внутреннюю градацию. Среди «левых» он различает «ультралевых», к которым относит «рабочую оппозицию», «децистов», и «умеренных левых», т. е. троцкистов. На несколько групп он делит и «правое» крыло в партии¹.

Нелепость и откровенный антикоммунизм схемы Р. Дэниелса станут совершенно очевидными, если внимательнее присмотреться к «составным частям», из которых она складывается. Измышления автора о так называемых «левых», которые якобы выступали за осуществление программных положений партии, не выдерживают никакой критики. О каких идеалах революции применительно к платформам «рабочей оппозиции», троцкистов или «децистов» может идти речь, если эти фракционеры выступали против коренных положений программы большевистской партии — ее руководящей роли в строительстве социализма, планового руководства со стороны Советского государства народным хозяйством страны, необходимости тесного союза рабочего класса и крестьянства в целях укрепления диктатуры пролетариата, всемерного использования энергии, инициативы, творчества трудящихся как условия их сознательного участия в строительстве нового общества? О каком несоответствии ситуации, сложившейся после победы Октябрьской революции в Советской России, учению К. Маркса можно говорить, если главное в этом учении — ниспровержение господства буржуазии и установление диктатуры пролетариата, осуществление последним своей исторической миссии: революционного преобразования капиталистического общества в социалистическое стало определяющим фактором социально-экономической жизни страны?

Дальнейшее развитие процесса перехода от капитализма к социализму в условиях диктатуры пролетариата, которое привело к построению социализма, осуществлению всех программных положений большевистской партии, наглядно продемонстрировало, что именно ленинское руководство отражало в полной мере идеалы Октября, а оппортунистические фракционные группировки были тормозом на пути продвижения к социализму.

Измышления Р. Дэниелса и его схема в целом представляют собой откровенную попытку дать искаженное

¹ См.: Daniels R. V. Op. cit., p. 7—8.

истолкование проблемы борьбы партии с антиленинскими фракционными группировками в период перехода к мирному социалистическому строительству.

Нетрудно заметить также, что в основе рассуждений Дэниелса о происхождении оппозиционных течений в РКП(б) лежат широко распространенные в буржуазной историографии измышления о том, будто партия переродилась, а ленинизм представляет собой отход от марксизма, который мыслится как эволюционный социализм каутскианского толка.

Подобной же точки зрения о происхождении оппозиционных течений в РКП(б) придерживается другой американский историк, А. Улам. И он исходит из фальшивого тезиса о «трансформации» марксизма, партии и взглядов самого В. И. Ленина. Всю историю партии он изображает как «игру противоречивых элементов марксизма: революционного (анархизма) и централизующего», которая якобы завершилась на X съезде РКП(б) полной утратой первого и победой второго¹. В свете этих домыслов борьба В. И. Ленина с различного рода оппозиционными течениями в партии искается до неузнаваемости. В процессе этой борьбы, утверждает Улам, В. И. Ленин преодолевал свои же «старые анархические» взгляды².

Мало чем отличается от двух предыдущих версия английского историка Л. Шапиро.

В основе этой версии лежат те же измышления об «отходе» В. И. Ленина-политика от теории марксизма ради решения практических задач на крутых поворотах истории, например при переходе к нэпу. Из-за выдуманных автором «частых мутаций» ленинской политики, сопровождавшихся якобы изменениями теории по практическим соображениям, и возникали оппозиции и фракции в партии³.

Другой американский советолог, Б. Вольф, выдвигает «теорию» полного разрыва ленинизма с марксизмом путем неких «последовательных эрозий». Ленинизм автор объявляет чисто русским явлением, базирующимся исключительно на национальной традиции. Завершающим этапом последней «эрозии» Вольф счи-

¹ См.: Ulam A. The new face of Soviet totalitarianism. Cambridge (Mass.), 1963, p. 31.

² Ulam A. Lenin and the Bolsheviks. London, 1966, p. 471.

См.: Shapir L. The origin of the communist autocracy. London, 1965, p. 349.

тает X съезд РКП(б), приведший, по его словам, «к уничтожению всяких оппозиционных группировок и к унификации всех партийных членов»¹.

Таким образом, извращая причины внутрипартийной борьбы в РКП(б), буржуазные авторы направляют свои усилия прежде всего на то, чтобы дискредитировать ленинизм как научную теорию, которой постоянно руководствуется партия во всей своей практической деятельности. С этой целью пускаются в ход заимствованные у ревизионистов всех мастей, в том числе у троцкистов, приемы фальсификации ленинизма, которые не раз уже разоблачались марксистско-ленинскими партиями. Особенно отчетливо в писаниях реакционных буржуазных историков проступает троцкистско-меньшевистский тезис о национальной ограниченности ленинизма, о его противоположности марксизму.

Давно теоретически и практически доказано существование марксизма-ленинизма как единого учения. Будучи научным выражением идеологии пролетариата, марксизм-ленинизм неделим, как неделимы интересы класса, во имя которого живут и борются коммунистические партии во всем мире.

Ленинизм — это не интерпретация марксизма, а сам марксизм, вечно живой, развивающийся. Он является продолжением и развитием марксизма в новых исторических условиях, когда капитализм перерос в стадию империализма и когда начался процесс его революционного ниспровержения, переход человечества к социализму. «Сегодня мы с полным основанием говорим об учении Ленина теми же словами, какими он сам охарактеризовал марксизм: это учение всесильно потому, что верно... — заявили в Обращении «О 100-летии со дня рождения Владимира Ильича Ленина» участники международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве в июне 1969 года. — Марксистско-ленинская теория, ее творческое применение в конкретных условиях позволяют вырабатывать научные ответы на вопросы, встающие перед всеми отрядами мирового революционного движения, где бы они ни действовали»².

¹ См.: The USSR after 50 years: promise and reality. Ed. by S. Hendel and R. L. Braham. New York, 1967, p. 134—138.

² Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г., М., 1969, с. 45.

Во всей своей теоретической и практической деятельности В. И. Ленин всецело опирался на выводы К. Маркса и Ф. Энгельса. Новое, чем обогатил В. И. Ленин революционную теорию, — это конкретизация и дальнейшее развитие их идей в иных исторических условиях. В. И. Ленин продолжил анализ капиталистического способа производства, данный в «Капитале» К. Маркса, и раскрыл закономерности экономического и политического развития в период империализма. Творческий дух ленинизма нашел свое выражение в созданной В. И. Лениным теории социалистической революции. Он доказал, что в новых условиях социализм может победить первоначально в одной или нескольких странах. В. И. Ленин разработал стройное и целостное учение о партии пролетариата как руководящей и организующей силе, без которой невозможно завоевание диктатуры пролетариата и построение коммунистического общества. Он стал главой и организатором первого в мире пролетарского государства, воплотив на практике идеи марксизма о завоевании рабочим классом политической власти. Развивая идеи основоположников марксизма, В. И. Ленин разработал конкретную программу социалистического строительства в СССР, осуществляя которую наш народ под руководством Коммунистической партии построил развитое социалистическое общество. Отступниками от творческого марксизма, ревизионистами были именно противники ленинизма. Выступая против В. И. Ленина и партии, они не защищали «чистоту» марксистской теории, как это пытаются доказать буржуазные «интерпретаторы» истории КПСС, а отходили от марксистских позиций. Борьба В. И. Ленина и партии против врагов ленинизма означала вместе с тем принципиальную защиту марксизма от его оппортунистических извращений.

Общую для ряда буржуазных историков «концепцию» противоположности марксизма и ленинизма применительно к истории борьбы партии с оппозицией в период перехода к мирному социалистическому строительству отстаивает и американский советолог Т. Андерсон, автор книг «Творцы русского марксизма» и «Русская политическая мысль». Однако он пытается подкрепить эту «концепцию» несколько иными «аргументами». Он пишет, например, об отходе В. И. Ленина от «экономического детерминизма» К. Маркса, что-де выразилось

в провозглашении примата политики над экономикой¹. Этот «аргумент» целиком основан на двойной фальсификации. Т. Андерсон сперва извратил суть учения К. Маркса, отождествив его с чуждой марксизму теорией «экономического детерминизма», а затем такому же искажению подверг и ленинское положение о политике как концентрированном выражении экономики², которое учитывает теснейшую диалектическую взаимосвязь политики и экономики, а также их взаимное влияние. Подобная манипуляция потребовалась Андерсону для того, чтобы, приписав В. И. Ленину «экстремистский, догматический волюнтаризм»³, представить его борьбу против «рабочей оппозиции» как ревизию принципов марксизма. Программу «рабочей оппозиции», отвергавшей право партии руководить экономикой страны и требовавшей передать эту функцию профсоюзам, автор безапелляционно считает марксистской.

Тезис о «волюнтаризме», защищаемый Андерсоном, также не является новым. Подобное обвинение предъявляли В. И. Ленину, партии меньшевики, троцкисты и другие оппортунисты. На самом же деле признание В. И. Лениным роли субъективного фактора, особенно пролетарской партии в революционной борьбе, а затем в строительстве социалистического общества, неразрывно связано с диалектико-материалистическим пониманием истории и не только не противоречит учению К. Маркса, а прямо исходит из него. «Марксизм, — писал В. И. Ленин, — отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения веющей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»⁴.

Политика, которую В. И. Ленин отстаивал в период дискуссии о профсоюзах, была направлена на то, чтобы учесть в практической деятельности партии всю сово-

¹ См.: Anderson T. *Russian political thought: an introduction*. Ithaca—New York, 1967, p. 326; *Masters of Russian marxism*. New York, 1963, p. 44.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 278.

³ Anderson T. *Russian political thought*, p. 326.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 23.

купность объективных и субъективных факторов, определявших особенности экономического и политического положения страны после окончания гражданской войны. Противники В. И. Ленина, в том числе «рабочая оппозиция», стояли на авантюристических позициях. Они отказывались от трезвого учета реальных потребностей трудящихся классов и проповедовали действительно волюнтаристскую политику «подхлестывания» объективных процессов, забегания вперед¹.

По сути дела, все рассмотренные версии происхождения фракционных группировок роднят общее стремление их авторов представить оппозицию как законную реакцию на те изменения, которые якобы вносили в свои взгляды В. И. Ленин и его сторонники в результате различных причин — «перерождения», «отхода от марксизма», «приспособления» к обстоятельствам и т. п. Таким фальсификаторским приемом история борьбы партии с оппозицией переворачивается с ног на голову. По мнению буржуазных историков, не оппозиция выступала против линии партии и большинства ЦК по тому или иному вопросу, а В. И. Ленин и его сторонники сами-де своими «неправильными» действиями, идущими «вразрез» с марксизмом, порождали оппозиции, являвшиеся якобы истинными носителями чистоты идеи марксизма.

Конструируя свои фальшивые версии о причинах возникновения оппозиционных течений в РКП(б), буржуазные авторы начисто игнорируют социально-экономические корни этого явления. Между тем именно они имеют решающее значение для уяснения проблемы. В Советском государстве начала 20-х годов мелкобуржуазные слои населения, в особенности крестьянство, численно значительно превосходили рабочий класс. В 1921 году из более чем 134 млн. населения страны на долю индустриальных рабочих приходилось около 1,4 млн., т. е. немногим больше 1%². Кроме того, глубочайшая хозяйственная разруха тех лет оказала влияние и на рабочий класс, усилила его неоднородность, способствовала ослаблению классовой базы дик-

¹ См. об этом, например: Петросян Ц. С. Идейный и организационный разгром «рабочей оппозиции» (1920—1922 гг.). — В кн.: Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. М., 1966, с. 421—453.

² См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 1. М., 1970, с. 8.

татуры пролетариата. Значительно сократилась численность рабочего класса и снизилась степень концентрации его в промышленности: многие кадровые рабочие погибли в ходе гражданской войны, часть рабочих ушла в деревню, деклассировалась, а их место занимали выходцы из других классов.

Глубинные причины роста мелкобуржуазных настроений и как следствие этого возникновение фракционности в партии заключались в наличии противоречий в самом экономическом строе советского общества в переходный период. Существование пяти различных экономических укладов в хозяйственной жизни страны, естественно, не могло не отразиться на социально-политическом развитии советского общества на рубеже 1920—1921 годов. Все это оказало влияние и на партию, которая насчитывала к началу 1921 года более 730 тыс. членов и стала неоднородной по своему социальному составу¹. Многие члены партии не имели еще большевистской закалки. Некоторые из них проявляли неустойчивость под давлением мелкобуржуазной стихии. На появлении в партии различных групп и платформ сказывался и такой фактор, как меньшевистское или полуменьшевистское прошлое ряда деятелей, которые не стали последовательными большевиками и возглавили оппозиционные течения. Известно, что в партию вошла некоторая часть бывших меньшевиков, эсэров, бундовцев, боротьбистов, межрайонцев и т. д. Именно они, хотя и заявили о своем переходе на позиции большевизма, были в первую очередь подвержены мелкобуржуазным колебаниям. Нетрудно понять, почему, как только партии после окончания гражданской войны в сложной экономической и политической обстановке начала 20-х годов нужно было определить политический курс, соответствующий новым условиям, начались шатания среди неустойчивых членов партии, в том числе и отдельных руководящих работников.

В. И. Ленин, говоря о возникновении синдикалистского и анархистского уклона, писал: «Указанный уклон вызван отчасти вступлением в ряды партии бывших меньшевиков, а равно не вполне еще усвоивших коммунистическое мировоззрение рабочих и крестьян, главным же образом уклон этот вызван воздействием на

¹ См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 1, с. 50.

пролетариат и на РКП мелкобуржуазной стихии, которая исключительно сильна в нашей стране и которая неизбежно порождает колебания в сторону анархизма, особенно в моменты, когда положение масс резко ухудшилось вследствие неурожая и крайне разорительных последствий войны и когда демобилизация миллионной армии выбрасывает сотни и сотни тысяч крестьян и рабочих, не могущих сразу найти правильных источников средств к жизни¹.

Таковы были истинные причины возникновения оппозиционных течений в РКП(б). Однако буржуазные историки их полностью игнорируют. При кажущемся разнообразии их точек зрения все они сводятся к открытой или завуалированной апологии оппозиционных течений в партии. С таких же позиций современная буржуазная историография оценивает и дискуссию о профсоюзах.

2. АПОЛОГИЯ ВЗГЛЯДОВ „РАБОЧЕЙ ОППОЗИЦИИ“ И ТРОЦКИЗМА ПО ВОПРОСУ О ПРОФСОЮЗАХ

Вопрос о роли профсоюзов в советском обществе приобрел особое значение в период перехода к мирному социалистическому строительству. Этот вопрос определял отношение к трудящимся массам, способы их вовлечения в социалистическое строительство, методы руководства массами со стороны партии, советских и хозяйственных органов.

Ряд буржуазных авторов признает принципиальную важность дискуссии о профсоюзах 1920—1921 годов, отмечает, что в ходе дискуссии были поставлены основные проблемы будущего Советского государства и его отношений с профсоюзами². Вместе с тем западные историки и в данном случае целиком исходят из своих надуманных схем о происхождении и сущности различных течений в РКП(б), о которых уже говорилось выше. Они изображают борьбу В. И. Ленина и его сторонников против анархо-синдикализма «рабочей оппозиции», троцкизма с его «программой завинчивания гаек» как выступление воинствующих «прагматистов» против «защитников» идеалов партии — «левых» и «ультраправых»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 93.

² См.: Deutscher I. Soviet trade unions. London—New York, 1950, p. 52; Daniels R. V. Op. cit., p. 119.

³ См.: Daniels R. V. Op. cit., p. 121, 129, 132—135, 140.

На самом же деле борьба ленинцев против фракционеров была борьбой за правильный подход к массам, а оппозиционные группировки продемонстрировали отход от линии партии в этом коренном вопросе. В. И. Ленин писал, что главным пунктом разногласий с Троцким по вопросу о профсоюзах является расхождение в «методах подхода к массе, овладения массой, связи с массой»¹.

В своих попытках поставить под сомнение эту по-длинную причину возникновения остройшей дискуссии между ленинским большинством партии и фракционерами по вопросу о роли и задачах профсоюзов в условиях перехода к мирному социалистическому строительству советологи прибегают к различным приемам.

Л. Шапиро, например, попросту отрицает принципиальные мотивы разногласий, объясняя последние только борьбой за власть, «за контроль над партийным аппаратом». По его мнению, В. И. Ленин вообще якобы не принимал в дискуссии большого участия, но не сумел ограничить ее, и она приняла форму «личного конфликта и нападок»². Вопреки этим домыслам расхождения между партией и фракционерами по вопросу о роли и задачах профсоюзов имели принципиальный характер. В. И. Ленин не только принял самое активное участие в развернувшейся дискуссии, но еще до ее возникновения совершенно определенно выступил против позиции Троцкого. Ленинский подход к вопросу о задачах профсоюзов в связи с переходом к мирному строительству с самого начала имел целью повысить их активность в политической и экономической жизни советского общества, способствовать их развитию на демократической основе. В «Заметках об очередных задачах партии», написанных В. И. Лениным в октябре 1920 года после победы над Брангелем в качестве предварительной платформы для предстоящего в 1921 году съезда партии, одним из главных вопросов значилось «развитие самодеятельности 7 миллионов членов профсоюзов»³. Первая же попытка Троцкого, который представил на ноябрьском (1920 г.) Пленуме ЦК РКП(б) свой «черновой набросок тезисов», добиться принятия партией его идеи «перетряхивания» профсоюзов вызвала

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 206.

² Schapiro L. The origin of the communist autocracy, p. 261, 269, 271, 276, 280, 282, 287—289, 290, 315.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 368.

решительное возражение В. И. Ленина. Проект Троцкого был отклонен, и Пленум принял с некоторыми поправками предложенные В. И. Лениным тезисы «Задачи профессиональных союзов и методы их осуществления», где указывалось на необходимость максимальной самодеятельности профсоюзов, их энергичной и планомерной борьбы против бюрократизма, самодурства, казенщины¹.

Сознавая политическую опасность позиции Троцкого, В. И. Ленин и ЦК партии стремились разрешить возникшие разногласия путем их обсуждения в специальной профсоюзной комиссии ЦК, куда вошли пять человек, включая и Троцкого. В. И. Ленин ясно представлял, какой вред в сложной обстановке конца 1920 года может нанести общепартийная дискуссия. Троцкий же, стремясь углубить разногласия, сорвал рассмотрение этого вопроса в ЦК, требовал разрешить ему поставить вопрос о профсоюзах в партийной печати, а затем отказался от участия в работе комиссии и тем самым грубо нарушил партийную дисциплину.

Под влиянием фракционной деятельности Троцкого активизировались и другие антипартийные группировки — «децисты» и «рабочая оппозиция». Благодаря поддержке «буферной группы» Бухарина на декабрьском (1920 г.) Пленуме ЦК Троцкому удалось провести свою резолюцию, против которой опять-таки решительно выступили В. И. Ленин и ряд других членов ЦК². В этих условиях 24 декабря 1920 года Пленум ЦК принял решение открыть общепартийную дискуссию по вопросам порядка дня X съезда РКП(б). «Разногласия внутри Цека заставили обратиться к партии»³, — так объяснил В. И. Ленин характер постановления Пленума. С этого момента Троцкий начал открытую борьбу против линии партии по вопросу о профсоюзах, а В. И. Ленин включился в дискуссию и принял самое активное участие в полемике с Троцким и другими фракционерами.

Общеизвестно, какую огромную роль в разоблачении различных оппозиционных группировок сыграли ленинские труды и деятельность в период дискуссии. 30 декабря 1920 года В. И. Ленин выступил перед коммунистами — делегатами VIII съезда Советов. Вскоре эта

¹ См.: Дмитренко С. Л. Борьба КПСС за единство своих рядов. Октябрь 1917—1937. М., 1976, с. 98.

² См. там же, с. 98—99.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 42, с. 302.

речь вышла отдельным изданием под названием «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого». В тот же период были опубликованы ленинские брошюры «Кризис партии» и «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина». 23 и 24 января 1921 года Ленин сделал доклад и произнес заключительное слово на заседании коммунистической фракции II Всероссийского съезда горнорабочих; 24 февраля того же года он выступил с речью на собрании партийного актива в Москве. Внимательное ознакомление с текстом всех этих документов убеждает в глубоко принципиальном характере позиции В. И. Ленина по вопросу о роли и задачах профсоюзов, в активном участии руководителя партии и Советского государства в дискуссии. Попытка Л. Шапиро приписать В. И. Ленину роль некоего стороннего наблюдателя, пытавшегося лишь умерить личную неприязнь между участниками дискуссии, целиком основана на домыслах.

Столь же бездоказательны утверждения Л. Шапиро, разделяемые и другим реакционным американским историком — А. Уламом¹, о том, будто в основе дискуссии лежали борьба за власть, личные моменты, стремление справиться с инакомыслящими и т. п., — словом, любые мотивы, кроме тех принципиальных расхождений, которые на самом деле привели к дискуссии. Эти утверждения никак не согласуются с историческими фактами, говорящими об идеино-теоретической основе разногласий, разделявших В. И. Ленина и его сторонников, с одной стороны, и оппозиционеров — с другой.

Партия и до дискуссии не раз осуждала взгляды, подобные установкам «рабочей оппозиции». Еще во время национализации промышленности и транспорта партии пришлось преодолевать анархо-синдикалистские устремления отдельных коллективов, профсоюзов. Например, когда ЦК профсоюза работников водного транспорта выдвинул требование сосредоточить управление водным транспортом в руках профсоюза², В. И. Ленин, выступая 4 марта 1918 года на заседании Совнаркома, указал, что подобные требования «ничего общего с социализмом не имеют. Задача социализма — переход всех

¹ См.: Ulam A. Lenin and the Bolsheviks, p. 466, 472.

² См.: Берхин И. Б. Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М., 1970, с. 58.

средств производства в собственность всего народа, а вовсе не в том, чтобы суда перешли к судовым рабочим, банки к банковским служащим¹. В мае того же года В. И. Ленин подверг резкой критике проект «Положения об управлении национализированными предприятиями», разработанный на заседании секции организации производства I Всероссийского съезда совнархозов. В проекте нашла отражение идея «левых коммунистов» о неправомерности подчинения всех предприятий данной отрасли всероссийскому центру², которую В. И. Ленин оценил как «областнический анархо-синдикализм»³.

Таким образом, в 1920—1921 годах В. И. Ленин и партия продолжали отстаивать ту же принципиальную марксистскую точку зрения по вопросу о роли профсоюзов, которую они защищали и в 1918 году. Попытки же Л. Шапиро, А. Улама и других западных авторов придать ленинской критике анархо-синдикализма «рабочей оппозиции» конъюнктурный характер и вообще отодвинуть спор с ней по существу вопроса на второй план не имеют ничего общего с исторической правдой.

Несостоятельность подобных попыток настолько очевидна, что даже некоторые буржуазные историки вынуждены признать принципиальный характер расхождений между ленинцами и сторонниками оппозиционных платформ. Так, американский исследователь П. Аврих отмечает, что взгляды «рабочей оппозиции» действительно носили анархо-синдикалистский характер и на формирование ее платформы повлияли идеи одного из видных представителей анархо-синдикалистского течения в России Г. П. Герасимова. В книге «Русские анархисты» П. Аврих показывает обоснованность беспокойства В. И. Ленина в связи с появлением анархо-синдикалистских взглядов и настроений у группы профсоюзных работников и во многом именно с этой точки зрения характеризует сущность борьбы партии с «рабочей оппозицией». Но это, разумеется, отнюдь не мешает Авриху развивать в своей книге обычные для буржуазной историографии версии, сводящие борьбу партии с оппозицией к борьбе за удержание власти в руках небольшой «партийной элиты»⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 411.

² См.: Берхин И. Б. Указ. соч., с. 85.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 392.

⁴ Avrich P. The Russian anarchists. Princeton, 1967, p. 101.

Что касается содержания дискуссии о профсоюзах, то здесь лейтмотивом современной буржуазной историографии является всяческое восхваление оппозиционных платформ, особенно «рабочей оппозиции» и «децистов», как якобы защищавших истинные идеалы Октябрьской революции. Оно и неудивительно, если учесть, что в платформе «децистов» содержались особенно яростные атаки на руководящую роль партии, прикрываемые демагогическими заявлениями о ее «диктатуре» и «зажиме демократии». Эти голословные выпады оппозиционеров охотно повторяют реакционные представители буржуазной историографии, которые не брезгуют никакими средствами, пытаясь опорочить партию, дискредитировать ее политику, поставить под сомнение ее руководящую роль в жизни советского общества как в 20-е годы, так и в наши дни. Особенно большое сочувствие нападки фракционеров на партию вызывают у современных апологетов оппозиции — западных советологов.

Так, И. Дейчер утверждает, что в возникшем конфликте между «пролетарской диктатурой и пролетарской демократией „рабочая оппозиция“ была глашатаем народного недовольства» и ее выступление «представляло собой восстание внутри профсоюзов против диктата партии и экономической администрации»¹.

С целью затушевать мелкобуржуазный и анархосиндикалистский характер «рабочей оппозиции» и представить ее выразительницей интересов рабочего класса, буржуазные советологи фальсифицируют данные о социальном составе ее участников и сторонников. Л. Шапиро, например, пытается убедить читателя, будто «рабочая оппозиция» и «децисты» были истинно пролетарскими группировками и большинство их сторонников являлись промышленными рабочими².

Эти попытки не выдерживают критики. Оппозионеры присвоили своей группе название «рабочая» исключительно в демагогических целях. С его помощью они пытались замаскировать действительное классовое содержание их платформы и привлечь рабочих на свою сторону. Истинный, мелкобуржуазный характер этой оппозиции показал В. И. Ленин. В заключительном слове на X съезде РКП(б) он говорил, что «„рабочая оппо-

¹ Deutscher I. Op. cit., p. 53.

² См.: Shapiro L. The origin of the communist autocracy, p. 221—222, 285; Idem. The communist party of the Soviet Union. New ed., rev. and enl. New York, 1970, p. 200.

зация", которая укрывается за пролетарской спиной, и есть мелкобуржуазная, анархическая стихия¹. Эту ленинскую характеристику не могли в свое время опровергнуть даже сами руководители «рабочей оппозиции». Тем более бессилен это сделать Л. Шапиро.

Расследование, проведенное комиссией, которую избрал XI съезд РКП(б), показало, что многие активные участники оппозиции, называвшие себя кадровыми рабочими, старыми коммунистами и т. п., никогда таковыми не были². Ем. Ярославский опровергает утверждение, будто «рабочая оппозиция» — это «прежде всего, пролетарии, связанные со станком или шахтой». В «рабочую оппозицию» входило немало людей, которые никогда не были связаны с промышленным производством. Большинство участников группировки составляли люди, которые уже давно утратили всякую связь с фабрично-заводскими рабочими³.

Чувствуя шаткость доводов в пользу «пролетарского» характера «рабочей оппозиции», некоторые буржуазные авторы выдвигают другую версию. Так, А. Улам заявляет, что «голос „рабочей оппозиции“», хотя она состояла из рабочих и интеллигентов, был в действительности голосом крестьянской России⁴. Это утверждение столь же необоснованно и выдает эклектизм позиции его автора: ведь как раз «рабочая оппозиция» в своих нападках на партию обвиняла ее в крестьянском уклоне, заявляя, будто нэп — это отступление на крестьянские позиции, измена пролетариату.

Кстати, и большинство западных историков «критикует» «рабочую оппозицию» именно за то, что ее представители безучастно относились к крестьянской массе. При этом буржуазные авторы опять-таки не могут свести концов с концами: жуя «рабочую оппозицию» за пренебрежение интересами крестьян, даже за поддержку «враждебности городского пролетариата» по отношению к ним, эти новоявленные защитники крестьянства изображают его то якобы угнетенным, то процветающим по сравнению с рабочим классом⁵.

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 43, с. 40.

² См.: Рабочая оппозиция. Материалы и документы. М.—Л., 1926, с. 18—20.

³ См.: Ярославский Ем. Рабочая оппозиция. Рабочая группа. Рабочая правда. М.—Л., 1927, с. 17.

⁴ Ulam A. The new face of Soviet totalitarianism, p. 32.

⁵ См.: Schapiro L. The origin of the communist autocracy, p. 294.

В своей апологии «рабочей оппозиции» многие буржуазные советологи стремятся не только затушевать принципиальную разницу между ее платформой и программой партии, принятой VIII съездом РКП(б) в 1919 году, но и объявить их чуть ли не идентичными. Особенно большое «сходство» они находят между § 5 экономической части партийной программы и основным пунктом платформы «рабочей оппозиции» о передаче управления народным хозяйством профсоюзам — Всероссийскому съезду производителей. Р. Дэниелс, например, голословно утверждая, будто «синдикалистские фразы» перекочевали в платформу «рабочей оппозиции» из «ранних партийных документов, особенно программы 1919 года», пытается создать впечатление, будто бы оппозиция отражала «идеалы партии и пролетарский дух революции», а ленинская организационная и экономическая политика являлась ниспровержением первоначальных целей революции¹.

Л. Шапиро фактически выражает ту же точку зрения, только более осторожно. Он пишет, что взгляды «рабочей оппозиции» «не казались» слишком отличными от программы 1919 года².

Поскольку позиция Р. Дэниелса и Л. Шапиро является преобладающей в современной буржуазной историографии, остановимся на ней подробнее.

В. И. Ленин еще в период дискуссии о профсоюзах сопоставил оба документа, о которых идет речь. В § 5 экономической части Программы РКП(б) говорится, что профсоюзы «должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым»³. Здесь речь идет о будущем, которое еще должно наступить, о бесклассовом коммунистическом обществе, которое имели в виду К. Маркс и Ф. Энгельс, когда говорили об обществе, где исчезнут всякие классовые различия между людьми, где уже не будет рабочих и крестьян, а останутся только производители-работники.

Платформа же «рабочей оппозиции» требовала немедленно, то есть в условиях 1920—1921 годов, передать управление народным хозяйством непосредственно про-

¹ См.: Daniels R. Op. cit., p. 129, 133.

² См.: Schapiro L. The origin of the communist autocracy, p. 319.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е, т. 2. М., 1970, с. 51.

изводителям, полностью отстранив от этого социалистическое государство. «Рабочая оппозиция» выступала за то, чтобы фабриками и заводами управляли так называемые рабочие комитеты, избираемые коллективами предприятий, а всем народным хозяйством в целом — Всероссийский съезд производителей. В понятие «производители» «рабочая оппозиция» включала всех людей, имеющих отношение к сфере производства и распределения материальных благ, независимо от их социального положения. Сюда были отнесены рабочие и служащие государственной социалистической промышленности, мелкобуржуазные элементы, кустари, ремесленники.

Критикуя платформу «рабочей оппозиции», В. И. Ленин указывал, что ее авторы в понятии «производитель» объединяют «пролетария с полупролетарием и с мелким товаропроизводителем, отступая, таким образом, коренным образом от основного понятия классовой борьбы и от основного требования точно различать классы»¹. При глубочайшей разрухе в промышленности, при деклассировании части рабочего класса, в условиях преобладания в экономике мелкотоварного крестьянского хозяйства это вело к растворению рабочего класса в мелкобуржуазной стихии. Предоставление права лишь самим коллективам «производителей» управлять предприятиями означало создание вместо единого и целостного социалистического хозяйства системы конкурирующих между собой кооперативов, которые неизбежно захлестнула бы стихия рынка.

Программа партии 1919 года предусматривала, что профсоюзы обеспечивают неразрывную связь между центральным государственным управлением народным хозяйством и широкими массами трудящихся, вовлечение этих масс «в непосредственную работу по ведению хозяйства»². Иначе говоря, профсоюзы должны выступать как посредник между широкими массами трудящихся и государством в лице его экономических ведомств. Платформа же «рабочей оппозиции» отстраняла от управления экономикой все государственные органы — ВЧНХ и наркоматы — и подменяла их Всероссийским съездом производителей. Группа «рабочей оппозиции» хотела по частям передать весь аппарат ВЧНХ

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 94.

² КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 51.

соответствующим профсоюзам; она противопоставляла профсоюзы Советскому государству и партии, что, конечно, никак не соответствовало Программе РКП(б).

Попытки западных буржуазных авторов, особенно Р. Дэниелса и Л. Шапиро, отождествить платформу «рабочей оппозиции» с Программой партии 1919 года являются насилием над историческими фактами и предследуют не имеющую ничего общего с наукой цель представить лидеров «рабочей оппозиции» истинными защитниками партийной программы, а В. И. Ленина и ленинское большинство партии — ее нарушителями.

Другим распространенным тезисом современной буржуазной историографии является утверждение о широкой поддержке платформы «рабочей оппозиции» массой рядовых членов партии. С той или иной степенью категоричности этот тезис развивают А. Улам¹, Л. Шапиро², Р. Дэниелс. Последний, правда, проявляет некоторую осторожность ввиду полного отсутствия каких-либо подтверждающих подобную точку зрения источников. Однако даже это не может его обескуражить. Р. Дэниелс продолжает утверждать: реальная поддержка «рабочей оппозиции» среди рядовых членов партии — фабричных рабочих «неоспоримо возросла, даже усилилась», хотя, продолжает он, это «очень трудно подтвердить», поскольку «рабочая оппозиция» вообще «оставалась скромно документированным делом»³.

Р. Дэниелс не останавливается перед различными измышлениями относительно характера голосования во время дискуссии о профсоюзах и причин поражения оппозиции. В частности, говоря о результатах голосования в Петроградской, Тульской и некоторых других губернских партийных организациях, где успех ленинцев был особенно внушительным, автор рассуждает по принципу: чем больше голосов, тем... сомнительнее победа, ссылаясь на пресловутое «давление партийной машины» и «открытую баллотировку»⁴. Здесь автор впадает в явное противоречие с логикой. Ведь правила голосования были всюду одни и те же, однако в разных партийных организациях оппозиционеры собрали неодинаковое число голосов.

¹ См.: Ulam A. Lenin and the bolsheviks, p. 470.

² См.: Schapiro L. The origin of the communist autocracy, p. 291.

³ Daniels R. Op. cit., p. 127.

⁴ Ibid, p. 142.

Рассмотрение вопроса об отношении партийных организаций к платформе «рабочей оппозиции» на основе подлинных исторических фактов полностью опровергает рассуждения советологов. 3 января 1921 года на общегородском дискуссионном собрании представителей районных партийных организаций Петрограда было принято «Обращение к партии», которое 6 января получило одобрение четырехтысячного собрания коммунистов города и 13 января было опубликовано в «Правде». Петроградские коммунисты активно (свыше 95%) проголосовали за ленинский «Проект постановления X съезда РКП(б) о роли и задачах профсоюзов», известный под названием «платформа десяти»¹, и призвали все партийные организации поддержать на предстоящем съезде ленинскую позицию по вопросу о роли и задачах профсоюзов. Один этот факт является убедительным доказательством фальсификаторского характера измышлений советологов о «давлении партийной машины», «манипуляциях престижем лидера» и т. п. Общегородское собрание высказалось за то, чтобы проводить выборы делегатов на съезд «по платформам», т. е. пропорционально числу голосов, которые в данной организации собирает та или иная платформа.

Такой подход выявил действительное соотношение сил в партии — число сторонников ее ленинского большинства и количество лиц, поддерживающих оппозиционные платформы. Уже голосование петроградских коммунистов свидетельствовало о полном провале «рабочей оппозиции», за платформу которой в Петрограде было подано всего 2 голоса. Троцкистско-бухаринская платформа собрала 1291 голос², а ленинская платформа получила свыше 29 тыс. голосов. Итоги голосования продемонстрировали истинную степень «поддержки» платформы «рабочей оппозиции» в Петроградской партийной организации. Голосование отражало реальную позицию рядовых коммунистов, которым никто не мешал голосовать в соответствии с их собственными убеждениями.

В. И. Ленин, касаясь этого события в жизни Петроградской партийной организации, характеризовал его

¹ См.: Очерки истории Ленинградской организации КПСС, ч. II. Л., 1968, с. 159.

² См.: Иванов В. М. Борьба партии против антиленинских течений и групп в период строительства социализма (1921—1929 гг.). Л., 1973, с. 23.

как пример активного участия коммунистов в решении острейших общепартийных вопросов без всякой подсказки «сверху». «Переход от борьбы фракций, образуемых сверху, к вмешательству организаций снизу. Большой шаг вперед к оздоровлению»¹ — так оценил В. И. Ленин выступление питерцев.

За ленинскую платформу и против платформы «рабочей оппозиции» высказались коммунисты Иваново-Вознесенской, Нижегородской, Ярославской, Челябинской, Пермской, Уфимской, Воронежской, Волго-Вятской, Рязанской, Брянской, Краснодарской и других партийных организаций Российской Федерации, а также коммунисты Белоруссии, Азербайджана, Украины, Туркестана². В Тульской же партийной организации, на которую ссылается Дэниелс, так же как и в Тамбовской и Иваново-Вознесенской, события развертывались как раз вопреки его схеме. Губкомы этих организаций высказались за троцкистскую платформу, а рядовая масса коммунистов повсеместно голосовала за ленинскую платформу. «Рабочая оппозиция» и там получила меньшинство голосов³.

Исторические факты об отношении партии к фракционным платформам Троцкого — Бухарина, а также «рабочей оппозиции» не только не подкрепляют утверждений советологов о симпатиях, которыми якобы пользовались антипартийные группировки со стороны рядовых членов РКП(б), а, напротив, решительно и безоговорочно их опровергают. Специальное исследование вопроса об итогах голосования в ходе профсоюзной дискуссии, предпринятое советским историком С. Л. Дмитренко, наглядно показало, что линию партии в ходе дискуссии поддержало подавляющее большинство ее членов. Сокрушительное поражение антипартийные группировки потерпели и в Москве, которую Дэниелс называет «крепостью оппозиционеров». Из 69 выявленных автором решений, принятых партийными организациями Москвы и Московской губернии с 23 января по 18 февраля 1921 года, 64 одобрили «платформу десяти» и

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 42, с. 239.

² См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 1, с. 28—30; Каинев С. Как партия преодолела анархо-синдикалистский уклон. М., 1958, с. 14—17; Кузин В. Борьба Коммунистической партии с анархо-синдикалистским уклоном. М., 1958, с. 39—41.

³ См.: Иванов В. М. Указ. соч., с 27.

только 5 — оппозиционные платформы (4 — Троцкого и 1 — «рабочей оппозиции»). По данным 62 московских партийных организаций, в ходе дискуссии за ленинскую платформу голосовало 8546 человек, или 83,7% всех участников собраний, за оппозиционные — 1598 человек (15,6%), в том числе за платформу «рабочей оппозиции» — всего 415 человек (4%).

Сведения по партии в целом дают ту же впечатляющую картину полной победы ленинской «платформы десяти» и поражения оппозиционных платформ, весьма незначительной поддержки «рабочей оппозиции» рядовыми членами партии. Изученные С. Л. Дмитренко результаты голосования на республиканских съездах, краевых, областных, губернских и армейских партийных конференциях показывают, что все они (кроме двух — Николаевской и Тульской, не принявших никакой платформы) поддержали ленинскую платформу. Результаты голосования на 46 партийных конференциях показали, что за платформу «рабочей оппозиции» высказался всего 461 делегат (7,8%)¹.

Из всех губернских партийных организаций сторонникам «рабочей оппозиции» удалось добиться преимущества лишь в Самарской. Здесь они составляли большинство в губкоме РКП(б) и путем недопустимых нарушений внутрипартийной демократии помешали самарским коммунистам высказать свое подлинное мнение по дискуссионным вопросам. После X съезда РКП(б) самарские коммунисты с помощью ЦК разоблачили местную группировку, руководимую сторонником «рабочей оппозиции» секретарем губкома Милоновым, и единодушно поддержали ленинскую точку зрения². В целом в партии «рабочая оппозиция» пользовалась ничтожной поддержкой, в то время как ленинская «платформа десяти» получила более 80% голосов участников дискуссионных собраний³.

Таким образом, ни о какой широкой поддержке платформы «рабочей оппозиции» рядовыми членами партии не может быть и речи. Этот «тезис» буржуазных историков не выдерживает проверки историческими фактами. Его фальшь настолько очевидна, что от него

¹ См.: Дмитренко С. Л. Указ. соч., с. 117—118.

² См.: Иванов В. М. Указ. соч., с. 28.

³ См.: Дмитренко С. Л. Указ. соч., с. 118.

вынуждены отказаться даже некоторые западные авторы¹.

Одним из основных объектов фальсификаторских усилий современной буржуазной историографии является позиция, которую занимал по вопросу о профсоюзах Троцкий, причем эта позиция вопреки исторической правде изображается близкой или даже тождественной позиции В. И. Ленина. Например, по утверждению Л. Шапиро, «не было в действительности больших различий между ними по основным положениям»², а Троцкий якобы осуществлял в данном вопросе «официальную политику партии... с полного одобрения ЦК»³.

Сходство взглядов В. И. Ленина и Троцкого, по мнению Л. Шапиро, состояло в том, что оба якобы выступали за введение «строжайшей дисциплины и применение методов принуждения», а разногласия между ними, если и имелись, то всего лишь чисто тактические⁴.

Несколько отличной от позиции Л. Шапиро, хотя и сходной с ней в основном, выглядит версия Р. Дэниелса. Он также навязывает читателю мысль, будто имело место совпадение взглядов В. И. Ленина и Троцкого по вопросу о роли и задачах профсоюзов, причем на основе троцкистских взглядов, которые В. И. Ленин якобы поддерживал, особенно на первой стадии профсоюзной дискуссии⁵. Таким приемом В. И. Ленину и большинству ЦК партии приписывается точка зрения, против которой они в действительности всегда решительно боролись.

По Р. Дэниелсу, В. И. Ленин, разделяя якобы троцкистскую идею «огосударствления» профсоюзов, все же вынужден был отойти от нее, поскольку-де учитывал недовольство некоторых членов ЦК методами деятельности Троцкого в области экономики, и вместо этого выдвинул рассчитанный на «большую популярность» тезис о профсоюзах, как приводных ремнях государственной системы диктатуры пролетариата⁶.

Так под первом буржуазного «интерпретатора» принципиальная разница двух совершенно противоположных мнений по вопросу об отношении партии к широким

¹ См.: Moore B. Soviet politics — the dilemma of power. The role of ideas in social change. Cambridge (Mass.), 1956, p. 20—21.

² Schapiro L. The origin of the communist autocracy, p. 277.

³ Ibid, p. 259—260.

⁴ Ibid, p. 260, 277.

⁵ Daniels R. V. Op cit., p. 123.

⁶ Ibid, p. 123—129.

массам трудящихся в условиях мирного социалистического строительства была сведена к незначительному разногласию по «мелкому пункту теории».

Линия Троцкого, действительно рассчитанная на использование по отношению к профсоюзам методов командования и принуждения, шла вразрез с задачей строительства социализма, ибо препятствовала приведению в действие громадных резервов, таившихся в сознательном участии в этом строительстве широчайших масс трудящихся.

Линия В. И. Ленина и большинства ЦК, напротив, была ориентирована именно на вовлечение масс в социалистическое строительство и поэтому в центр деятельности профсоюзов ставила метод убеждения. В. И. Ленин и его сторонники рассматривали профсоюзы как инструмент воспитания масс, как «школу коммунизма», всемерно пробуждающую творческую энергию народа на строительство нового общества. Выдавать эти коренные разногласия за второстепенные различия, как это делает Р. Дэниелс, значит сознательно извращать существование дискуссии о профсоюзах.

О «сходстве мыслей» В. И. Ленина и Троцкого говорит и американский советолог А. Улам. По его мнению, хотя В. И. Ленин наряду с тезисами «рабочей оппозиции», к которым он «питал отвращение», «денонсировал» также и тезисы Троцкого, последние якобы «были ближе его собственным мыслям»¹.

Несостоятельность утверждений буржуазных историков о тождественности или сходстве позиций В. И. Ленина и Троцкого в период профсоюзной дискуссии становится особенно очевидной при сопоставлении «платформы десяти» и предложений Троцкого, наиболее полно изложенных им во фракционной брошюре-платформе «Роль и задачи профессиональных союзов». Будучи членом ЦК, Троцкий подобрал вне ЦК группу, которая выступила с «коллективным трудом», предлагая предстоящему X съезду РКП(б) выбирать между двумя тенденциями в профессиональном движении. В брошюре отчетливо отразились антимарксистская сущность троцкистских взглядов, авантюристический характер основанной на них политики, которая под прикрытием псевдореволюционных фраз угрожала коренным завоеваниям социалистической революции.

¹ Ulam A. Lenin and the Bolsheviks, p. 470.

Выдвинутая Троцким под предлогом «усиления» производственной роли профсоюзов программа их «огосударствления», т. е. сращивания профсоюзных органов с отраслевыми хозяйственными органами и сосредоточения в их руках всего управления производством, сводилась на деле к требованию ликвидировать профсоюзы как самостоятельные общественные организации, призванные защищать интересы трудящихся и привлекать их к активному участию в строительстве социализма.

Этой ликвидаторской цели соответствовали и средства, предлагавшиеся Троцким для ее достижения: «пепретряхивание» профсоюзных органов, выдвижение к руководству ими людей, способных «закрутить гайки», насаждение во всей работе с массами методов принуждения, голого администрирования и т. д. Троцкистская установка на милитаризацию профсоюзов, то есть внедрение полувоенных методов руководства рабочими — членами профсоюзов, отказ от демократического решения вопросов, входящих в компетенцию профсоюзных организаций, приказной тон во взаимоотношениях с ними, назначение профсоюзных работников всех степеней вместо выборности, объективно вела к расколу между партией и профсоюзами, между авангардом и массами, к подрыву диктатуры пролетариата.

Как известно, В. И. Ленин в ряде своих работ подверг троцкистскую платформу резкой критике. В «Проекте резолюции „Задачи профессиональных союзов и методы их осуществления“»¹, принятом за основу 8 ноября 1920 года Пленумом ЦК, он указывал, что профсоюзы — самая массовая организация рабочего класса — играют крайне важную роль в осуществлении диктатуры пролетариата. Решительно выступая против троцкистского плана «огосударствления» профсоюзов, В. И. Ленин разъяснял, что партия в своей работе опирается на Советы, на профессиональные союзы и другие массовые организации трудящихся. Такое положение нисколько не уменьшает роли профсоюзов. Напротив, возрастает их значение как массовой школы овладения организационными навыками и политического воспитания для самых широких слоев трудящихся, школы коммунизма. Именно ленинское определение профсоюзов

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 9—10.

как школы коммунизма и вызвало особенно резкие нападки троцкистов.

Основными функциями профсоюзов в строительстве социалистического хозяйства В. И. Ленин считал участие в деятельности плановых и хозяйственных органов Советского государства, борьбу за повышение производительности труда и укрепление трудовой дисциплины, заботу о материальных и культурных интересах рабочих, подготовку кадров для государственного и хозяйственного аппарата. Деятельность профсоюзов должна выражаться в широком развертывании рабочей демократии, в борьбе с бюрократизмом и администрированием, в воспитании трудящихся, в развитии их творческой активности. Главным методом работы профсоюзов, по В. И. Ленину, должен быть метод убеждения. Он писал о профсоюзах: «...это не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйствования, школа коммунизма»¹.

Явная абсурдность попыток «отождествить» взгляды В. И. Ленина и Троцкого в период дискуссии о профсоюзах вынуждает некоторых западных историков к поискам иных версий, которые, однако, освещали бы данный вопрос в соответствии с основным направлением буржуазной историографии².

Одну такую довольно распространенную версию развивают А. Бродерсон, И. Дейчер и ряд других авторов. Ее основная идея сводится к тому, чтобы представить ленинскую позицию по вопросу о роли и задачах профсоюзов неким «балансом», средней или компромиссной линией между двумя «экстремистскими» платформами—Троцкого и «рабочей оппозиции». При этом и Бродерсон, и Дейчер пытаются создать у читателя впечатление, будто по существу все и не было борьбы, а имели место лишь «тонкие, неуловимые различия» между платформами. Критика же В. И. Лениным платформ Троцкого и «рабочей оппозиции» якобы отражала толь-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 203.

² Несколько особняком стоит американский профессор Д. Тридголд, признающий, что В. И. Ленин в период дискуссии «не соглашался ни с Троцким, ни с „рабочей оппозицией“» и считал необходимым существование профсоюзов «отдельно от государства» (см.: Treadgold D. Twentieth century Russia. 2nd ed. Chicago, 1964, p. 203—204).

ко его стремление примирить «крайние» позиции, «осторожно сбалансировать все резолюции, имевшие место перед съездом»¹. В этой надуманной схеме нетрудно разглядеть вариацию уже знакомого мотива: во что бы то ни стало свести принципиальные разногласия к тактическим, на место непримиримой борьбы с антипартийными оппозиционными группировками поставить «лавирование», «балансирование», поиск «компромисса» и т. д. Развивая эту идею, Л. Шапиро, И. Дейчер, Р. Дэниелс приходят к совершенно необоснованному выводу о том, что в период дискуссии о профсоюзах и особенно на X съезде РКП(б) «сходство взглядов», «стремление к компромиссу», «балансированию» и т. п. привели не больше и не меньше, как к блоку ленинского большинства ЦК с умеренно-левыми (троцкистами) в целях «насильственной ликвидации критики» со стороны «рабочей оппозиции»².

Эти домыслы не имеют ничего общего с исторической правдой. Роль В. И. Ленина во время дискуссии о профсоюзах состояла не в том, чтобы «сбалансировать» различные фракционные платформы, как пытаются представить буржуазные историки. Громадная заслуга В. И. Ленина заключалась в том, что он вскрыл действительный смысл внутрипартийной борьбы, решительно разоблачил позиции всех фракционных групп, показав, что они явились порождением мелкобуржуазной стихии и по существу направлены против руководящей роли партии в период перехода к мирному социалистическому строительству, против союза рабочего класса и крестьянства, против диктатуры пролетариата.

Что касается рассуждений о мнимом «блоке» ленинцев с троцкистской оппозицией, то и здесь все поставлено советологами с ног на голову.

В действительности блокировка в ходе профсоюзной дискуссии осуществлялась как раз фракционерами, стремившимися собрать все антипартийные силы под одно знамя. Первым шагом на этом пути было фактическое объединение «буферной группы» Бухарина с фракционной группой Троцкого. К «рабочей оппозиции» примыкала антипартийная анархо-синдикалистская

¹ Brodersen A. *The Soviet worker. Labour and government in Soviet society*. New York, 1966, p. 36; Deutscher I. Op. cit., p. 42, 47—48, 50.

² Shapiro L. *The origin of the communist autocracy*, p. 283, 287, 290, 316; Daniels R. V. Op. cit., p. 138, 140.

группа игнатовцев, составленная из работников ряда районов Москвы¹. При голосованиях во время дискуссии сторонники Троцкого и Бухарина, «рабочей оппозиции», игнатовцев и «децистов» нередко объединяли свои усилия. Кроме того, несмотря на формальную самостоятельность, все фракционные платформы фактически выступали единым фронтом, направленным на ослабление руководящей роли Коммунистической партии в системе диктатуры пролетариата².

На X съезде РКП(б) также не было никакого блока троцкистско-бухаринской оппозиции с большинством ЦК по вопросу о профсоюзах. Проект резолюции троцкистов выдвигался в противовес проекту резолюции «десети» и был провален подавляющим большинством голосов делегатов съезда, высказавшихся за принятие ленинской платформы³. При голосовании же резолюций «О единстве партии» и «Об анархо-синдикалистском уклоне» Троцкий и его сторонники, учитывая настроение подавляющего большинства делегатов съезда, решительно выступивших против фракционности, были вынуждены высказаться «за». Однако дальнейшие события показали, что это был лишь маневр и что троцкисты не разделяли ленинских положений о единстве партии. Более того, уже в конце 1923 года Троцкий начал открытую борьбу против этой резолюции как якобы антидемократической. Он и его сторонники добивались отмены решения X съезда РКП(б) «О единстве партии», называли его «изжившим себя», настаивали на проведении перманентных дискуссий в партии, направляя свой удар против проводившегося ленинским ЦК курса на широкое развертывание подлинной внутрипартийной пролетарской демократии⁴.

Таким образом, все рассуждения советологов о «сходстве» взглядов большинства партии с установками троцкистской оппозиции или о блоке между ними являются прямой фальсификацией исторических фактов.

С наибольшей «полнотой» расстановка сил в дискуссии о профсоюзах искажается в книге Р. Дэниелса. Остановимся на ней подробнее.

¹ См.: Дмитренко С. Л. Указ. соч., с. 104—105.

² См. там же, с. 106—108, 116.

³ См.: Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М., 1963, с. 399.

⁴ См.: Иванов В. М. Указ. соч., с. 46—47.

Р. Дэниелс оценивает ситуацию в стране и в партии, сложившуюся к моменту дискуссии, исходя из своей схемы революционного процесса, о которой уже шла речь. Естественно, что при такой «методологической» базе он сознательно не замечает объективные тенденции, действительно характеризовавшие реальную обстановку того периода.

По Дэниелсу, оказывается, что продолжать осуществление идеалов социалистической революции в том виде, в каком раньше, в 1917 году, их разделяла вся партия, хотели не ленинцы, а прежде всего «ультралевые» из «рабочей оппозиции»¹. К той же цели — немедленному переходу к социализму, но «намного более реалистическими методами» — стремились, по Дэниелсу, и «умеренно-левые», т. е. троцкисты. Ленинцам же, для того чтобы сохранить власть, ничего-де не оставалось, как отказаться от курса на социализм и объявить стратегическое отступление².

Подлинная цель всех этих произвольных построений Дэниелса вырисовывается довольно отчетливо. Во-первых, автор стремится изобразить расстановку сил в период дискуссии о профсоюзах таким образом, чтобы ленинское большинство выглядело крайне «правым» крылом партии, «рабочая оппозиция» — крайне «левым», а троцкисты — центром, между двумя «экстремистскими» крайностями. Во-вторых, он хочет представить подлинными выразителями интересов и целей рабочего класса, настоящими сторонниками социализма оппозиционеров, а не ленинское большинство партии, которое якобы перестало выражать эти интересы и цели. Наконец, в-третьих, он пытается создать у читателя впечатление о якобы полном «перерождении» ленинизма к концу 1920 — началу 1921 года.

Таким образом, практическое приложение Дэниелсом его схемы революционного процесса в России и «концепции» происхождения оппозиционных течений в РКП(б) к истории дискуссии о профсоюзах обернулось прямой фальсификацией исторических событий, откровенной апологией оппозиционных течений и беззастенчивым извращением позиции В. И. Ленина и его сторонников.

В ходе этой дискуссии, вопреки писаниям Дэниелса,

¹ См.: Daniels R. V. Op. cit., p. 134—135.

² Ibid., p. 135—136.

расстановка сил, цели и стремления различных течений в партии выглядели совершенно по-иному: «Рабочая оппозиция» отнюдь не следовала идеалам партии, связанным с целями построения социализма. Она отражала мелкобуржуазные и синдикалистские взгляды, осуществление которых привело бы к дезорганизации экономики, утрате влияния партии и государства на ее развитие, к провалу любых планов создания фундамента социализма в стране. Ее фракционная деятельность в партии, кроме того, фактически подрывала единство и монолитность рядов РКП(б), которые были столь необходимы в сложных условиях перехода от войны к миру, когда внутренняя и международная контрреволюция все свои надежды на реставрацию капитализма в Советской России связывала именно с раскольнической деятельностью оппозиционеров внутри партии.

Платформа Троцкого и его сторонников отнюдь не была «умеренно-левым» течением или «центром» и также не соответствовала линии партии. Вопрос о профсоюзах был для этой фракционной группы лишь предлогом для нападок на партию с целью захвата руководства в РКП(б). В предложениях Троцкого таилась опасность раскола рабочего класса, его восстановления против партии, что угрожало всей системе диктатуры пролетариата. Взгляды этой оппозиционной группы в вопросе о профсоюзах вовсе не были направлены на переход к социализму «реалистическими методами», как об этом пишет тот же Дэнислс. Они основывались на пресловутой «теории перманентной революции», отрицавшей возможность построения социализма в нашей стране без победы пролетарской революции в международном масштабе. Троцкисты считали, что в интересах «подталкивания» мировой революции следует превратить страну в военный лагерь, милитаризовать ее, резко ограничить демократию, держать в узде много-миллионное крестьянство, которое якобы является враждебной социализму силой. Не построение социализма в одной стране, а внешнеполитические авантюры, ослабление диктатуры пролетариата, разрыв союза рабочего класса и крестьянства — вот какую перспективу открывала троцкистская платформа в дискуссии о профсоюзах¹.

¹ См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. I, с. 23.

Только ленинское большинство в партии подходило к вопросу о профсоюзах с учетом всего комплекса проблем, определяемых задачами укрепления системы диктатуры пролетариата, с учетом сложной конкретной обстановки строительства социализма в условиях многоукладной экономики, разрухи народного хозяйства, изменений социально-политической ситуации в стране. По существу уже в период дискуссии о профсоюзах В. И. Ленин намечал пути и методы ликвидации кризиса народного хозяйства на основе правильного определения характера отношений с беспартийными рабочими и крестьянством с целью вовлечения их в социалистическое строительство, выдвигал задачу повышения роли Коммунистической партии в системе диктатуры пролетариата.

Отрицание руководящей роли Коммунистической партии в системе пролетарского государства, которое было характерно для оппозиции, В. И. Ленин считал «коренным теоретическим отступлением от коммунизма и уклоном в сторону синдикализма и анархизма»¹. Диктатура пролетариата может осуществляться только через Коммунистическую партию — этот важнейший вывод был сделан В. И. Лениным в ходе дискуссии о профсоюзах. Необходимость укрепления Советского государства и строительства социализма — такова была отправная позиция ленинского большинства по вопросу о профсоюзах.

Следует отметить, что преобладание в современной буржуазной историографии откровенно антисоветских построений, подобных схемам Р. Дэниелса, А. Улама, Л. Шапиро и других, не исключает наличия ряда работ, где вопрос о позиции Троцкого и «рабочей оппозиции» в период дискуссии о профсоюзах освещается несколько по-иному. В частности, некоторые американские авторы, например Г. Эллисон и Дж. Кларксон, квалифицируют как крайне экстремистские не только платформу «рабочей оппозиции», но и платформу Троцкого. Кроме того, Дж. Кларксон в отличие от многих буржуазных авторов приводит правильные сведения об итогах голосования по платформам².

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 43, с. 94—95.

² См.: Clarkson J. D. A history of Russia from the ninth century. New York, 1962, p. 639—640.

Развернутая оценка дискуссии о профсоюзах содержится в работах Э. Карра, представителя буржуазно-либерального направления в западной историографии. Э. Карр в основном верно излагает причины и ход дискуссии. Он признает синдикалистский характер платформы «рабочей оппозиции», оспаривает настойчиво пропагандируемое в буржуазной историографии утверждение, будто эта группа пользовалась широкой поддержкой в партии.

Отмечая, что на съезде «рабочая оппозиция» собрала ничтожное число голосов, Э. Карр пишет, что она и не могла разрешить кризис, так как ее платформа в «самой экстремистской» форме выражала старую политику «военного коммунизма» и не отвечала тем сложным требованиям, которые выдвинулись в период мирного строительства¹. Что касается троцкистской платформы, то и ее провал Э. Карр объясняет несоответствием настроениям в партии, духу времени².

Э. Карр пишет, что ленинская резолюция, получившая на съезде большинство, гораздо лучше учитывала практические задачи, которые стояли перед обществом в период перехода от войны к миру³. Таким образом, Э. Карр по существу признает, что резолюция X съезда партии оказалась единственным возможным разрешением вопроса о роли и задачах профсоюзов, потому что она в наиболее полной мере соответствовала провозглашенной съездом новой экономической политике.

В то же время оценки Э. Карром дискуссии о профсоюзах и позиций антипартийных группировок отражают буржуазную ограниченность автора, его нежелание при характеристике платформ фракционеров усмотреть в них нечто большее, чем просто «несоответствие духу времени» или «соответствие старой политике». Карр предпочитает не ставить точек над «и» и не делает вывода о том, что платформа, выдвинутая оппозицией в качестве альтернативы ленинскому курсу партии, была объективно направлена на отход от реального пути строительства социализма в стране, на срыв этого строительства.

¹ См.: Carr E. H. *The bolshevik revolution, 1917—1923*, vol. II. London, 1966, p. 224—225.

² Ibid., p. 226—227.

³ Ibid., p. 226.

3. РЕШЕНИЯ X СЪЕЗДА РКП(б) О ЕДИНСТВЕ ПАРТИИ И ПРИНЦИП ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЦЕНТРАЛИЗМА В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ СОВЕТОЛОГОВ

Принципиальное различие между ленинским большинством партии, с одной стороны, и всеми оппортунистическими группировками — с другой, состояло в диаметрально противоположном подходе и к решению насущных проблем партийного строительства.

Говоря о резолюциях X съезда РКП(б) «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии», буржуазные историки нередко настойчиво проводят мысль о «внезапности», которая якобы характеризовала выдвижение и принятие этих документов на съезде. Цель такой версии довольно ясна: внушить читателям, будто указанные резолюции были неожиданы для делегатов съезда, как бы навязаны им и, следовательно, несовместимы с традициями и порядками, сложившимися в партии.

Достаточно обратиться к фактам, чтобы начисто опровергнуть подобное измышление. Еще в отчете о политической деятельности Центрального Комитета X съезду РКП(б) В. И. Ленин принципиально поставил эти вопросы. Он говорил: «...споров об уклонах мы не допустим, мы должны поставить точку в этом отношении. Это сделать может и должен партийный съезд, он должен из этого извлечь надлежащий урок и к политическому отчету ЦК это добавить, укрепить, закрепить и превратить это в обязательство для партии, в закон»¹.

Развивая свою мысль, В. И. Ленин разъяснял: «...нам нужна сплоченность, выдержка и дисциплина,— не только потому, что без этого пролетарская партия не может дружно работать, но потому, что весна принесла и принесет еще такие трудные условия, в которых действовать без максимальной сплоченности мы не можем»². Подводя итог обсуждения отчета ЦК, В. И. Ленин в заключительном слове сказал: «Сплочение партии, недопущение оппозиции в партии — политический вывод из современного момента...»³.

Проекты резолюций «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» были разданы всем делегатам съезда до утреннего за-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 17.

² Там же.

³ Там же, с. 35.

седания 16 марта 1921 года, на котором они были приняты. В докладе на съезде по этому вопросу В. И. Ленин подчеркнул, что проект резолюции «О единстве партии» и особенно ее 7-й пункт неоднократно обсуждались «на частных совещаниях, где высказывались представители всех оттенков»¹. Что касается резолюции «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии», то ее обсуждение на съезде предусматривалось четвертым пунктом порядка дня съезда, который был известен всем делегатам еще до его открытия².

Наконец, перед голосованием данных резолюций президиум съезда собрал совещание делегатов — большевиков с дореволюционным партийным стажем. На совещании присутствовало около 200 человек. Как вспоминают его участники, перед представителями оппортунистических групп был поставлен вопрос, можно ли ждать от них строгого подчинения решениям съезда и отказа от фракционной борьбы. В случае их положительного ответа В. И. Ленин считал возможным смятить резолюцию «О единстве партии», исключив из нее седьмой пункт, который предусматривал такую крайнюю меру борьбы с нарушением партийной дисциплины и фракционностью, как исключение из партии любого коммуниста и даже — решением Пленума ЦК РКП(б) — членов и кандидатов в члены ЦК и членов Контрольной комиссии³.

Таким образом, внесение этих резолюций на голосование не было неожиданным ни для делегатов съезда, ни для оппозиционных группировок.

Касаясь факторов, обусловивших идеино-политическое поражение оппозиционеров, реакционная буржуазная историография, естественно, умалчивает о самом главном — теоретической несостоятельности, антисоциалистической и антипартийной сущности фракционных платформ, за что они и были отвергнуты партией.

Вместо этого буржуазные авторы А. Улам, Б. Вольф, Р. Дэниелс пытаются найти другие причины и «обстоятельства» поражения оппозиции на X съезде РКП(б). Принятые съездом резолюции о единстве партии и об анархо-синдикалистском уклоне они считают «объективно» неоправданными, объявляют их проявлением

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 98.

² См. там же.

³ См.: КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 220—221; Микоян А. И. Мысли и воспоминания о В. И. Ленине. М., 1970, с. 101.

злонамеренной тактики использования «критического положения», которое якобы служило ленинцам предлогом для нанесения удара по «инакомыслящим»¹. Рассуждая о «неоправданности» резолюций съезда, Б. Вольф ссылается и на окончание гражданской войны, которое будто бы делало ненужными меры по укреплению единства партии².

Буржуазные советологи игнорируют или сознательно затушевывают тот факт, что перед партией и советским народом после окончания гражданской войны встали не менее, а гораздо более сложные задачи: необходимо было при отсутствии исторического опыта, в условиях враждебного капиталистического окружения, при наличии громадных трудностей внутри страны выбрать пути строительства социализма, преодолеть огромное давление мелкобуржуазной стихии, оказывающее влияние на рабочий класс и его партию, определить новые методы руководства массами, способы подхода к ним.

В новых условиях, когда возрастила роль внутрипартийной демократии, элементов выборности, когда отмирала система назначенства, дальнейшее сплочение партии было одним из решающих моментов успешного преодоления всех трудностей в политической и хозяйственной жизни страны. Понятна поэтому глубокая озабоченность В. И. Ленина и большинства ЦК кризисным положением в партии, наличием в ее рядах группировок и фракций. Кроме того, принятие резолюций о единстве партии и об анархо-синдикалистском уклоне в неменьшей степени вызывалось необходимостью закрепить уже сложившуюся традицию решительной борьбы партии против всякой фракционности, особенно нетерпимой в период, когда РКП(б) стала правящей партией, когда выступления против ее генеральной линии грозили сорвать все дело строительства нового общественного строя, руководящей и направляющей силой которого выступала идеино-организационно сплоченная Коммунистическая партия.

В «Первоначальном проекте резолюции X съезда РКП о единстве партии» В. И. Ленин специально подчеркивал, что фракционность «неминуемо ведет на

¹ См.: Ulam A. Lenin and the Bolsheviks, p. 466; Daniels R. V. Op. cit., p. 138—139.

² Fifty years of communism in Russia. Ed. by M. Drachkovitch. London, 1968, p. 46.

деле к ослаблению дружной работы и к усиленным повторным попыткам примазывающихся к правительству партии врагов ее углублять разделение и использовать его в целях контрреволюции¹. Единство партии было основой укрепления диктатуры пролетариата, союза рабочего класса и крестьянства. В период перехода к мирному социалистическому строительству все эти задачи партии стали еще более насущными, важными и сложными. Решить их в условиях фракционной разобщенности, идейного и организационного раскола в рядах партии было бы невозможно. Поэтому столь велико было значение решений X съезда РКП(б) о единстве партии, направленных на всемерное укрепление ее сплоченности, разгром и недопущение фракционных группировок, обеспечение ее монолитности.

Любопытно отметить, что, сокрушаясь по поводу краха оппозиции, Р. Дэниелс среди «причин» последнего выдвигает и такую, как ее собственные промахи и робость в борьбе против партии. Ей следовало, получает Р. Дэниелс, не бояться выйти в своей антипартийной деятельности за рамки марксистской идеологии, выступить единым фронтом, быть более настойчивой в овладении партийным аппаратом, апеллировать к тем силам вне партии, которые были недовольны ее руководящим положением в обществе².

Домыслы Л. Шапиро, А. Улама, Б. Вольфа, Р. Дэниелса не разделяются некоторыми представителями буржуазно-либерального направления. Американский историк Г. Эллисон признает, например, что разгром оппозиции диктовался необходимостью, поскольку она объективно выступала против построения социализма в СССР и против принятия ленинского плана создания основ нового общества, что без подавления оппозиции нельзя было осуществить назревшие экономические меры, новую экономическую политику.

Если бы одержала верх анархо-синдикалистская точка зрения, которую защищала «рабочая оппозиция», государство, по мнению Г. Эллисона, утратило бы свое влияние на экономическую политику. Поэтому главной причиной, побудившей партию повести борьбу против оппозиции, было несогласие последней с планом перехода от капитализма к социализму на рельсах нэпа,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 89.

² См.: Daniels R. V. Op. cit., p. 398.

непонимание ею роли союза рабочего класса и крестьянства в новых условиях¹.

Хотя в общем взгляды Г. Эллисона заметно отличаются от позиции других советологов стремлением к более объективному изучению причин поражения антипартийных течений в РКП(б), его точка зрения также не может быть признана правильной. Автор в значительной степени объясняет необходимость преодоления сопротивления оппозиции целями и потребностями социально-экономического развития страны, но игнорирует при этом ряд политических моментов. Идейно-политический разгром фракционных группировок в неменьшей степени был продиктован тем, что оппозиция проводила подрывную работу внутри партии, раскалывала единство ее рядов, вела агитацию против политики партии в массах и навязывала ей гибельные политические и теоретические установки.

Тезис о «неоправданности» резолюций X съезда РКП(б), касающихся фракционеров, буржуазные советологи пытаются подкрепить еще одним доводом: они ставят под сомнение сам факт оформления оппозиционных течений в самостоятельные фракционные группы. Л. Шапиро, например, утверждает, будто в принятии указанных резолюций не было никакой нужды, поскольку-де оппозиционеры «не имели отдельной организации, фиксированного членства, собственной прессы или публикаций, не имели платформы или политики как альтернативы официальной коммунистической программе»².

Утверждать подобное можно, только идя на заведомую фальсификацию фактов. И «рабочая оппозиция», и троцкисты имели свои платформы, в корне отличавшиеся от позиции большинства партии. Хорошо известно, что все оппозиционеры представляли собой довольно тесно связанные группы, активно боровшиеся против ЦК и его политического курса, издавали литературу, пропагандирующую их взгляды, и т. д.

В работах советских историков убедительно показано, что в ходе дискуссии о профсоюзах фактически сложились настоящие фракционные центры: у «рабочей оппозиции» — в ЦК профсоюза металлистов, у троцкистов — в Цектране (ЦК профсоюза работников транспорта), где у Троцкого, наркома путей сообщения, в

¹ См.: Ellison H. History of Russia. New York, 1964. p. 349.

² Schapiro L. The origin of the communist autocracy, p. 224; Idem. The communist party of the Soviet Union, p. 212, 224.

те годы было немало сторонников. Именно опираясь на этот фракционный центр, троцкисты стали осуществлять на практике свои идеи о принудительном труде как якобы главном средстве решения хозяйственных проблем, проводили линию на милитаризацию союза, свели на нет профсоюзную демократию, широко внедряли систему дисциплинарных взысканий и штрафов за малейшие нарушения трудовой дисциплины, насаждали бюрократизм.

Сторонники Троцкого развернули борьбу за захват руководящих органов других профсоюзов и ВЦСПС¹. Фракционная брошюра — платформа «Роль и задачи профессиональных союзов» — была подготовлена Троцким вместе с группой работников ВЦСПС, ЦК профсоюза металлистов, Цектрана. Разве иначе, чем фракционной, можно назвать деятельность троцкистов и примкнувших к ним в ходе дискуссии бухаринцев? Достаточно сказать, что с пропагандой взглядов своей антипартийной платформы лишь Троцкий выступил в 7 городах, сделал 19 докладов и содокладов на собраниях, опубликовал 7 статей². В. И. Ленин уже в начале дискуссии назвал деятельность троцкистов «созданием фракции на ошибочной платформе»³. «Буферную группу» Бухарина поддерживали три секретаря ЦК РКП(б), четверо из семи членов Политбюро. С помощью секретарей ЦК троцкисты широко использовали партийный аппарат для распространения своих материалов по местным организациям⁴. Им и «рабочей оппозиции» удалось создать свои фракционные центры в Москве и в ряде местных партийных организаций (на Украине, Урале, в Самаре и т. д.)⁵. Все эти факты свидетельствуют о том, что оппозиционные группировки — от «децистов» и «рабочей оппозиции» до троцкистско-бухаринского блока — вели ярко выраженную фракционную деятельность, открыто направленную на раскол партии.

Факт оформления фракций вынуждены признать и некоторые буржуазные историки и советологи, например Р. Дэниелс и Дж. Неттл⁶.

¹ См.: Иванов В. М., Шмелев А. Н. Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма. Л., 1970, с. 295.

² См.: Дмитренко С. Л. Указ. соч., с. 104.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 237.

⁴ См.: Иванов В. М. Указ. соч., с. 20.

⁵ Подробнее см.: Дмитренко С. Л. Указ. соч., с. 100—115.

⁶ Daniels R. V. Op. cit., p. 125; Nettle J. P. The Soviet achievement. London, 1967, p. 68.

Особенно ожесточенным нападкам реакционных представителей современной буржуазной историографии подвергается резолюция X съезда РКП(б) «О единстве партии». В ее оценке чаще всего фигурируют обвинения в «негуманности», в «недемократичности», даже в «незаконности», поскольку эта резолюция, как и резолюция «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии», якобы противоречили другим решениям съезда, направленным на развитие внутрипартийной демократии, а также Уставу партии.

Эти попытки противопоставить друг другу резолюции, принятые X съездом РКП(б) или некоторые из них Уставу партии и ее традициям основаны на искажении демократического централизма, являющегося основополагающим принципом построения и практической деятельности Коммунистической партии.

Обострение политической и идеологической борьбы между социализмом и капитализмом на международной арене затрагивает и принцип демократического централизма, нападки на который стали одним из постоянных средств идеологической диверсии против коммунистических партий. Критика демократического централизма имеет одну цель — подорвать единство и сплоченность коммунистических партий, различными способами навязать мысль о несовместимости свободы и демократии с принципом демократического централизма. Тем самым буржуазная и реформистская идеология пытаются ослабить силу и дееспособность коммунистических партий.

Советские ученые, представители различных общественных наук, в последние годы выступали с рядом работ, посвященных критике буржуазных фальсификаций организационных принципов построения нашей партии¹. Вместе с тем следует более активно и детально опровергать домыслы буржуазной историографии относительно тех узловых моментов истории КПСС, тех этапов ее развития, когда вопрос о принципе демократического

¹ См.: Гумеров Ф. Х. Вымыслы и действительность. (Против буржуазной фальсификации организационных принципов КПСС). М., 1967; Каидель Е. П. Маркс и Энгельс о партии и современная буржуазная и реформистская историография. — «Вопросы истории КПСС», 1968; № 3; Молибошко В. А. Против буржуазной фальсификации роли КПСС в коммунистическом строительстве. М., 1972; Верховцев И. П., Малов Ю. К. Организационные основы КПСС и их «критики». М., 1974; и др.

централизма приобретал особенно важное значение для жизни партии и страны и когда вокруг этого принципа разворачивалась острая внутрипартийная борьба с антиленинскими группировками, как это имело место, в частности, в период перехода к мирному социалистическому строительству.

Нападки на принцип демократического централизма ведутся как с реакционно-буржуазных, так и с либерально-буржуазных и реформистских позиций. Но все его критики независимо от направлений едины в своем общем стремлении исказить смысл и суть демократического централизма.

Американский советолог Ф. Баргхурн, широко известный своими наиболее реакционными взглядами, трактует принцип демократического централизма как средство навязывания большинству членов партии воли небольшой группы лидеров, как способ добиться «послушания»¹. Ту же точку зрения, но в еще более грубой форме, исповедует другой американский автор, эмигрант из Венгрии Г. Палоши-Хорват².

Американский «специалист» по ленинизму А. Мейер произвольно выхолащивает из принципа демократического централизма, лежащего в основе построения партии, демократическое начало, сводя демократизм к одной лишь свободе выборов в высшие органы партии и считая главной его чертой централизм³.

Нападки на принцип демократического централизма ведутся в современной буржуазной историографии и представителями либерально-буржуазного направления. Профессор Д. Тридголд, например, считает, что демократический централизм в подлинном смысле этого слова действительно имел место в партии в первые годы Советской власти, но позднее, с 1921 года, «свобода слова, прессы, собраний, ассамблей» существовала «только для рабочего класса»⁴.

С позиций реформизма, отказа от анализа классового содержания этого принципа характеризует демократический централизм лейбористский историк Дж. Коул, который предпочитает абстрактно-этический подход

¹ Barghoorn F. Politics in the USSR. Boston—Toronto, 1966, p. 21—23.

² Paloczi-Horvath G. The facts rebel. The future of Russia and the West. London, 1964, p. 46—49.

³ Meyer A. Leninism. Cambridge (Mass.), 1957, p. 99, 160.

⁴ Treadgold D. W. Op. cit., p. 207, 210.

к этому вопросу, упрекая партию за «негуманистическое» отношение к своим членам. Он утверждает, что требование соблюдения партийной дисциплины, предусматриваемое демократическим централизмом, якобы приводит к ущемлению свободы человеческой личности¹.

Таким образом, несмотря на различия в общих оценках принципа демократического централизма со стороны представителей различных течений буржуазной историографии или историков из реформистского лагеря, налицо явное искажение смысла и содержания этого принципа. Что касается истории становления демократического централизма как основополагающего принципа организационного строения и деятельности партии, то лишь отдельные авторы приводят данные о его возникновении в дооктябрьский период. Главное же внимание советологов привлекают проявления этого принципа в решениях X съезда РКП(б) о единстве партии, которые истолковываются ими как начало «ликвидации демократии» в КПСС.

Известно, что, вопреки утверждениям западных авторов, появление и закрепление принципа демократического централизма как основы построения и деятельности КПСС вовсе не было связано исключительно с решениями X съезда РКП(б), на котором этот принцип получил свое развитие и уточнение в новых исторических условиях. Понятие демократического централизма было сформулировано В. И. Лениным и отражено в партийных документах еще в 1905 году, затем впервые включено в уставные положения, одобренные IV съездом РСДРП, и закреплено в Уставе партии, принятом VI съездом РСДРП(б)².

Следовательно, демократический централизм как принцип организационного строения и деятельности партии и как норма внутрипартийной жизни был принят ее высшим органом задолго до событий 1921 года. Еще более несостоятельны утверждения буржуазных советологов о том, что демократический централизм якобы был навязан ленинским большинством в партии для подавления «инакомыслящих». Этот принцип разрабатывался в свое время с участием тех самых людей, которые по-

¹ Cole J. Communism and social democracy 1914—1931. vol. IV. London, 1958, p. 602—603, 849.

² См.: Лавричев В. М. Демократический централизм — диалектический принцип организационного строения КПСС. М., 1971, с. 73.

том, в период X съезда РКП(б), стали в ряды оппозиционеров, а значит выступили против положений, ранее ими самими признанных и одобренных¹.

Анализ общих оценок демократического централизма в современной буржуазной и реформистской литературе показывает, что, во-первых, подвергается искажению само содержание этого принципа, а во-вторых, демократический централизм трактуется с позиций антисторицизма, рассматривается без учета конкретной исторической обстановки.

Искажение понятия «демократический централизм» производится путем «вырывания» из него какого-либо отдельного положения и игнорирования других. Демократический централизм — это диалектическое единство демократии и централизма, он означает выборность всех руководящих органов партии снизу доверху; периодическую отчетность партийных органов перед своими партийными организациями и перед вышестоящими органами; строгую партийную дисциплину и подчинение меньшинства большинству; безусловную обязательность решений высших органов для низших². Этот основной принцип жизни и деятельности партии неразрывно сочетает в себе строгий централизм руководства с широкой внутрипартийной демократией. Сформулированный В. И. Лениным принцип демократического централизма отнюдь не исключает ни свободы критики, ни возможности высказать свое мнение, но после окончания дискуссии и принятия решения все коммунисты обязаны его выполнять. В этом сила партии, ее активность и работоспособность, и это не нравится буржуазным критикам принципа демократического централизма. Положение о безусловной обязательности решений, принятых вышестоящими партийными органами, для всех без исключения партийных организаций, всех членов партии подвергается наибольшему искажению современными буржуазными авторами.

В. И. Ленин подходил к осуществлению принципа демократического централизма в партийном строительстве творчески, с учетом исторических условий и обстоятельств, в которых приходилось действовать партии. В. И. Ленин учил, что демократический централизм

¹ См. подробнее: Туринцев Ю. Г. История Устава КПСС. М., 1971, с. 118—119.

² См.: Устав КПСС. М., 1974, с. 21—22.

Пре́дполагает органическое единство двух нे́ра́зрывных сторон — централизма и демократии, которые диалектически взаимосвязаны и применяются в соответствии с исторической обстановкой, непрерывно развиваются, обогащаются, совершенствуются. Так, например, собравшийся в марте 1919 года VIII съезд РКП(б) особо подчеркнул роль и значение строжайшего централизма и самой суровой дисциплины в партии в тот момент, когда страна была окружена врагами и превращена в военный лагерь. Действительно, в годы гражданской войны элементы демократизма в связи с военной обстановкой не могли получить широкого развития. Это наложило отпечаток и на новый Устав партии, принятый VIII Все́российской конференцией РКП(б) в декабре 1919 года. После окончания гражданской войны на очередь дня вновь встал вопрос о последовательном развитии внутрипартийной демократии, укреплении партийной дисциплины. Переломным в этом смысле можно считать именно X съезд РКП(б).

Произвольно толкуя решения X съезда о единстве партии, буржуазные авторы совершенно преднамеренно делают основной акцент на второй части принципа демократического централизма — на централизации, сознательно искажая постановку на съезде вопроса о первой, важнейшей стороне принципа — внутрипартийной демократии.

Сопоставляя резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» с другими решениями съезда и Уставом партии, английский «специалист» в области истории КПСС Л. Шапиро пытается доказать, что они представляли собой «две диаметрально противоположные политики» и что «события очень скоро показали, которую из этих двух собираются ввести в действие»¹.

Английский историк Я. Грей в своей книге «Первые пятьдесят лет. Советская Россия в 1917—1967 годах» также пишет о «разрыве» между резолюциями «О единстве партии», «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии», с одной стороны, и резолюциями «По вопросам партийного строительства» и «О роли и задачах профсоюзов» — с другой. Последние две резолюции автор считает «умеренными» и подчеркивает, что

¹ Schapiro L. The origin of the communist autocracy, p. 322—323, 328.

в них «обещана большая свобода от централизованного вмешательства и контроля над местными советскими организациями и профсоюзами», в то время как первые две резолюции «фактически зачеркивали эти обещания» и, следовательно, были не более, чем «дымовой завесой», под прикрытием которой «уничтожалась» демократия в партии¹.

Если обратиться к текстам резолюций, Уставу партии и сопоставить их, то легко убедиться, что противоречий между ними нет. В основе всех этих документов лежит принцип демократического централизма, который и подвергается тенденциозной интерпретации и фальсификации некоторыми буржуазными учеными.

К оценке соотношения резолюций, принятых на X съезде РКП(б), лучше всего подходят ленинские слова: «Мы всегда защищаем в нашей печати внутрипартийную демократию. Но мы никогда не высказываемся против централизации партии. Мы за демократический централизм»². И действительно, в резолюции «О единстве партии» был сформулирован один из основных законов внутрипартийной жизни — фракционность и групповщина несовместимы с пребыванием в партии. Одновременно X съезд РКП(б) принял меры к дальнейшему развитию внутрипартийной демократии, рассматривая ее как средство повышения активности и самодеятельности коммунистов, как базу для развития критики.

«Очередные потребности момента,— указывалось в решении съезда „По вопросам партийного строительства“, — требуют новой организационной оболочки. Такой формой является форма рабочей демократии... Под рабочей внутрипартийной демократией разумеется такая организационная форма при проведении партийной коммунистической политики, которая обеспечивает всем членам партии, вплоть до наиболее отсталых, активное участие в жизни партии, в обсуждении всех вопросов, выдвигаемых перед ней, в решении этих вопросов, а равно и активное участие в партийном строительстве. Форма рабочей демократии исключает всякое назначение как систему, а находит свое выражение в широкой выборности всех учреждений снизу доверху, в их

¹ Grey I. The first fifty years. Soviet Russia 1917—1967. London, 1967, p. 190—191.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 72.

подотчетности, подконтрольности и т. д.»¹. И далее в решениях съезда было записано: «...само собой разумеется, что после принятия решений эти решения обязательны и должны быть выполнены максимально быстро и точно»².

Делегаты съезда подчеркивали, что ни один коммунист, какое бы положение в партии он ни занимал, не имеет права противодействовать осуществлению партийных постановлений, даже в том случае, если при обсуждении этих постановлений он не был согласен с ними. Каждый коммунист, каждая партийная организация обязаны неукоснительно выполнять все решения партии, принятые большинством голосов.

Таким образом, развитие партийной демократии проходило в неразрывной связи с укреплением партийной дисциплины, чего не хотят замечать буржуазные авторы, пытающиеся найти противоречия между резолюциями X съезда РКП(б) «О единстве партии», «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» и резолюцией «По вопросам партийного строительства».

Столь же несостоятельны попытки советологов выявить «отличия» резолюций X съезда РКП(б), направленных на обеспечение единства партии, от действовавшего в то время Устава партии. Этот Устав, принятый, как отмечалось, в декабре 1919 года, представлял собой воплощение ленинской теории и практики партийного строительства. В Уставе отмечалось, что «руководящим принципом организационного строения партии является демократический централизм»³. Устав содержал специальный X пункт — „О партийной дисциплине“, который гласил: «Строжайшая партийная дисциплина является первой обязанностью всех членов партии и всех партийных организаций. Постановления партийных центров должны исполняться быстро и точно. Вместе с тем внутри партии обсуждение всех спорных вопросов партийной жизни вполне свободно до тех пор, пока решение не принято»⁴. Этот пункт предусматривал также наложение различных партийных взысканий вплоть до исключения из рядов РКП(б) за неисполнение постановлений вышестоящих партийных органов⁵.

¹ КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 210.

² Там же.

³ Там же, с. 127.

⁴ Там же, с. 133.

⁵ См. там же.

Таким образом, указанные резолюции X съезда партии не только не противоречили Уставу РКП(б), но, напротив, отвечали его букве и духу.

Разновидностью версий Я. Грея и Л. Шапиро является и точка зрения английского историка И. Дейчера, который в одной из своих работ писал: «... запрещение внутренних оппозиционных групп было наиболее решительным отходом от ее (партии.— И. Ш.) собственных, временем освященных обычаев. Партия была теперь в ссоре с ее собственной природой...» И. Дейчер странным образом «забывает», что природе партии вовсе не противоречит борьба с фракциями и группировками: на протяжении всей истории партия боролась с оппортунизмом.

В самом деле, борьба с оппортунизмом и «экономизмом» в период создания партии нового типа, до II съезда, с которого начала свое существование большевистская партия, а затем с меньшевизмом — вплоть до Пражской конференции 1912 года, где был подведен итог целой исторической полосе и закреплена победа большевиков,— разве эти явления не были отражением «временем освященных обычаев» партии? Как в дооктябрьский период, так и после победы Великой Октябрьской социалистической революции партия боролась за сохранение своих организационных, программных, стратегических и тактических принципов, выступая против ликвидаторов, отзовистов и фракционности троцкистов в годы реакции, против международного оппортунизма и русского социал-шовинизма в период первой мировой войны, против «левого коммунизма» и троцкизма по вопросам войны, мира, революции и проблемам социалистического строительства в 1918 году, против «военной оппозиции» на VIII съезде РКП(б) и, наконец, против фракционных группировок «демократического централизма» и «рабочей оппозиции» в 1920—1921 годах.

После победы Октябрьской революции, когда партия стала правящей, внутрипартийные дискуссии в условиях ожесточенной гражданской войны и интервенции могли серьезно ослабить ее позиции в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией. Поэтому в эти годы ленинский ЦК решительно пресекал всякие попытки выступления фракционных групп.

Чрезвычайно сложная внутриполитическая обстановка в стране, сложившаяся к концу гражданской

войны, разруха народного хозяйства и усиление мелкобуржуазной стихии — все это, по словам В. И. Ленина, также делало широкие дискуссии в партии «непозволительной роскошью» и вызывало особую необходимость идеиного разгрома оппозиционных группировок и всемерного укрепления единства партии.

Пытаясь поставить под сомнение законность резолюций X съезда РКП(б), некоторые западные историки стремятся подвергнуть их критике так сказать «слева» и даже осылаются при этом на авторитет... самого В. И. Ленина. Профессор Дж. Неттл, например, трактует резолюции «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии», как меры, якобы временно предложенные В. И. Лениным, принятые по частному вопросу и, следовательно, не имевшие принципиального значения, а лишь впоследствии ставшие «инструментом» во внутрипартийной борьбе¹.

Другой американский автор, М. Левин, еще более откровенно пытается присвоить В. И. Ленину свои «сомнения» в необходимости и полезности принятых X съездом резолюций. По его мнению, В. И. Ленин в конце жизни «не считал больше фракционализм таким опасным». При этом он ссылается на отсутствие в ленинском «Письме к съезду» какого-либо упоминания о запрещении фракций². Те же взгляды на решения X съезда РКП(б) активно пропагандируются современным троцкистом Э. Манделем, правым оппортунистом Р. Гароди и др.³.

Несостоятельность подобных версий вполне очевидна. Трактовка решений X съезда РКП(б), направленных на укрепление единства партии, как случайных, необязательных, вызванных особыми условиями, документально опровергается высказываниями В. И. Ленина, из которых видно, что он считал эти резолюции глубоко принципиальными решениями, направленными на укрепление сплоченности партийных рядов, а отнюдь не временными мерами.

Выступая в прениях по обсуждению 4-го пункта повестки дня съезда — резолюции «О единстве партии», В. И. Ленин говорил: «...возникновение у нас платформы

¹ См.: Nettle J. P. Op. cit., p. 69.

² Lewin M. Lenin's last struggle. New York, 1968, p. 128, 132—133.

³ См. об этом: Дмитренко С. Л. Указ. соч., с. 129.

с тезисами, мною прочитанными, представляет явный и очевидный уклон синдикалистско-анархический. Эти слова не чрезмерны, они обдуманы¹. Этот уклон В. И. Ленин расценивал как «начало такого политического направления, которое не может оставаться без оценки партии», такой политики, которая «не только теоретически неверна, она неверна потому, что неверно определяет отношения между классами,—то коренное и основное, без чего нет марксизма...»². Обосновывая необходимость принятия съездом подобной резолюции, В. И. Ленин указывал: «Мы должны сказать себе: чтобы единство было прочным, нужно, чтобы был осужден определенный уклон»³.

Столь же неубедительны и попытки приписать В. И. Ленину намерение «пересмотреть» решения о единстве партии, принятые X съездом РКП(б). Достаточно ознакомиться с последними работами В. И. Ленина, чтобы убедиться, что руководитель нашей партии и государства вновь выражал в них озабоченность по поводу единства партии и предлагал принять дополнительные меры, направленные на его укрепление. В «Письме к съезду» В. И. Ленин, предупреждая о том, что враги государства диктатуры пролетариата делают ставку на подрыв единства партии, на разногласия в ее рядах и рассчитывают на ее раскол, рекомендовал предпринять шаги в целях сплочения и укрепления РКП(б). В числе намечаемых им мер обеспечения единства партии особое место отводилось расширению ЦК до нескольких десятков или даже до ста членов, с тем чтобы парализовать возможные фракционные выступления, разногласия между группировками. В. И. Ленин специально обращал внимание на особенности политического и теоретического мышления ряда членов ЦК, характер их практической работы, личные качества, высказывая опасения по поводу возможной разобщенности и даже раскола Центрального Комитета в результате их деятельности⁴.

Заботой об укреплении единства партии и ее Центрального Комитета проникнуты и другие последние письма и статьи В. И. Ленина — «К вопросу о национальностях или об „автономизации“», «Как нам реор-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 101.

² Там же, с. 99, 102.

³ Там же, с. 101.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 343—348.

ганизовать Рабкрин?», «Лучше меньше, да лучше». Состоявшийся в апреле 1923 года XII съезд партии в соответствии с ленинскими идеями и предложениями выразил твердую уверенность в том, что «констатированная среди самых широких слоев членов партии железная воля к единству обеспечит партии на ближайшие годы еще более прочную сплоченность и спайку, нежели это было до сих пор»¹. Съезд дал отпор попыткам представителей разгромленных антипартийных группировок добиться ревизии решений X съезда РКП(б) о единстве партии и принял постановления о реализации ленинских предложений, направленных на укрепление ее рядов: расширил состав ЦК, повысил роль ЦКК как органа охраны единства партии, наметил меры по улучшению коллегиальной работы высших партийных органов и т. д.².

Выстроив целые ряды «аргументов», направленных на искажение действительного смысла, хода и последствий борьбы партии с оппозиционными группировками, буржуазные фальсификаторы оказываются еще перед одним весьма трудным для них вопросом, почему резолюции о единстве партийных рядов и об анархо-синдикалистском уклоне получили одобрение громадного большинства съезда. Так как от этого факта никуда не уйти, они пытаются просто отвергнуть значение результатов голосования. Как известно, большинство делегатов съезда поддержали резолюции, предложенные В. И. Лениным и его сторонниками, потому что осознало необходимость сплочения рядов партии и укрепления ее дисциплины в сложнейших условиях переходного периода. Признать это буржуазные авторы не могут и не хотят. И они бездоказательно уверяют читателя, будто многие «голосовали против своего мнения» или из-за «инертности», якобы вызванной двумя обстоятельствами — кронштадтским мятежом и необходимостью принять решение о введении нэпа³. Таковы, например, «аргументы» Л. Шапиро. Однако их беспочвенность становится совершенно очевидной при сопоставлении с действительными историческими фактами.

Данные об итогах голосования наглядно показывают, что делегатам X съезда ничто не мешало голо-

¹ КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 409.

² Подробнее см.: Дмитренко С. Л. Указ. соч., с. 158—165.

³ Schapiro L. The origin of the communist autocracy, p. 320.

совать «за» или «против» той или иной резолюции. За резолюцию «О единстве партии» голосовало 413 делегатов; против — 25; воздержались — 2. За резолюцию «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» было подано 375 голосов; против — 30; воздержались — 3¹.

Итоги голосования резолюции «О роли и задачах профсоюзов» также показали полный провал попыток фракционеров навязать делегатам съезда свои взгляды по вопросу о профсоюзах. За ленинскую резолюцию «десети» голосовали 336 делегатов съезда, за проект группы Троцкого — 50, за резолюцию «рабочей оппозиции» — 18; воздержались от голосования 2 человека². Таковы подлинные результаты голосования, свидетельствующие о том, что подавляющее большинство делегатов высказалось за ленинский курс и по вопросу о единстве партии, и по вопросу о профсоюзах.

Но что Л. Шапиро до этих фактов? Одни цифры (голоса, поданные против ленинских резолюций) он признает, а другие (голоса, поданные за ленинские резолюции) его не устраивают, и он объявляет их «сомнительными».

По «логике» Л. Шапиро, результаты голосования на X съезде вызывают сомнение еще и потому, что на следующем, XI съезде не было «голосов протesta» против резолюции «О единстве партии»³.

Автор не замечает, что этот «аргумент» никак не вяжется с его же собственной «концепцией». Ведь «причины», которые, по его мнению, якобы «вынуждали» большинство делегатов X съезда не голосовать против резолюций, внесенных ленинцами, к тому времени уже перестали существовать (иэп был введен, кронштадтский мятеж подавлен), и никакие «опасения» не могли больше «удерживать» делегатов XI съезда от протестов против резолюции «О единстве партии», а протестов так и не было. Не было потому, что, голосуя на X съезде РКП(б) за ленинские резолюции, делегаты действовали в соответствии со своим убеждением в насущной необходимости единства партии.

Некоторые советологи-антикоммунисты идут еще дальше, конструируя целую «теорию» «особых методов

¹ См.: Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет, с. 769, 773—774, 778.

² См. там же, с. 399.

³ Schapiro L. The origin of the communist autocracy, p. 337.

преодоления оппозиции». Я. Грей пишет о «маневрировании делегатами, собравшимися на съезд»¹. А. Улам отдает предпочтение «психологическому террору» и «при克莱иванию ярлыков»². Все эти «открытия» советологов навеяны демагогическими выступлениями самих фракционеров — «децистов», «рабочей оппозиции», троцкистов и т. п., которые обвиняли партию в жесткой дисциплине, принявшей якобы «самые уродливые формы», в «применении методов секретарского отбора», в отказе от «рабочей демократии», в «наклеивании ярлыков» и даже использовании против оппозиции «пулеметов» и т. п.³.

Стремления советологов объяснить причины поражения фракционных группировок на X съезде чем угодно, только не тем, что партия в целом отвергла взгляды и планы оппозиции, свидетельствуют лишь о полной несостоятельности их версий, о насилии над историческими фактами. Исследование подлинных причин краха попыток нарушить единство партии, внести раскол в ее ряды показывает, что такие итоги голосования не были случайными или кем-то навязанными. Делегаты свободно выражали волю и желание тех партийных организаций, которые послали их на съезд.

Выборы на X съезд РКП(б), как должно быть хорошо известно авторам, берущимся за изучение истории нашей партии, осуществлялись в ходе широкой обще-партийной дискуссии по вопросам порядка дня съезда. Делегаты на съезд выбирались в соответствии с результатами голосования по платформам на республиканских съездах и на краевых, губернских, областных партийных конференциях. Поскольку в ходе дискуссии ленинскую платформу поддержало более 80% членов партии, то и состав съезда полностью отражал подавляющее превосходство ленинского большинства над представителями оппозиционных течений.

Почти во всех делегациях на съезде, за самым малым исключением, большинство составляли сторонники ленинской «платформы десяти»⁴. Именно это обстоятельство, а не надуманные причины, привело к плачевному для фракционеров исходу голосования на X съезде

¹ Grey I. Op. cit., p. 190.

² Ulam A. Lenin and the Bolsheviks, p. 472.

³ См.: Дмитренко С. Л. Указ. соч., с. 85, 168; Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет, с. 532, 543—544.

⁴ См.: Дмитренко С. Л. Указ. соч., с. 118, 123.

РКП(б). Партия в целом, её местные организации и до съезда, и во время его работы сознавали вред и опасность внутрипартийной борьбы и фракционности для дела строительства социализма. Делегаты съезда, отражая волю громадного большинства членов партии, продемонстрировали готовность отстоять единство своих рядов от посягательств антипартийных группировок.

Ленинские резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии» и «Об анархо-синдикалистском уклоне в нашей партии» создавали все необходимые условия для полного сплочения партийных сил, концентрации усилий всех коммунистов на борьбе с гигантскими трудностями, связанными с переходом страны от войны к мирному социалистическому строительству. Принятие этих решений означало утверждение съездом партии ленинских норм внутрипартийной жизни, сочетающих самое широкое развитие внутрипартийной демократии для коммунистов, выполняющих уставные и программные требования, с решительной борьбой против тех, кто нарушает партийную дисциплину и единство. Решения о единстве партии явились дальнейшим развитием учения о боевой марксистской партии нового типа, партии, способной сплотить трудящиеся массы для осуществления задачи построения социалистического общества. Важнейшим условием претворения в жизнь ленинского учения о руководящей роли Коммунистической партии в социалистическом строительстве и стал идеально-политический разгром оппозиционных групп на X съезде, обеспечивший единство партии.

Глава IV

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СОЦИАЛЬ- НО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ

1. ЗНАЧЕНИЕ ПОВОРОТА К НЭПУ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА И ИЗМЫШЛЕНИЯ СОВЕТОЛОГОВ

Руководящая роль партии в период строительства основ социализма с особой силой проявляется в ее социально-экономической политике. Вопросы развития народного хозяйства привлекают самое пристальное внимание правящей марксистско-ленинской партии, ибо она исходит из научного положения о том, что экономика — это материальная основа всей общественной жизни, социального прогресса. Необходимость и неизбежность партийного руководства хозяйством вытекают из самой природы социализма. Общественная собственность на средства производства предопределяет тот факт, что социально-экономическое развитие страны становится делом всех государственных и общественных звеньев политической системы советского общества в период диктатуры пролетариата. Коммунистическая партия как авангард рабочего класса в условиях переходного периода от капитализма к социализму неизменно выступала в роли руководящей и направляющей силы экономического строительства. На X Всероссийской конференции РКП(б) (май 1921 года) В. И. Ленин указывал, что «...у нас хозяйственное дело — наше общее дело. Это самая для нас интересная политика»¹. Невозможно успешно решать грандиозные народнохозяйственные задачи, затрагивающие самым непосредственным образом социальные интересы всех классов общества, без направляющего партийного воз-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 43, с. 330.

действия, без мобилизации всего народа на их осуществление. Поэтому партия решительно отвергает оппортунистические, ревизионистские взгляды, согласно которым коммунистические и рабочие партии стран, строящих новое общество, не должны руководить экономикой.

В своей практической деятельности в области социально-экономических отношений Коммунистическая партия руководствуется коренным марксистско-ленинским положением о том, что политика есть концентрированное выражение экономики. Поэтому она строго научно, эффективно воздействует на социально-экономические процессы, те организации и учреждения, которые непосредственно в них участвуют. Партийное руководство экономикой в условиях диктатуры пролетариата включает в себя разработку основных задач и принципов развития народного хозяйства, создания материально-технической базы социализма. В соответствии с ними партия на каждом этапе строительства нового общества определяет правильную, научно обоснованную социально-экономическую политику. Научное обоснование экономической политики является непреложным законом руководящей деятельности партии в этой области. «Мы ценим коммунизм только тогда,— говорил В. И. Ленин,— когда он обоснован экономически»¹.

Важнейшим принципом партийного руководства развитием экономики является принцип сочетания хозяйственной и политической деятельности. Это значит, что Коммунистическая партия обеспечивает правильный политический подход, основанный на теории марксизма-ленинизма, к решению любой экономической задачи, любого хозяйственного вопроса. Она, как учил В. И. Ленин, исходит из того, что «без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, а следовательно, не сможет решить и своей производственной задачи»².

Социально-экономическая политика КПСС, которая в самые короткие исторические сроки привела к созданию материально-технической базы социализма в нашей стране, а затем явилась решающим фактором построения развитого социалистического общества и перехода к строительству коммунизма, служит наглядным

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 179.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 279.

примером громадной преобразующей роли партии в области народного хозяйства, перестройки социальных отношений. Естественно, что опыт КПСС привлекает внимание многих стран так называемого «третьего мира», видящих в нем путь быстрого преодоления экономической отсталости, социального прогресса. Это обстоятельство в то же время вызывает повышенную активность советологов, стремящихся исказить смысл и сущность социально-экономической политики партии в период строительства социализма, любой ценой ослабить притягательную силу, воздействие живого примера нового общественного строя на народы капиталистических, а также развивающихся государств.

Громадная роль X съезда РКП(б) в развитии и конкретизации марксистско-ленинского учения о переходном периоде от капитализма к социализму, о путях создания социалистического общества в стране, где большинство составляло крестьянское, мелкобуржуазное по своей природе население, подвергается тенденциозной трактовке в современной буржуазной историографии¹. При этом наибольшему искажению подвергаются, на наш взгляд, два важнейших аспекта социально-экономической политики партии в 1921—1923 годах: значение перехода к нэпу с точки зрения развития революционного процесса в России после Октября и оценка сущности новой экономической политики.

Как же в современной буржуазной историографии трактуется решение X съезда РКП(б) о повороте к нэпу — с точки зрения его последствий для судеб революционного процесса в стране, соотношения с марксистской теорией и программными установками большевистской партии?

В настоящее время, когда советский народ под руководством КПСС построил развитое социалистическое общество, уже не встретишь характерных для западной публистики и исторической литературы 20-х годов оценок поворота к нэпу как начала рестав-

¹ См. об этом: Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967, введение, с. 35—45; Минаков В. П., Ястребов Л. Б. Фальсификация проблем нэпа в западногерманской буржуазной историографии. — «Вопросы истории КПСС», 1971, № 11; Шустова Н. Н. Нэп в кривом зеркале англо-американской буржуазной историографии. — Ученые записки Рязанского гос. пед. ин-та, 1972, № 108; Климин И. И. Переход Советского государства к нэпу в оценке современной французской буржуазной историографии. — «Вестник ЛГУ», 1972, № 8 и др.

рации буржуазных порядков, как наступления «золотого века» в истории Советской России¹. Сегодня такие высказывания могли бы вызвать лишь недоумение даже у малосведущего в истории нашей страны западного читателя.

Анахронизмом выглядит ныне и трактовка перехода к нэпу, как «рисованной игры, в которой ставкой было сохранение режима»². И тем не менее и в современной буржуазной историографии кое-что осталось от ее ранней интерпретации значения поворота к нэпу. Главным образом это относится к тезису о «перерождении» большевиков, отказе их от марксистской теории и программных идеалов партии, что якобы и нашло свое отражение в решении X съезда РКП(б) о повороте к нэпу. В передовой статье «Пятидесятилетие СССР», опубликованной американским еженедельником «Newsweek» к юбилею Октябрьской революции, по этому поводу говорится следующее: «Именно в этот критический момент Ленин продемонстрировал гибкость, какой не проявлял ни один из его преемников. Отбросив все марксистские догмы, он сделал шаг назад и ввел нэп»³.

На этом общем тезисе по существу и основаны многие современные версии буржуазных авторов о значении поворота к нэпу. Рассмотрим две наиболее типичные из них.

Первая, разделяемая многими буржуазными историками, версия, которую можно определить как концепцию «выживания», представлена в сборнике «Будущее советского общества» под редакцией А. Кассофа, подготовленном к 50-летию Октябрьской революции. По мнению Д. Эзраеля, автора раздела «Партия и общество», «выживание было самым главным императивом в ленинском каноне». Автор «обвиняет» ленинизм в pragmatizme, «приспособлении к условиям» и обстоятельствам⁴. Исходя из этого, он характеризует решение партии о переходе к нэпу, как вызванное спадом революционного движения политическое маневрирование,

¹ Подробнее см.: Щербак Н. В. Об эволюциях буржуазных оценок нэпа. — В кн.: Новая экономическая политика. Материалы всесоюзной научной сессии, ч. 1. М., 1971, с. 104—106.

² Walsh W. B. Russia and the Soviet Union. A modern history. New ed. rev. and enl. Ann Arbor, 1968, p. 425.

³ «Newsweek», 1967, October 23, vol. 70, № 17, p. 11.

⁴ Kassof A. (ed.). Prospects for Soviet society. New York, 1968, p. 62.

преодоление и в целях «предотвращения экономического краха», как отход от принципов марксизма¹.

Эта версия является очевидной попыткой исказить смысл подхода РКП(б) к решению важнейших социально-экономических задач, вставших перед страной в условиях мирного строительства.

Разработку партией нового курса Д. Эзраель связывает не с марксистской теорией и анализом классовых и социально-экономических отношений в обществе, вызвавших после окончания гражданской войны необходимость серьезных изменений в экономической политике при сохранении стратегической цели построения социализма, а с ближайшими задачами, не имеющими ничего общего с программными установками партии.

Предложенная автором версия исходит из довольно широко распространенной на Западе точки зрения о том, что политика «военного коммунизма», осуществлявшаяся в период гражданской войны, и была якобы истинным проявлением марксистской теории, а поворот к нэпу разрывал с последней. Поскольку о сущности «военного коммунизма» уже говорилось во второй главе данной книги², здесь представляется целесообразным остановиться на тех аспектах тезиса о «выживании», которые непосредственно связаны с нэпом.

Прежде всего следует подчеркнуть, что поворот к новой экономической политике, который был намечен на X съезде РКП(б), отнюдь не служил проявлением какого-то pragmatизма, связанного с задачей «выживания». Эта политика вполне соответствовала учению К. Маркса и В. И. Ленина, обосновавших необходимость переходного периода от капитализма к социализму. Уже К. Маркс и Ф. Энгельс, убедительно доказывая неизбежность такого переходного периода, отмечали, что общество не может сразу избавиться от наследства старого строя и не может перескочить через естественные фазы своего развития или отменить их. После победы пролетарской революции неизбежно в течение некоторого времени сохранение, например, товарно-денежных отношений, а также мелкого частного производства, которое может быть приведено к высшим формам общественного производства лишь по мере постепенного осознания мел-

¹ Kassof A. (ed.). Op cit., p. 62.

² Об интерпретации советологами политики «военного коммунизма» см. также: Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973.

кими собственниками преимуществ этих форм при всемерной помощи государства диктатуры пролетариата¹.

Эти и многие другие элементы социально-экономической жизни общества переходного периода от капитализма к социализму, очерченные основоположниками марксизма, нашли свое выражение и в новой экономической политике, осуществлявшейся в Советской России с весны 1921 года. В. И. Ленин, внесший огромный вклад в разработку нового курса партии в области социально-экономических отношений, не только не порывал при этом с марксистской теорией, как это пытаются представить некоторые буржуазные исследователи, но, напротив, основывался на ней и развивал ее применительно к сложившимся условиям Советского государства. Еще в ряде работ дооктябрьского времени, намечавших экономическую платформу партии, он исходил из неизбежности длительного переходного периода, определял систему экономических мероприятий государства диктатуры пролетариата как «программу переходных мер к социализму»². Отмечая, что марксистам чужды планы немедленного «введения социализма», В. И. Ленин указывал, что «между капитализмом и социализмом лежит долгий период „родовых мук“»³.

Разработанный В. И. Лениным весной 1918 года конкретный план деятельности диктатуры пролетариата по перестройке экономики страны на социалистических началах, изложенный в работе «Очередные задачи Советской власти», учитывал сложность и длительность процесса строительства социализма в условиях многоукладной экономики России и предусматривал меры, направленные на постепенное укрепление социалистических элементов народного хозяйства в борьбе с параллельно существующими капиталистическими элементами. Особое внимание В. И. Ленин обращал на мелкобуржуазное по своей природе крестьянское хозяйство, отмечая в ноябре 1918 года, что «мелкое производство никакими декретами перевести в крупное нельзя... здесь нужно постепенно, ходом событий, убеждать в неизбежности социализма»⁴.

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 18; т. 22, с. 518; т. 23, с. 10; т. 25, ч. II, с. 157.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 34, с. 373.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 35, с. 192.

⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 37, с. 219.

Не менее показательно, что в разгар политики «военного коммунизма» (1919—1920 годы), обращение к которой во многом было вынуждено гражданской войной и обострением классовой борьбы в стране, партия никогда не отказывалась от теоретических положений марксизма о переходном периоде, о его сущности и задачах. Об этом свидетельствуют работы и высказывания В. И. Ленина того времени («Привет венгерским рабочим», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», доклады на IX съезде РКП(б) и VIII Всероссийском съезде Советов и др.)¹.

Таким образом, буржуазные авторы, пытающиеся обосновать свою интерпретацию значения нэпа с помощью версии о «выживании», ленинском «прагматизме», отказе от теории марксизма ради практических целей,искажают существо вопроса, игнорируя марксистско-ленинское учение о переходном периоде от капитализма к социализму, которое и явилось основой для разработки новой экономической политики.

Посылка о «выживании» абсолютно несостоятельна и с точки зрения оценки ее советологами в качестве главного фактора определения политики партии на том или ином этапе развития Советского государства. Ее беспочвенность видна хотя бы из того, что еще в конце 1917 года и особенно весной 1918 года, в условиях «красногвардейской атаки» на капитал, партия ориентировалась на курс экономической политики по духу, если не по букве, подобный тому, который был предложен на X съезде РКП(б) под названием нэпа.

Не случайно В. И. Ленин, характеризуя новую экономическую политику, неоднократно отмечал ее близость к политике весны 1918 года, указывал, что «в ней больше старого, чем в предыдущей нашей экономической политике»², т. е. «военном коммунизме». При разработке плана строительства социализма, писал он, «мы предполагали, что обе системы — система государственного производства и распределения и система частноторгового производства и распределения — вступят между собою в борьбу в таких условиях, что мы будем строить государственное производство и распределение

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 386; т. 39, с. 271—273; т. 40, с. 271—272; т. 41, с. 27; т. 42, с. 138.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 156.

ние, шаг за шагом отвоевывая его у враждебной системы. Мы говорили, что задача наша теперь уже не столько экспроприация экспроприаторов, сколько учет, контроль, повышение производительности труда, повышение дисциплины»¹.

План построения социализма, изложенный в работе «Очередные задачи Советской власти», как и отмеченные В. И. Лениным некоторые меры Советской власти, предпринятые в области экономики после Октября, были попыткой «осуществить переход к новым общественным отношениям с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки»².

Однако развернувшаяся с лета 1918 года гражданская война, иностранная интервенция, обострение классовой борьбы внутри страны вынудили Советское государство усилить наступление на экономические позиции капитализма, отказаться от постепенной перестройки народного хозяйства, перейти к чрезвычайным мерам и способам решения социально-экономических задач — к экономической политике, которая впоследствии получила название политики «военного коммунизма». При этом В. И. Ленин утверждал, что, не будь гражданской войны, вызванной сопротивлением буржуазии, экономические меры переходного периода были бы, вероятно, гораздо более «льготными» для капиталистических элементов, чем в период нэпа, ибо политика «военного коммунизма» подорвала их позиции быстрее и глубже, нежели это предполагалось вначале, и отступление 1921 года проводилось уже от позиций, захваченных в 1918—1920 годах в условиях остройшей гражданской войны. «Если бы господа капиталисты в октябре 1917 года приняли наши предложения,— говорил В. И. Ленин в марте 1922 года,— они имели бы в пять раз больше, чем сейчас»³.

Если в более или менее нормальных «мирных» условиях существования Советского государства допускалась экономическая политика, по характеру близкая нэпу и рассчитанная на постепенное вытеснение капиталистических элементов, то совершенно неосновательной является попытка вывести переход к ней в 1921 году из концепции «выживания».

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 44, с. 199.

² Там же, с. 202.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 45, с. 10.

Истинное значение поворота к нэпу с точки зрения развития революционного процесса в России никак не соответствует его интерпретации буржуазными авторами. Переход к новой экономической политике отнюдь не был отходом от марксистской теории или программных идеалов партии, предпринятым ради «выживания». Не меняя социалистической сущности экономической политики 1918—1920 годов, он менял лишь формы, методы, тактику и темпы ее осуществления и был рассчитан на укрепление союза с крестьянством на экономической основе как одного из важнейших условий существования диктатуры пролетариата в переходный период.

Характерно, что версия «выживания» обращена не только в прошлое. Она связывается и с современным развитием советской экономики. Например, в сборнике «Будущее советского общества» под ред. А. Кассофа проводится мысль о том, что состояние народного хозяйства СССР середины 60-х годов якобы «несколько напоминает период, предшествовавший нэпу». Раскрывая эту мысль, авторы стараются убедить читателя в том, что, как и к концу политики «военного коммунизма», советская экономика 1965—1967 годов «зашла в тупик» вследствие социалистических методов «контроля и планирования», которые стали «оковами для ее дальнейшего развития»¹. Намек, содержащийся здесь, достаточно ясен: следует убрать эти «оковы», т. е. отказаться от социалистических методов управления экономикой, перейти на рельсы свободной конкуренции по капиталистическому образцу и все сложные хозяйствственные задачи будут решены сами собой. В подобных рассуждениях бросается в глаза явный субъективизм и предвзятость как в оценке явлений прошлого, так и в анализе современного состояния советской экономики.

Во-первых, абсолютно неправильно объяснять разрушу в экономике, наблюдавшуюся к началу 20-х годов, политикой «военного коммунизма». Главной причиной тяжелого, кризисного положения народного хозяйства Советской России было военное разорение и опустошение огромных областей, упадок всех основных отраслей промышленности и сельского хозяйства, вызванные сначала империалистической, а затем гражданской войнами. В этих условиях стало неизбежным применение некоторых чрезвычайных мер руководства экономикой.

¹ Kassof A. (ed.). Op. cit., p. 315.

Во-вторых, известные диспропорции, которые возникли в экономике СССР в середине 60-х годов и нашли свое проявление в замедлении темпов роста производства, производительности труда, вызывались не социалистическими методами контроля и планирования, а недостатками их применения на практике. Экономическая реформа этого периода, осуществление которой привело к их устранению и повышению объема промышленного производства за пятилетие — с 1965 по 1970 год — в 1,5 раза, базировалась на улучшении централизованного управления и планирования народного хозяйства в сочетании с развитием местной инициативы, хозяйственной самостоятельности предприятий, применением хозрасчета и использованием мер экономического стимулирования.

Касаясь путей дальнейшего развития экономики СССР в девятой пятилетке, А. Н. Косыгин отмечал неизблемость социалистических принципов руководства народным хозяйством как основы его успешного роста¹. Верность партии этому курсу привела к тому, что экономический потенциал страны за годы девятой пятилетки значительно возрос, а за последние 10 лет удвоился по сравнению с серединой 60-х годов. Решение новых задач в области народного хозяйства, предусмотренных на десятую пятилетку, — повышение эффективности и качества общественного производства, как указывал А. Н. Косыгин на XXV съезде КПСС, также базируется на «дальнейшем совершенствовании планирования и управления»². Социалистическое планирование и организация управления производством являются громадным достижением СССР. «Наша страна, — говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — первой встала на путь планового руководства экономикой. Этому сложному искусству у нас учились и учатся десятки других государств»³.

В-третьих, пришедший в 1921 году на смену политике «военного коммунизма» новый курс руководства народным хозяйством вовсе не исключал использования Советским государством тех самых методов «контроля и планирования», которые, как полагают буржуазные авто-

¹ См.: Косыгин А. Н. Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг. М., 1971, с. 52.

² Косыгин А. Н. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы. М., 1976, с. 7, 26.

³ Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976, с. 70—71.

ры, стали «боковыми экономиками» в 1918—1920 годах и были устраниены. Вопреки их утверждениям, в годы нэпа, как это будет показано ниже, применялся государственный контроль за развитием экономики и закладывались основы социалистического планирования.

Другая довольно отчетливо сформулированная версия значения перехода к нэпу, с точки зрения социально-экономического развития Советской России, особенно подробно отражена в работах Р. Дэнниелса. Ее основные положения разделяются и некоторыми другими буржуазными историками.

Р. Дэнниелс рассматривает переход к нэпу как некую «амальгаму» компромисса, с одной стороны, и репрессий — с другой. При этом вторую часть своей формулы американский советолог относит прежде всего к «самым преданным инсургентам революции», под которыми он понимает фракционные антипартийные группировки различного толка и главным образом «рабочую оппозицию»¹.

Схема развития революционного процесса в России, по Р. Дэнниелсу, сводится к тому, что основные его этапы после Октября 1917 года якобы повторяют главные фазы, которые прошли английская буржуазная революция XVII века и французская конца XVIII века. Пристрастие к историческим аналогиям приводит автора к тому, что он объявляет поворот к нэпу не чем иным, как «9 термидора» русской революции². Поскольку 9 термидора (27 июля 1794 года) во Франции произошел контрреволюционный переворот, положивший конец якобинской диктатуре, то слова Р. Дэнниелса можно понимать только как новый вариант тезиса о «перерождении» большевиков.

Различия же между «термидорианской реакцией» во Франции 1794 года и положением в Советской России 1921 года он усматривает в том, что во Франции наиболее радикальные элементы движения — якобинцы были устранены путем контрреволюционного переворота, а в России часть «носителей идеалов» революции, приверженцев марксистской теории («рабочая оппозиция» и пр.) были отстранены от власти, а другая (ленинцы) — изменила своим принципам, «переродилась» и сама стала во главе русского «термидора 1921 года»³.

¹ Daniels R. V. *The conscience of the revolution*. Cambridge (Mass.), 1965, p. 137.

² Ibid.

³ Ibid.

Попытки Р. Дэниелса как-то подтвердить свою оценку решения X съезда РКП(б) о повороте к нэпу показывают полную абсурдность и несостоятельность и его «исторических» аналогий, и всей его концепции в целом. Первый тезис его варианта версии о «перерождении» ленинизма в марте 1921 года состоит в том, что нэп будто бы подразумевал «новый социальный порядок» и даже «новую историческую перспективу для советского режима»¹. Единственное «доказательство», которое приводит автор, это его собственное утверждение, что, поскольку международная революция потерпела поражение, постольку большевикам пришлось рассчитывать на свои собственные силы. Это, дескать, и заставило их отказаться от программных идеалов.

Между тем введение нэпа не означало никакой «новой исторической перспективы» или «нового социального порядка». Партия руководствовалась все той же Программой, принятой на VIII съезде РКП(б) и имевшей целью построение социализма. То обстоятельство, что пролетарская революция произошла первоначально в одной стране, не дает никаких оснований для рассуждений о некоей «смене вех» при определении курса развития советского общества на пути к социализму, об отказе от программных положений. Решения XIV конференции РКП(б) дали ясный и четкий ответ на вопрос о перспективах социалистического строительства в СССР в условиях враждебного капиталистического окружения. Они гласили, что в нашей стране есть все условия и возможности для построения полного социалистического общества. Окончательная же победа социализма, как отмечалось в решениях конференции, будет достигнута после пролетарской революции в ряде других стран и обеспечения в международном масштабе гарантии от реставрации буржуазных отношений². Следовательно, домыслы Дэниелса, направленные на искажение сущности поворота к нэпу, являются попыткой поставить под сомнение курс на развитие социально-экономических отношений в целях создания социалистического общества, который осуществляла партия.

Второй тезис Р. Дэниелса заключается в том, что поворот к нэпу означал будто бы не только выдвижение

¹ Daniels R. The conscience of the revolution, p. 154.

² См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е, т. 3. М., 1970, с. 209—215.

партией «новой исторической перспективы», но и признание ею неосуществимости перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Период, который последовал за решением X съезда РКП(б) о переходе к нэпу, автор по существу рассматривает как стадию буржуазно-демократической революции в России.

Здесь точка зрения Р. Дэниелса смыкается с позицией другого «специалиста» по ленинизму, А. Мейера, который «в социальной и политической структуре нэпа» усматривает «большое сходство с ленинскими идеями о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства».

Последовательно формулирующий свои мысли А. Мейер идет дальше, утверждая, что черты, характеризующие новую экономическую политику, соответствовали той программе-минимум, которую выдвигал Ленин между 1906—1917 годами. Коль скоро нэп застрял на «программе-минимум» и «партия не сумела перевести буржуазную революцию непосредственно в пролетарскую», налицо «тяжелое поражение», «отступление» от марксистских идеалов или «перерождение ленинизма»¹.

Оценка А. Мейером и Р. Дэниелсом поворота к нэпу как возвращения к буржуазно-демократической революции, к задачам программы-минимум, не является сколько-нибудь новой или оригинальной. В статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде», написанной в августе 1921 года, а также в целом ряде работ и выступлений 1921—1922 годов В. И. Ленин подробно ответил на обвинения в «перерождении», в отступлении большевиков к буржуазной революции, которые исходили тогда от меньшевиков, эсеров, деятелей II и II^{1/2} Интернационалов.

В. И. Ленин следующим образом сформулировал тезис своих противников: «Основной мотив у меньшевистствующих: „Большевики повернули назад, к капитализму, тут им и смерть. Революция все же оказывается буржуазной, и Октябрьская в том числе!“»². В плане политического отчета ЦК РКП(б) XI съезду партии и в докладе на съезде В. И. Ленин вновь возвращается к такого рода обвинениям, суммируя их фразой: «Буржуазно-демократическая революция „они“ говорят!»³. Позиция

¹ Me u e g A. Leninism. Cambridge (Mass.), 1957, p. 210.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 101.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 417.

«меньшевистующих», которая воспроизводится теперь Мейером и Дэниелсом, была подвергнута уничтожающей критике В. И. Лениным.

Во-первых, отмечал В. И. Ленин, абсолютно неправомерно юпитать стадию революционного процесса в России после поворота к эпоху буржуазной или буржуазно-демократической революцией, поскольку «мы „до-делали“ буржуазно-демократическую революцию так „чисто“, как никогда еще в мире. Это — величайшее за-воевание, которого никакая сила назад не возьмет»¹.

Задачи буржуазно-демократической революции в России, определенные программой-минимум большевиков, принятой II съездом РСДРП, не включали свержения капиталистического строя и установления диктатуры пролетариата, а предусматривали уничтожение царского самодержавия, установление демократической республики, введение 8-часового рабочего дня, ликвидацию крепостнических пережитков в деревне и помещичьего землевладения². Все эти задачи, указывал В. И. Ленин, были частично решены Февральской революцией и полностью выполнены на первом этапе Великой Октябрьской социалистической революции, с 25 октября 1917 года до 5 января 1918, когда она была вынуждена довершить буржуазно-демократическую революцию, осуществлять ее задачи, ввиду бездействия меньшевиков и эсеров «за восемь месяцев (февраль — октябрь 1917 г.) их власти»³. В смысле «довершения буржуазно-демократической революции» Октябрьскую революцию на этом этапе можно считать буржуазной,— писал В. И. Ленин⁴.

Во-вторых, как известно, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, соответствующая стадии буржуазно-демократической революции, существовала в России лишь очень короткое время — в 1917 году, да и то в зачаточной форме, представленной Советами рабочих и солдатских депутатов. После же поворота к эпохе государственным строем переходного периода продолжала оставаться диктатура пролетариата, установленная в октябре 1917 года. Союз пролетариата с крестьянством на новой экономической

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 417.

² См.: КПСС в резолюциях..., т. 1, с. 62—66.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 102.

⁴ См. там же.

основе никакого не изменил сущности Советского государства. Все утверждения о «перерождении ленинизма» и фактическом сползании к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства являются абсолютно беспочвенными.

В-третьих, Октябрьская революция не только доверила задачи буржуазно-демократической революции. По словам В. И. Ленина, «мы сделали гигантски многое *сверх* буржуазной революции, для социалистической, пролетарской революции...»¹. В нескольких своих работах В. И. Ленин суммировал это «гигантски многое»: свержение власти капиталистов и установление диктатуры пролетариата, создание социалистического типа государства, революционный выход из империалистической войны, завоевание и упрочение союза рабочего класса и крестьянства, овладение основными позициями в народном хозяйстве страны, которые обеспечивают переход к социализму².

Изменил ли переход к нэпу соотношение классовых сил в стране, затронул ли он хотя бы одно из этих величайших завоеваний пролетарской революции? На этот вопрос можно ответить только отрицательно. Политическая власть осталась в руках пролетариата. Советы как государственная форма диктатуры пролетариата сохранили свое положение и после введения нэпа, союз рабочего класса и крестьянства укрепился уже на экономической основе. Основные командные высоты в экономике, несмотря на уступки частному капиталу в городе и мелкобуржуазным элементам в деревне, также были в распоряжении государства. Следовательно, эту стадию развития революционного процесса в стране никак нельзя отождествлять с буржуазной или буржуазно-демократической фазой революции, к которой якобы отступила партия, отказавшись, согласно домыслам советологов, от марксистской теории и собственных программных взглядов.

По мнению В. И. Ленина, переживаемая Советской Россией после введения нэпа полоса развития революции была переходным периодом к социализму в условиях, когда все задачи буржуазно-демократической революции давно решены и сделано очень много на пути развития социалистической революции, но когда сам

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 44, с. 102.

² См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 45, с. 95.

фундамент социалистической экономики был еще «не-
доделан», «не создан»¹.

Таким образом, концепция Дэниелса, в основе которой лежат «доводы» «меньшевистующих», подвергнутые уничтожающей критике В. И. Лениным, представляет несостоятельную попытку выдать желаемое за действительное и не имеет ничего общего с объективным освещением вопроса.

Столь же искаженным является и изображение советологами социальной базы Советской власти, классовой структуры общества и союза рабочего класса с крестьянством после перехода к новой экономической политике.

Советская историческая наука при рассмотрении этих проблем основывается на ленинской оценке движущих сил революции и социалистического строительства. В. И. Ленин доказал, что построение социалистического общества и само существование диктатуры пролетариата в России, где пролетариат составлял меньшинство населения, возможно лишь при условии, если рабочий класс объединит вокруг себя и под своим руководством непролетарские трудовые слои, и прежде всего крестьянство: «Высший принцип диктатуры — это поддержание союза пролетариата с крестьянством, чтобы он мог удержать руководящую роль и государственную власть»². После перехода к нэпу этот союз получил прочную экономическую основу для своего совершенствования и развития, улучшилось материальное положение крестьянства, прекратился процесс деклассирования пролетариата, были достигнуты первые успехи в восстановлении народного хозяйства страны. Эти процессы, естественно, вели к укреплению социальной базы диктатуры пролетариата, усилию трудовой и политической активности рабочего класса и крестьянства.

Вопреки историческим фактам, консервативное крыло реакционной буржуазной историографии фактически отрицает наличие у Советского государства всякой социальной базы. По мнению А. Улама, К. Ханта, М. Файнсода и ряда других буржуазных историков, Советское государство действовало в условиях полного «социального вакуума», поскольку ни рабочий класс, ни крестьянство, ни другие социальные группы не имели никако-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 45, с. 11, 417—418.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 44, с. 47.

го самостоятельного значения и влияния в обществе¹. Такие карикатурные представления о советском обществе не находят поддержки даже у многих представителей реакционной буржуазной историографии, сознавших, что отрицание всякой социальной базы Советской власти в этот период выглядит слишком неправдоподобным даже для западного читателя. Поэтому в 60-е годы в работах советологов большее хождение начинают приобретать «социальные структуры» советского общества, навеянные отчасти теорией «конвергенции», отчасти «теоретическими» построениями некоторых современных ревизионистов.

В этом смысле характерной является трактовка социальной структуры, сложившейся в результате перехода к нэпу, предложенная Р. Дэниелсом. Отрицая, подобно многим другим буржуазным авторам, всякую самостоятельную роль рабочего класса в обществе, он отыскивает «новый класс», который в союзе с большевистской партией и составлял якобы социальную структуру общества после поворота к нэпу. По его мнению, в основе этой структуры лежал компромисс между партией, с одной стороны, и технократией (специалисты), бюрократией («эксперты», «администраторы», «полицейский аппарат») — с другой. Рабочий класс и крестьянство, как таковые, вообще выпадают из этой схемы, которая именуется им «менеджерским социальным порядком»².

Весьма примечательно, что тезис о союзе партии с технократией и бюрократией, якобы заменившем союз рабочего класса с крестьянством после поворота к нэпу, получает все большее распространение среди реакционных буржуазных авторов.

В основе такого рода «социальных структур» и «союзов», помимо перенесения некоторых явлений современной политической системы империалистических государств (возросшая роль технократии, менеджерского слоя) на «советскую почву», лежит извращение политики партии и государства по привлечению буржуазных специалистов в различные отрасли народного хозяйст-

¹ У 1 а м A. Lenin and the Bolsheviks. London, 1966, p. 479—480, 486, 528; Readings in Russian civilization, vol. 3. Soviet Russia (1917—1963). Ed. by Th. Riha. Chicago—London, 1969, p. 505, 680, 787; Fainsod M. Now Russia is ruled. Cambridge (Mass.), 1963, p. 97—98.

² Daniels R. V. The conscience of the revolution, p. 136, 139.

ства, их использованию в деле восстановления экономики страны.

Привлечение буржуазных специалистов — ученых, представителей технической интеллигенции, части административно-управленческих работников вовсе не дает оснований для таких абсолютно несостоительных утверждений. В конспекте брошюры «О диктатуре пролетариата» В. И. Ленин определил использование буржуазии и буржуазных специалистов, «взятие на работу, принуждение служить пролетариату» как одну из форм классовой борьбы после завоевания рабочим классом политической власти¹. Характер, место и степень эффективности участия буржуазных специалистов в восстановлении и строительстве новой экономики всецело зависели от тех рамок, в которые они были поставлены пролетарским государством, занимавшим командные высоты в народном хозяйстве².

Оценивая «социальную структуру», предложенную Дэниелсом, следует особо отметить цели и «механизм» той явной фальсификации, к которой прибегает американский советолог в своей интерпретации данной проблемы. Цели эти довольно прозрачны и состоят в стремлении навязать читателю мысль о «верхушечной» природе Советской власти, об отсутствии у нее сколько-нибудь широкой социальной базы. В угоду этой задаче отрицается действительно народный характер власти Советов, намеренно игнорируются все данные о роли рабочего класса и его союзе с многомиллионными массами крестьянства как основе нового общественного строя, строящего социализм. Дэниелс, таким образом, действуя методами и средствами подтасовки исторического материала, пытается добавить «аргументации» идеологическим стереотипам своего класса, призванным поставить под сомнение подлинное народовластие в Советском Союзе и других социалистических странах. Однако, как нетрудно установить, американский советолог не может привести ни одного довода в пользу своей тенденциозной антисоветской схемы. Аргументы ему заменяет «испытанная методика» жонглирования историческими фактами в целях искаже-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 261—264.

² См. подробнее: Щербак Н. В. Против буржуазных извращений роли Коммунистической партии в вовлечении рабочих в управление производством в восстановительный период. — В кн.: Страницы великого пути. Из истории борьбы партии за победу коммунизма, ч. II. М., 1969, с. 110—116.

ния явлений прошлого: назойливые повторения все тех же домыслов буржуазной историографии о роли партии в политической системе советского общества, дополненные такими же превратными истолкованиями проблемы «советских менеджеров».

Представителям буржуазно-либерального направления современной западной историографии свойственно более внимательное рассмотрение положения каждого класса и структуры советского общества после введения нэпа. В их работах делается попытка оценить роль и значение тех или иных классов в развитии общественного производства. Однако и их позиция требует критической оценки.

Обратимся к работам наиболее видного историка буржуазно-либерального направления Э. Карра, в которых данный вопрос рассмотрен довольно подробно. Э. Кэрр отмечает четыре класса (группы) в социальной структуре советского общества после введения нэпа: рабочий класс; крестьянство и «независимые ремесленники»; новая буржуазия (нэпманы и кулаки); командный (офицерский) корпус, к которому он относит должностных лиц, руководителей, технических специалистов, интеллигентов всех категорий и т. д.¹. Хотя такое деление и не соответствует марксистскому представлению о классах, ибо марксизм-ленинизм определяет признак класса в зависимости от положения больших групп людей в системе общественного производства, и в данный период существовали лишь три класса: рабочий класс, крестьянство, буржуазия города и деревни, — такие социальные слои действительно имели место в структуре общества этого времени.

Однако оценка Э. Кэрром роли и веса в советской системе того или иного класса (слоя) противоречива и вызывает возражения. Он признает, что сущность нэпа состояла в том, чтобы сохранить союз между крестьянством и пролетариатом, который сложился еще в годы гражданской войны и благодаря которому была одержана победа в этой войне². Однако взаимоотношения и роль этих классов в рамках их союза в начале 20-х годов определяются им совершенно неверно. Исходя из своих неправильных представлений о сущности совет-

¹ Сагг Е. Н. *Socialism in one country, 1924—1926*, vol. I. London, 1958, p. 90.

² Сагг Е. Н. *The bolshevik revolution, 1917—1923*, vol. II. London, 1966. p. 278.

ского государственного строя, Э. Кэрр так оценивает роль рабочего класса в социальной структуре общества: «Его относительный вес в социальном строем уменьшился. Концепция гегемонии пролетариата в революции, которая казалась единственной в героические дни Октября 1917 года, оказалась неработоспособной после того, как власть была взята». Пролетариат, продолжает автор, «был не способен „вести“ крестьянство, которое составляло 80% населения и от которого он сам жизненно зависел»¹.

В. И. Ленин еще в 1921 году писал: «Меньшевики рассуждают так: крестьянство составляет большинство, мы — чистые демократы, а потому большинство должно решать. Но так как крестьянство не может быть самостоятельным, то практически это означает не что иное, как восстановление капитализма. Лозунг тот же самый: союз с крестьянами. Когда мы об этом говорим, мы понимаем под этим усиление и укрепление пролетариата»². Следовательно, в начале 20-х годов пролетариат оставался гегемоном и вел за собою крестьянство. Вопреки фактам, Э. Кэрр делает вывод, что после введения нэпа «скорее крестьянство, чем промышленный пролетариат, взяло руководство на следующие три года, захватив главное место в заботах руководителей партии»³, называет крестьянство «избалованным дитятей пролетариата», которое командовало своим родителем⁴.

Следовательно, по Э. Кэрру, гегемоном в этом союзе как бы становится крестьянство, а не рабочий класс. Отметим попутно, что Э. Кэрр определяет вес класса в обществе не ролью его в системе общественного производства и распределения, не его влиянием в политической жизни, а степенью озабоченности партии его (класса) проблемами, т. е. проявляет крайне субъективистский подход.

В качестве доказательства своего тезиса Э. Кэрр приводит данные о том, что в первые годы нэпа производство сельскохозяйственной продукции быстро возвращалось к своему довоенному уровню, тогда как тяжелая промышленность восстанавливала крайне медленно. Рабочие легкой промышленности, продолжает он, тесно

¹ Сагг Е. Н. *Socialism in one country, 1924—1926*, vol. I, p. 99.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 44, с. 42.

³ Сагг Е. Н. *Socialism in one country*, vol. I, p. 100.

⁴ Ibid.

связанные с крестьянским производством, заняли ведущее положение в экономике.

Однако все эти факты вовсе не говорят о переходе гегемонии к крестьянству. Нэп был рассчитан на восстановление в первую очередь крестьянского хозяйства и легкой промышленности не потому, что крестьянство как класс заняло ведущее положение в союзе, а потому, что эти отрасли экономики могли восстанавливаться быстрее, без больших капиталовложений, что позволяло создать необходимые резервы для последующего перехода к восстановлению и развитию тяжелой промышленности — материального фундамента социализма. Что же касается роли рабочего класса, то он не только не утратил той гегемонии, которая была присуща ему в период пролетарской революции, но, напротив, в условиях перехода от капитализма к социализму все более и более усиливал свое влияние на политическое и экономическое развитие государства, стал руководящей социальной силой строительства социализма в СССР.

Таким образом, и концепция Э. Карра не дает правильного представления о классовой структуре советского общества в годы нэпа, а его тезис об утрате рабочим классом в этот период своей гегемонии представляет собой «либеральный» вариант уже знакомой нам версии об отсутствии прочной социальной базы для диктатуры пролетариата.

2. ИЗВРАЩЕНИЕ ВОПРОСА О СУЩНОСТИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Как же раскрывается современными буржуазными историками сущность той социально-экономической политики, которая осуществлялась в Советском государстве с начала 20-х годов? Общим для всей буржуазной историографии, как мы установили, является утверждение о том, что решение о повороте к нэпу знаменовало собой отход от марксистской теории. С этих позиций многие западные исследователи пытаются рассматривать и ту экономическую структуру, которая стала действовать в народном хозяйстве страны с весны 1921 года, полагая, что она также находится в противоречии с марксистскими представлениями об общественно-экономическом механизме пролетарского государства.

Авторы некоторых работ, выдвигая это положение, не стремятся или не способны к определенности в оцен-

ке новой экономической политики, проводившейся в Советской России. Так, например, Б. Пэйрс, давая характеристику периоду после 1921 года, отмечает, что «этая эволюция имела мало или не имела ничего общего с принципами правительства, а тем более партии. Она представляла собой усилие вернуться к нормальной экономике»¹.

Т. Андерсон считает нэп «новой капиталистической политикой в социалистической теории»². Однако значительная часть представителей консервативного направления современной буржуазной историографии не ставит на этом точку и пытается оценить новую экономическую политику термином «государственный капитализм», вкладывая в это понятие содержание, с которым никак нельзя согласиться³.

В этом отношении наиболее примечательна концепция А. Улама, которая заключается в следующем. Характеризуя сущность «нового общества», автор считает, что оно «не может быть названо ни социалистическим, ни переходным» потому, что были допущены капиталистические элементы в городе и мелкие производители в сельском хозяйстве⁴. А. Улам совершенно сбрасывает со счетов социалистический сектор в экономике, который, как мы знаем, и определял тенденции развития общества. При этом он «забывает», что, делая уступки крестьянству, мелкой буржуазии, пролетарское государство оставляло за собой узловые пункты экономики: крупную промышленность, транспорт, монополию внешней торговли, национализированную землю. Сохраняя, таким образом, командные высоты в народном хозяйстве, Советское государство ограничивало капиталистические элементы, устанавливая размеры их производства, цены на их продукцию, облагая их налогами и т. д.

Государственный сектор играл решающую роль в развитии советской промышленности. В общем объеме продукции крупной промышленности СССР удельный вес частного производства с 10% в 1920 году понизился в 1924 году до 4%. К 1925 году на промышленных предприятиях страны с числом рабочих свыше 500 было со-

¹ Pares B. A history of Russia. London, 1970, p. 551.

² Anderson Th. Russian political thought: an introduction. New York, 1967, p. 329.

³ Например, Е. Лайонс считает нэп «компромиссом с капитализмом», получившим название «госкапитализм» (Lyons E. Fifty years of Soviet communism: a balance sheet. New York, 1967, p. 56).

⁴ Ulam A. Op. cit., p. 479.

средоточено почти 70% всех рабочих страны. Все эти предприятия были государственными фабриками и заводами. В конце восстановительного периода, в 1925/26 хозяйственном году, 97,5% всех рабочих крупной промышленности было занято в государственном секторе. Доля капиталистических элементов в производстве промышленной продукции, составлявшая около 21% в 1924—1925 годах, приходилась на мелкие предприятия и мастерские с использованием наемного труда¹. Таким образом, уже с самого начала 20-х годов государственный, социалистический сектор занял главенствующее положение в промышленности страны.

Определяя сущность нэпа, А. Улам пишет, что «этот социализм был просто капитализмом», с той лишь разницей, что вместо «множества капиталистов имелся один — государство»². И далее отмечает, что в основе взглядов В. И. Ленина еще в 1918 году был экономический строй, близкий к капитализму: «В то же самое время, когда он (В. И. Ленин.—И. Ш.) вводил рабочий контроль на фабриках, крестьянские коммуны и другие эксперименты, которые известны под названием „военного коммунизма“, лидер коммунизма мечтал о возвращении денежной системы, трудовой дисциплины, единонаучания и всех других вещей, которые называются капитализмом»³.

Под пером Улама ленинский план построения социализма, разработанный весной 1918 года с учетом особенностей экономики переходного периода, произвольно превращается в мечты о «возвращении капитализма». Раскрыв, таким образом, свое «понимание» этого плана, Улам с необычайной легкостью переходит к оценке экономического строя, сложившегося в Советской России после поворота к нэпу, отмечая такие его элементы, как «государственный капитализм», «дисциплина труда», «единонаучание», «денежная система». Все вместе взятое, полагает Улам, это уже система, близкая к капитализму. Идеи такой экономической политики, по мнению А. Улама, противоречат принципам социализма. В лучшем случае, пишет он, она была проявлением попыток ввести государственный капитализм в условиях «примитивной, варварской, полуазиатской России»⁴.

¹ См.: Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975, с. 212—213.

² Ulam A. Op. cit., p. 467.

³ Ibid., p. 468.

⁴ Ibid., p. 479.

Не останавливаясь пока на данной точке зрения по существу, отметим лишь, что она полностью отождествляет экономическую структуру Советского государства, сложившуюся после X съезда РКП(б), с «госкапитализмом», а последний трактуется как замена отдельных капиталистов целым и единым государством-капиталистом, государством-эксплуататором.

Другая концепция, также исходящая из оценки нэпа как госкапитализма, толкует этот термин применительно только к социалистическому сектору экономики Советской России этого времени. В наиболее отчетливом виде она представлена в «Истории России» Дж. Кларксона и в его статье «Россия и будущее», помещенной в журнале «Russian Review». Автор утверждает, что «между госкапитализмом и социализмом не было разделяющей линии»¹, а «новая экономическая политика, при которой основная промышленность концентрировалась в социалистическом секторе, должна была руководствоваться принципами, очень похожими на корпоративный капитализм...»².

В «Истории России» Дж. Кларксон прямо пишет, что «социалистический сектор советской экономики просто отражал продвинутую стадию монополистического капитализма, которая, по марксистской терминологии, должна была „эксплуатировать“ рабочих для того, чтобы получить выгоду для капиталиста»³. Автор «оценивает» социалистический сектор советской экономики, как «госкапитализм», отличающийся от «монополистического капитализма» лишь тем, что «бездушным эксплуататором» при нем выступает само государство, а не «частный индивидуум». В другой работе, опубликованной в 1967 году, Дж. Кларксон еще более последовательно и откровенно высказывает те же мысли, основываясь на теории «конвергенции»⁴.

В современной буржуазной историографии такого рода домыслы, исходящие из пресловутой теории «конвергенции», имеют довольно широкое хождение⁵.

¹ Clarkson J. A history of Russia from the ninth century. New York, 1962, p. 647.

² Clarkson J. Russia and the future. — «Russian Review», 1967, vol. 26, № 4, p. 369.

³ Clarkson J. A history of Russia, p. 646.

⁴ Clarkson J. Russia and the future, p. 369—370.

⁵ См.: Rauch G. A history of Soviet Russia. New York, 1967, p. 125; Kochan L. The making of modern Russia. London, 1962, p. 258.

Следует заметить, что оценка советской экономики в годы нэпа или даже только одного социалистического сектора как «госкапитализма» разделяется не всеми современными буржуазными историками. Ряд представителей буржуазно-либерального направления не согласен с ней и делает отдельные критические замечания относительно такого рода концепций. Против отождествления экономической структуры Советского государства, сложившейся в результате решений X съезда РКП(б), с госкапитализмом, например, выступает Г. Эллисон. Признавая, что этот тезис был впервые выдвинут «новой оппозицией», он пишет, что «с командных высот можно было легко контролировать конкуренцию в промышленности и торговле...»¹.

Другой буржуазный историк, М. Левин, подчеркивает, опираясь на высказывания В. И. Ленина, что понятие госкапитализма в советских условиях было иным, чем, например, в германской военной экономике периода 1914—1918 годов. Он пишет следующее: «В условиях советской экономики имелось существенное отличие: государство было не капиталистическим, а пролетарским и непосредственно занимало важные экономические позиции. Ленин использовал термин госкапитализм, потому что он рассчитывал на сотрудничество с русским капитализмом и с иностранными предпринимателями...». Но государство, по его мнению, должно было проявлять бдительность и ввести необходимые методы контроля и наблюдения над ними. Так Ленин надеялся построить социализм с помощью капитализма и «иностранных рук»².

При всей неполноте и недостаточности такого понимания госкапитализма и ошибочности ряда положений (М. Левин приписывает, например, В. И. Ленину мысль о том, что Россия нуждалась в длительном периоде капиталистического развития на пути к конечной цели — социализму) оно все же выгодно отличается от приведенных выше концепций Улама и Кларксона, имеющих широкое распространение в современной буржуазной историографии.

Прежде всего, что же следует понимать под термином «госкапитализм» применительно к условиям со-

¹ Ellison H. A history of Russia. New York—London, 1964, p. 352.

² Lewin M. Lenin's last struggle. New York, 1968, p. 26.

циально-экономической действительности Советского государства в 20-х годах? В. И. Ленин говорил о госкапитализме при диктатуре пролетариата в двояком смысле.

Во-первых, под госкапитализмом понимался один из пяти общественно-экономических укладов, которые существовали в народном хозяйстве страны: 1) патриархальный, т. е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство, не связанное с рынком; 2) мелкотоварное производство, куда относились большинство крестьянских хозяйств, связанных с рынком, и кустари; 3) частнокапиталистический (промышленные и торговые предприятия в городе, кулацкие хозяйства в деревне); 4) государственно-капиталистический (подконтрольные предприятия, смешанные общества, буржуазная кооперация, хлебная монополия); 5) социалистический (государственные промышленные предприятия, транспорт, совхозы, коллективные хозяйства, рабочая кооперация)¹. Отмеченные В. И. Лениным в 1918 году пять укладов не претерпели существенных изменений и сохранились в целом и после введения нэпа. Следовательно, госкапитализм (в узком смысле слова) был одним из укладов в советской экономике, к которому после 1921 года, как правило, относились взятые в аренду частными лицами предприятия, концесии, смешанные общества, комиссационная торговля, некоторые виды кооперации. Этот уклад не получил сколько-нибудь широкого развития и при нэпе.

Во-вторых, В. И. Ленин рассматривал госкапитализм (в широком смысле слова) как новую форму отношений между победившим пролетариатом и побежденной буржуазией, как особую политику диктатуры пролетариата, заключавшуюся в применении целой системы методов и способов государственного вмешательства в целях регулирования капиталистического хозяйства и подчинения его деятельности интересам и задачам пролетарского государства². Поэтому отождествлять весь механизм новой экономической политики, и тем более социалисти-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 296; см. также: Хессин Н. В. Ленинское учение о нэпе и его историческое значение. — «Вестник МГУ». Экономика. 1971, № 3, с. 22—23.

² Подробнее об этом см.: Хессин Н. В. Указ. соч., с. 22—23; Коссой А. И. Разработка В. И. Лениным проблемы госкапитализма в условиях социалистического строительства. — В кн.: Новая экономическая политика. Материалы всесоюзной научной сессии, ч. 2. М., 1971, с. 24—39; Ои же. Государственный капитализм в условиях строительства социализма. М., 1975.

ческий ее сектор, с госкапитализмом, как это делают представители реакционной буржуазной историографии, значит исказить взгляды В. И. Ленина в угоду целям, не имеющим ничего общего с наукой.

По Ленину, сущность новой экономической политики, проводившейся в начале 20-х годов, отнюдь не ограничивалась понятием «госкапитализм». В плане доклада на IV конгрессе Коминтерна В. И. Ленин прямо поставил вопрос: «В чем план или идея или суть нэпа?» Ответ, который он дал на этот вопрос, был следующим:

«„Новая экономическая политика“ =

- 1) *командные высоты в наших руках*
- 2) земля у государства
- 3) свобода хозяйственной деятельности крестьян
- 4) крупная индустрия (и крупное сельское хозяйство) в наших руках
- 5) частный капитализм — для него возможна конкуренция с *государственным капиталом*
- 6) государственный капитализм такого рода, что мы привлекаем частный капитал вместе с *нашим капиталом*¹.

Госкапитализм и как уклад, и как метод ограничения и контроля частного капитала отнюдь не занимал главенствующего положения в экономической политике Советского государства в переходный период. Более того, в советской науке на основе ленинского учения, всей совокупности фактов, их тщательной оценки и сопоставления нэп определяется как политика, которая «была рассчитана на преодоление разрухи, на создание фундамента социалистической экономики, развитие крупной промышленности, установление экономической смычки между городом и деревней, укрепление союза рабочего класса и крестьянства, на вытеснение и ликвидацию капиталистических элементов, на победу социализма»².

Госкапитализм в обоих своих проявлениях представлял не что иное, как форму борьбы с капитализмом и одновременно форму сотрудничества с ним в целях его использования в интересах пролетариата и создания условий для его полной ликвидации³. Только так и можно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 431, 437.

² 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, с. 12.

³ См.: Коссой А. И. Разработка В. И. Лениным проблемы госкапитализма в условиях социалистического строительства, с. 26.

рассматривать госкапитализм, если подходить к этому явлению конкретно-исторически, оценивая его во всей совокупности фактов, а не выхватывая из целостной экономической политики отдельные звенья, возводя их в абсолют, придавая совершенно не свойственные им значение и смысл.

Рассмотренные же нами концепции Улама и Кларксона представляют собой прямое искажение ленинского учения о нэпе с явно проглядывающей целью представить народное хозяйство Советского государства 20-х годов не как переходное к социалистическому способу производства, а либо как монополистическую, тоталитарную структуру, где эксплуататором выступает само государство, либо как ту же структуру, но в рамках социалистического сектора. Так выглядят невинные, на первый взгляд, «упражнения» реакционных историков Запада с термином «госкапитализм» при оценке нэпа.

Отождествлением экономики Советской России первых лет нэпа с превратно толкуемым «госкапитализмом» не исчерпывается трактовка этой проблемы реакционным направлением современной буржуазной историографии.

В последнее десятилетие, пожалуй, даже более распространенной является другая версия относительно экономической «модели», сложившейся в условиях нэпа. Она представлена в работах ряда американских и английских экономистов-советологов, но принятая также и некоторыми историками реакционного направления. Речь идет о концепции так называемого «рыночного социализма», смыкающейся с идеями современных правых ревизионистов типа О. Шика и основанной в значительной степени также на теории «конвергенции»¹.

Отвергая учение В. И. Ленина о нэпе как переходных мерах, рассчитанных на постепенное вытеснение капиталистических элементов из экономики, в результате которого «из России нэповской будет Россия социалистическая»², сторонники этой концепции пытаются изобразить нэп как особую «специфически социалистическую модель», как образец «мирного сосуществования» различных укладов в условиях социализма.

¹ Подробнее см.: Ольсевич О. Я. Эффективность экономики социализма. Критика буржуазных и ревизионистских концепций. М., 1973.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 309.

Так, А. Мейер характеризует нэп как «социально-экономическое межвластие», при котором «мирно сосуществовали» капитализм с социализмом.¹

Однако в наиболее полном и отчетливом виде концепция «рыночного социализма» применительно к оценке экономической «модели» начального периода нэпа представлена в работах американского экономиста В. Н. Бандера, который опубликовал две большие статьи, специально посвященные этому вопросу. Первая из них под названием «Новая экономическая политика (нэп) как экономическая система» появилась в 1963 году, вторая — «Рыночная ориентация государственных предприятий в годы нэпа» — в 1970 году.

Бандера в этих статьях выражает несогласие с теми авторами, которые считают, что нэп — это возврат к капитализму или, как утверждает английский экономист-марксист М. Добб, прелюдия социализма². Бандера полагает, что это хорошо сбалансированная, устойчивая экономическая система со своими законами. Он пишет, что нэп «был не переходной политикой, а четко определенной, функциональной системой», давшей путь «новому экономическому режиму»³. Иными словами, В. Бандера подводит читателя к мысли, что не нужно было что-либо менять в этой «системе», переходить к индустриализации и коллективизации, следовало остановиться на этой стадии, заняться ее совершенствованием.

Считая нэп «советским экспериментом рыночного социализма»⁴, В. Бандера видит в нем «модель» для настоящего социализма, при котором все отношения должны строиться на рыночной конъюнктуре, без планирования и централизации. Такое понимание нэпа необходимо автору для того, чтобы протянуть мостик к современности. Он утверждает, например, что новая экономическая реформа в СССР заставляет вернуться к практике нэпа, отказаться от централизации, планирования и т. д. Целый раздел своей статьи автор посвя-

¹ M e y e r A. The Soviet political system. An interpretation. New York, 1965, p. 408.

² D o b b M. Soviet economic development since 1917. New York, 1966, p. 147.

³ B a n d e r a V. N. Market orientation of state enterprises during NEP. — «Soviet studies», 1970, vol. 22, № 1 (July), p. 110; I d e m. The new economic policy (NEP) as an economic system. — «The journal of political economy», 1963, vol. 71, № 3, p. 265.

⁴ B a n d e r a V. N. Market orientation of state enterprises during NEP, p. 110, 113—119.

щает трестам — прототипам нынешних фирм, «рыночноориентированным», «независимым, решающим объединениям».

Хотя В. Бандера признает известное вмешательство партии и государства в экономику, определяющим в положении трестов — основных механизмов нэпа, он все же считает то обстоятельство, что «рынок служил главным координирующим механизмом между предприятиями». Он противопоставляет нэп последующей экономической политике, которую он называет «волюнтаристским прямым контролем», «командной экономикой» и т. д.

Подводя итог своим изысканиям, В. Бандера отмечает, что советская экономическая политика, которой уступил место нэп, представляет собой «эксплуатацию масс социалистической супермонополией» вместо прежних капиталистических монополий империализма¹, т. е. солидаризируется с другими буржуазными авторами, такими, как Кларксон, у которого в качестве такой супермонополии уже при нэпе выступал социалистический сектор.

Итолкование нэпа как «рыночного социализма» и противопоставление его последующей так называемой «командной экономике» периода пятилеток не имеют ничего общего с действительным положением дел. Попытки представить экономику первых лет нэпа брошенной на произвол «рыночной игры» противоречат действительным фактам. Хотя с переходом к нэпу государственная трестированная промышленность была переведена на хозрасчет, это отнюдь не означает, что рыночная стихия определяла развитие экономики. Бандера не желает замечать тех элементов «командной экономики», которые действовали и в годы нэпа и которые стали основой последующего экономического развития страны.

Речь идет прежде всего о наличии плановых начал в этот период. «Новая экономическая политика,— писал В. И. Ленин,— не меняет единого государственного хозяйственного плана и не выходит из его рамок, а меняет подход к его осуществлению»². В самом деле, можно ли говорить о «рыночной игре» как «главном координирующем механизме» народного хозяйства, игнорируя, в частности, осуществление плана ГОЭЛРО в этот период, создание в 1921 году Госплана.

¹ Bandera V. N. Market orientation of state enterprises..., p. 120.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 101.

В первые годы нэпа в связи с Генуэзской конференцией был разработан и первый набросок советского перспективного плана развития промышленности. «В этом наброске,— отмечал председатель Госплана Г. М. Кржижановский,— хотя и в грубых чертах, но уже намечаются общие масштабы капитального строительства»¹. В концепцию «рыночного социализма», развиваемую В. Бандерой, никак не укладывается и такой факт, как последовательное вмешательство партии и государства в кризис сбыта на рубеже 1923—1924 годов, приведшее к ликвидации «ножниц цен» на продукцию государственной промышленности и сельскохозяйственные товары. Эти факты свидетельствуют о несостоятельности концепции «рыночного социализма», сторонники которой имеют целью поставить под сомнение подлинно социалистические принципы экономического развития СССР последних сорока лет и выдвинуть альтернативу этим принципам в виде праворевизионистских теорий.

Точка зрения В. Бандеры не стоит особняком в современной реакционной исторической и экономической литературе. Гораздо более фундаментальная разработка этой концепции содержится в работе крупного английского экономиста А. Ноува, известного весьма тенденциозной интерпретацией экономической истории советского общества. Ноув не останавливается в своих рассуждениях и перед прямой фальсификацией позиции В. И. Ленина в вопросе о сущности экономической политики в начале 20-х годов. В основе его концепции лежит тезис о так называемой смешанной экономике, который по сути дела сводится к той же апологии «рыночного социализма», свойственной работам В. Бандеры.

Взгляды В. И. Ленина на сущность нэпа А. Ноув представляет в таком виде, чтобы противопоставить их последующей политике партии в области экономики (централизации управления экономикой, социалистическому планированию и т. д.). По его схеме, В. И. Ленин, хотя и не создал общей теории экономического развития страны, так как все больше и больше погружался в каждодневную политику, тем не менее якобы стоял на точке зрения консервации или сохранения в течение длительного времени смешанной децентрализованной экономики. Далее Ноув пишет: «...критерий, предложенный Лениным для оценки управления, был рыночный критерий.

¹ Кржижановский Г. М. Избранное. М., 1957, с. 424.

Доказано, что Ленин никогда не ввел бы... модель ультра-централизации¹. Использование рыночных отношений он стремится противопоставить централизованному управлению экономикой и социалистическому планированию, хотя, как показал опыт СССР, то и другое находится вialectическом единстве и сочетается в социалистическом народном хозяйстве. По сути дела из ленинского понимания сущности нэпа А. Ноув произвольно вырывает положение об использовании рыночных отношений в переходный период и отбрасывает весь план строительства социализма на рельсах нэпа (развитие социалистической тяжелой индустрии, кооперирование сельского хозяйства и т. д.).

Извращение А. Ноува ленинского понимания сущности нэпа имеет целью доказать, что экономическая политика партии и ее курс на строительство социализма в одной стране путем индустриализации, плановой экономики, централизации управления и кооперирования сельского хозяйства представляли собой отход от ленинских взглядов. Естественно, что при этом на щит поднимаются оппозиционеры, которые в 20—30-х годах выдвигали курс экономической политики, расходящийся с политикой партии².

Фальсификация ленинского учения о нэпе, попытки представить В. И. Ленина сторонником «рыночного социализма» и противником той политики партии в области экономики, которая проводилась в годы социалистической реконструкции народного хозяйства и строительства развитого социалистического общества, предпринимаются также и некоторыми историками реакционного направления.

Американский советолог Б. Вольф в статье, опубликованной в сборнике «50 лет коммунизма в Советской России», рассматривая содержание работы В. И. Ленина «О кооперации», утверждает, что будто бы В. И. Ленин к концу своей жизни пришел к твердому убеждению о необходимости консервации нэпа в том виде, в каком эта политика сложилась в первые два года после ее введения³. По его мнению, лишь Бухарин со своим

¹ Nove A. Lenin as economist. — In: Lenin: the man, the theorist, the leader. A reappraisal. New York, 1967, p. 198, 209.

² Подробнее см.: Олегина И. Н. Индустриализация СССР в английской и американской историографии. Л., 1971, с. 200—220.

³ Fifty years of communism in Russia. Ed. by M. Drachkovitch. London, 1968, p. 39.

стремлением опереться на хозяйственного мужичка в развитии сельского хозяйства, с теорией врастания такого хозяйствика в социализм твердо стоял на позиции В. И. Ленина. Партия же в целом якобы действовала вопреки ленинскому плану построения социализма¹. К этому мнению присоединяется и английский советолог В. Клэтт².

Попытки извратить ленинское учение о нэпе, изобразить В. И. Ленина чуть ли не противником строительства социализма путем индустриализации и коллективизации страны, представить его защитником «рыночного социализма» и сторонником консервации методов хозяйствования начальной стадии новой экономической политики полностью опровергаются последними высказываниями, статьями и письмами В. И. Ленина, в которых изложен развернутый план построения социализма в СССР.

20 ноября 1922 года в своей последней публичной речи на пленуме Моссовета В. И. Ленин говорил о том, что социализм уже не есть теперь вопрос отдаленного будущего, что он уже входит в повседневную жизнь, и закончил свою речь словами: «из России нэповской будет Россия социалистическая»³. Утверждения о том, что В. И. Ленин якобы сам стоял на точке зрения сохранения на длительное время в первозданной чистоте методов и «модели» «рыночного социализма», не выдерживают никакой критики. Для В. И. Ленина нэп был не «специфически социалистической системой», которую надлежало сохранить и совершенствовать как особую модель «рыночного социализма», а системой переходных мер, в которых применялись и капиталистические методы, формой классовой борьбы, способом подготовить переход от многоукладной экономики к подлинно социалистическому способу производства⁴.

Далее, первые годы нэпа, как известно, характеризовались прежде всего восстановлением сельского хозяйства и подъемом легкой промышленности. Действительно ли В. И. Ленин был склонен задержать на этой фазе экономическое развитие, выступая сторонником консервации экономической политики начала 20-х годов, как утверждают некоторые буржуазные авторы? Разде-

¹ *Fifty years of communism in Russia*, p. 39—40.

² «Survey», 1967, № 65, October, p. 84—85.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 309.

⁴ См. там же, с. 60—61, 95.

лял ли он точку зрения Бухарина о «врастании хозяйственного мужичка» в социализм и об индустриализации «черепашьими темпами», как пишет кое-кто из них? Отнюдь нет. Все помыслы В. И. Ленина в конце жизни были направлены на укрепление социалистического уклада, на развитие тяжелой индустрии, в которой он видел главное средство строительства социализма.

«Спасением для России,— говорил он на IV конгрессе Коминтерна,— является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве — этого еще мало — и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления,— этого тоже еще мало,— нам необходима также тяжелая индустрия»¹. Он ставил задачу уже в 1922 году накопить необходимые средства и направить их на развитие тяжелой промышленности, чтобы пересадить страну «на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.»². В статье «О кооперации» В. И. Ленин намечал план постепенного перевода крестьянского хозяйства на коллективные социалистические рельсы. В статье «О придании законодательных функций Госплану» он обосновал необходимость повышения руководящей роли планирования в развитии экономики уже в годы нэпа.

Таким образом, последние работы В. И. Ленина, являющиеся заключительным этапом разработки его плана построения социализма в СССР, не оставляют камня на камне от домыслов апологетов «рыночного социализма» относительно ленинской оценки перспектив новой экономической политики.

Было бы неверным считать, что вся буржуазная историография рассматривает данный вопрос только с таких позиций. Для нее характерен известный разнобой в определении соотношения между экономической политикой в начале 20-х годов, с одной стороны, и политикой «военного коммунизма» и так называемой «командной экономикой» пятилеток — с другой. Например, известный своими в целом реакционными взглядами в оценке начального этапа истории Советского государства Г. Наттер, касаясь вопроса об элементах плановости и централизации при нэпе, называет эти годы «предпла-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 288.

² Там же, с. 405.

новыми» и считает, что «нэп означал больше, чем интерлюдия» к последующим годам¹.

Говоря о появлении плановых начал при нэпе в достаточно сильном национализированном секторе, Г. Наттер, таким образом, противопоставляет свою концепцию взглядам В. Бандери и А. Ноува, полностью отымающих первые годы нэпа от последующего экономического курса периода коллективизации и индустриализации.

Представители буржуазно-либерального направления современной буржуазной историографии, несмотря на многие ошибочные положения о сущности нэпа, высказывают в то же время ряд правильных мыслей относительно сложившейся после X съезда РКП(б) экономической политики и ее места в истории хозяйственного развития СССР на пути к социализму. Так, Дж. Коул, в противоположность А. Ноуву, Б. Вольфу и другим, не считает, что В. И. Ленин рассматривал экономическую «модель» этого времени как устойчивую систему, которую надлежало сохранить в качестве «рыночного социализма» на длительное время. Он пишет, что «Ленин явно рассчитывал завершить период нэпа в течение нескольких лет»².

Еще более подробное и аргументированное изложение всей этой проблемы содержится в работах Э. Карра, в которых достаточно объективно освещаются многие из затронутых выше вопросов. В отличие от представителей реакционной буржуазной историографии, сторонников «рыночного социализма», Э. Кэрр особо подчеркивает значение централизации, роли тяжелой промышленности, которая, как он пишет, «была условием строительства социалистического порядка»³. Кроме того, Э. Кэрр, основываясь на статье В. И. Ленина «О придании законодательных функций Госплану», убедительно подчеркивает роль планирования в самом начале нэпа⁴. В работе Э. Карра «1917: до и после» еще отчетливее выражается его точка зрения на экономику периода нэпа как на переходную к социализму,

¹ Nutter G. W. *The growth of industrial production in the Soviet Union*. Princeton, 1962, p. 95; Idem. *The Soviet economy: retrospect and prospect*. — In: *Fifty years of communism in Russia*, p. 84.

² Cole J. *Communism and social democracy, 1914—1931*. vol. IV. London, 1958, p. 561.

³ Carr E. H. *The bolshevik revolution, 1917—1923*, vol. II, p. 272.

⁴ Ibid.

в которой заключены многие элементы плановой экономической политики последующих лет индустриализации. Автор, опираясь на высказывания В. И. Ленина, утверждает, что нэп — не система, а соревнование между социализмом и капитализмом по принципу: «кто кого?»¹.

Однако, несмотря на наличие работ, авторы которых пытаются с позиций буржуазного объективизма подойти к решению важнейших вопросов, связанных с оценкой значения решений X съезда РКП(б) для судьбы социалистического строительства, преобладающей все же является их тенденциозная интерпретация. Поэтому перед советскими историками, изучающими этот этап развития нашего государства, стоит задача аргументированной критики такого рода буржуазных построений и дальнейшей углубленной позитивной разработки проблем, в которые наиболее активно вторгается буржуазная историография.

¹ Сагг Е. Н. 1917: before and after. London, 1969, p. 99.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какие же цели преследуют реакционные представители современной буржуазной историографии, тенденциозно интерпретируя политику партии в период перехода к мирному социалистическому строительству? Каков « дальний прицел» проанализированных нами схем, версий, концепций, основанных на грубом искажении фактов и существа исторических событий?

Проведенный В. И. Лениным четкий марксистский анализ политической системы общества и соотношения классовых сил в Советском государстве в начале 20-х годов, определение им роли партии и ее политического курса в руководстве социально-экономическими процессами развития страны на пути к социализму, достижение единства и сплочения ее рядов, непримиримая борьба против оппортунистических фракционных группировок создали предпосылки для успешного руководства со стороны РКП(б) советским обществом в сложнейший период перехода к мирному строительству.

Повышение ведущей роли Коммунистической партии, рост ее авторитета среди широчайших масс трудящихся обеспечили решение труднейших задач экономического строительства в начальной стадии нэпа, укрепление союза между рабочим классом и трудящимся крестьянством на хозяйственной основе, прекращение процесса деклассирования рабочего класса, достижение первых успехов в восстановлении и развитии народного хозяйства.

Руководящая роль партии, ее сплоченность и монолитность явились одним из решающих факторов процесса революционных преобразований на последующих

этапах: в борьбе за индустриализацию страны и кол-лективизацию сельского хозяйства, за построение социализма в СССР.

Между тем современная буржуазная историография намеренно искажает роль партии в рассматриваемый период, пытаясь превратно истолковать ее политику, вложить в нее смысл, который никак не соответствует исторической действительности. Буржуазных авторов беспокоит прежде всего та огромная притягательная сила, которой в современном мире обладают реально существующее в СССР развитое социалистическое общество и обеспечивающая его неуклонное продвижение к коммунизму политика Коммунистической партии. Именно на ослабление этой притягательной силы прежде всего и направлены усилия идеологов современного антикоммунизма. И если многие из них обращаются к истории, то не для правдивого воссоздания прошлого, а лишь для «отыскания» в нем некоего «исторического объяснения» пропагандируемых ими измышлений относительно социализма, советского общественного и государственного строя, теории и политики Коммунистической партии Советского Союза.

Антикоммунистическая и антисоциалистическая позиция в современной идеологической борьбе заставляет буржуазных советологов искажать, фальсифицировать историю. Это в полной мере распространяется на «изыскания» целого ряда буржуазных авторов, относящиеся к истории партии в начале 20-х годов. Давая искаженную интерпретацию событий прошлого, они как бы подбрасывают «исторические» аргументы в арсенал антикоммунистических доктрин, цель которых при помощи мифов о «тоталитарном обществе», «диктатуре партии» и т. п. оклеветать, извратить природу всей политической системы социализма, утвердившейся в странах социалистического содружества и служащей маяком социального прогресса для всего человечества.

Критическое рассмотрение версий, схем и концепций современной буржуазной историографии, призванных «истолковать» политику партии в период перехода к мирному социалистическому строительству, позволяет не только вскрыть их несоответствие действительному развитию исторических событий и характеру ряда сложнейших явлений этого времени, но и выявить тот набор методов и средств, которые применяются советологами при интерпретации многих этапов истории КПСС.

Анализ работ буржуазных авторов, предпринятый в настоящей книге, дает возможность суммировать, так сказать, «методологические приемы», применяемые советологами для «исследований» в области истории нашей партии. Коротко их можно свести к следующему.

1. Оценка советского рабочего класса в соответствии с мерками капиталистического общества исключительно как производительной силы, объекта управления, политических манипуляций и даже эксплуатации и игнорирование его как руководящего класса государства диктатуры пролетариата, господствующего в экономике.

2. Искажение понятий «класс» и «партия», противопоставление интересов партии интересам рабочего класса и крестьянства, попытка рассматривать ее в качестве внеклассовой, «элитарной» группы, использующей в своих корыстных целях один из этих классов и враждебной другому.

3. Игнорирование учения о диктатуре пролетариата как сложном механизме политической системы, произвольное обособление и выпячивание отдельных частей этой системы, подмена понятия «диктатура пролетариата» понятием «диктатура партии».

4. Спекуляция на известной слабости экономического базиса в первые годы Советского государства, преувеличение роли количественных показателей в экономике (уровня развития промышленности и связанный с ним численности пролетариата) и недооценка или игнорирование ее качественной стороны (характера собственности, наличия социалистического уклада).

5. Стремление рассматривать политическую надстройку в отрыве от экономического базиса, оценка политики по существу как внеэкономического по своей природе явления, игнорирование диалектики взаимодействия базиса и надстройки в условиях диктатуры пролетариата.

6. Игнорирование классовой основы социальных движений, трактовка их как спонтанных и стихийных выступлений масс, нежелание «замечать» в них организационное руководство, лозунги или программные установки партий и общественных групп.

7. Затушевывание мелкобуржуазной природы оппозиционных группировок в партии, стремление объяснить их появление «отходом» ленинского ЦК от марксизма, «перерождением большевизма» или субъективными мотивами политических деятелей.

8. Замазывание принципиальных разногласий между партией и фракционными группировками, являвшимися главной причиной внутрипартийной борьбы, и стремление свести их к чисто тактическим маневрам, применяемым ради сомнительных соображений и целей.

9. Спекуляция на преобладании мелкобуржуазных слоев в классовой структуре советского общества после Октября и попытки изобразить развитие социально-экономических отношений в стране как стадию буржуазно-демократической, а не социалистической революции и тем самым обосновать непригодность «русского образца» для развитых капиталистических государств.

10. Наконец, интерпретация ленинского учения о переходном периоде как политической доктрины, якобы предусматривавшей консервацию элементов объективно обусловленной экономической «модели» и противопоставление ее в качестве разновидности истинного, «рыночного социализма» последующей политике КПСС в области индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Как мы пытались показать в этой работе, попытки буржуазных историков с помощью этих «методологических приемов» дать свое истолкование политике партии в период перехода к мирному социалистическому строительству выглядят явно несостоятельными.

Нельзя не заметить, что современная буржуазная историография проявляет наибольшую активность в тенденциозной интерпретации тех вопросов истории КПСС и Советского государства, которые наименее изучены в нашей литературе. Среди них можно, в частности, отметить такие проблемы, как конкретное содержание понятия «диктатура пролетариата» в начале 20-х годов и роль партии и рабочего класса в ее осуществлении, характер революционного процесса в этот период и ряд других. Все это говорит о необходимости для советских историков наряду с критикой буржуазных построений в области истории КПСС продолжать углубленную теоретическую и конкретно-историческую разработку проблем, связанных с изучением актуальных вопросов теории, политики и истории нашей партии.

О ГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ОСВЕЩЕНИЯ ИСТОРИИ КПСС В СОВРЕМЕН- НОЙ СОВЕТОЛОГИИ	11
Глава II. ПАРТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРА- НЫ В НАЧАЛЕ 20-Х ГОДОВ В ОЦЕНКЕ БУРЖУ- АЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	24
1. Искажение учения о сущности государства, роли партии и рабочего класса в советской политической системе	24
2. Фальсификация политики партии по отношению к кресть- янству	51
3. «Неизвестная революция» (кронштадтский мятеж 1921 года в изложении буржуазных авторов)	73
Глава III. БОРЬБА ПАРТИИ С ОППОЗИЦИЕЙ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К МИРНОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКО- МУ СТРОИТЕЛЬСТВУ В ТРАКТОВКЕ СОВЕТО- ЛОГОВ	95
1. Советологи о причинах возникновения антпартийных фракционных группировок	95
2. Апология взглядов «рабочей оппозиции» и троцкизма по вопросу о профсоюзах	107
3. Решения X съезда РКП(б) о единстве партии и принцип демократического централизма в кривом зеркале совето- логов	130
Глава IV. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУ- АЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКО- НОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ	150
1. Значение поворота к нэпу для развития революционного процесса и измышления советологов	150
2. Извращение вопроса о сущности новой экономической политики	170
Заключение	186

Идея Михайловна Шишкина
ПРАВДА ИСТОРИИ
и
ДОМЫСЛЫ СОВЕТОЛОГОВ

Редактор В. Л. Ющенко

Художник С. Я. Гесин

Художественный редактор А. К. Тимошевский

Технический редактор Г. В. Преснова

Корректор В. Д. Чаленко

Сдано в набор 7/II 1977 г. Подписано к печати 15/VII 1977 г.
М-23684. Формат 84×108 $\frac{1}{3}$. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 10,08.
Уч.-изд. л. 10,91. Тираж 15 000 экз. Заказ № 44. Цена 45 коп.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59
Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57

**В ЛЕНИЗДАТЕ
В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫЙДЕТ КНИГА**

**М. Т. Якушевский
РЕВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ СОВЕТОЛОГОВ**

В книге на основе ленинской теории революции подвергаются критике произведения ряда буржуазных историков и философов последних лет, содержащие советологические трактовки трех революций (1905—1907 гг., Февральской и Октябрьской 1917 г.).

Большое внимание автор уделяет показу того, как советологи приспособливаются к новым условиям идеологической борьбы, пытаясь использовать в своих целях разрядку международной напряженности.

Книга рассчитана на преподавателей, научных работников, пропагандистов, а также читателей, интересующихся проблемами критики современной буржуазной идеологии.

45 коп.

